Годъ 16-й. Кн. LXII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1904, № 3.

подъ редакціей

Предсѣдателя Отдѣла **В. Ѳ. Миллера**

и

Товарища Предсѣдателя Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Т-во Скорон. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Тверская, Мамоновскій пер., с. д.

1904.

Digitized by Google

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Изъ исторіи русскаго былевого эпоса. III. Къ былинѣ о Глѣбѣ Володьевичѣ. *А. В. Маркова* 1

II. Къ пѣснямъ объ Иванѣ Грозномъ. *Вс. Ѳ. Миллера*. 38

III. Бѣломорская былина и повѣсть Петровскаго времени. *Н. В. Васильева* 51

IV. Смѣсь:

1. Еще къ вопросу о прозвищѣ Ильи Муромца. *А. В. Маркова* 64
2. Былины на братчинахъ. *И. А. Шляпкина* 65
3. Къ пѣснѣ объ осадѣ Соловецкаго монастыря. *А. В. Маркова* 66
4. «Красная смерть» у русскихъ старообрядцевъ. *Д. К. Зеленина* 67
5. Дѣтскія игры Московской губерніи Бронницкаго уѣзда въ с. Быковѣ. *В. Н. Харузиной* 68
6. Новыя пѣсни—частушки. По поводу войны *В И. Степанова* 69
7. Причетки, запис. въ г. Веневѣ. *В. Н. Харузиной* . . 71
8. Печерскіе эсты (Сетукезы) 71

V. Критика и библіографія:

1. Отчеты о новыхъ изданіяхъ.

Hertz. Moderne Rassentheorien. *В. Н. Х-ой* (78).—Jastrow. Die Religion Babyloniens und Assiriens. Lief. 1—6. *Е. Н. Е-ой* (79)—Günter. Ziele Richtpunkte und Methoden der modernen Völkerkunde. *В. Н. Х-ой.* (80).—Дирръ. Грамматика Удинскаго языка. *Вс. Ѳ. М-а* (82).—Коропчевскій. Первые уроки этнографіи. *А. Н. Максимова* (84).—Гр. Уварова. Кавказъ. Часть III. *Вс. Ѳ. М-а* (89).—Московская церковная старина. Подъ ред. А. И. Успенскаго, т. I, т. III. *Е. Н. Е-ой* (93).—Хан-

Digitized by Google

Стр.

галовъ. Балаганскій сборникъ. *Вс. Ѳ. М-а.* (94).—Халанскій. Матеріалы и замѣтки по исторіи древне-русскаго героическаго эпоса. I, II. *А. В. Маркова* (97).—Нарбековъ. Южнорусское религіозное искусство XVII—XVIII в.в. *Е. Н. Е-ой* (98).—Труды Троицкосавско-Кяхтинскаго отдѣленія И. Р. Г. О. т. VI, вып. 2. *Н. М. М-на* (99).—Пругавинъ. Религіозные отщепенцы. Вып. I, II. *Е. Н. Е-ой* (100).—Лемке. Н. М. Ядринцевъ. Біогр. очеркъ. *Н. М. М-на* (101) 102

2. Обзоръ газетъ и журналовъ 103

3. Новости этнографической литературы 117

VI. Хроника:

Отчетъ о дѣятельности Этнографическаго отдѣла и Музыкально-Этнографической Комиссіи.—А. Н. Пыпинъ (некр.) *Вл. Б.*—В. М. Михайловскій (некр.). *В. М.*—В. И. Сизовъ (некр.) *Вл. Б.*—Н. П. Припузовъ (некр.).—Былинная традиція въ Сарат. губ.—По сѣв.-западнымъ и прибалтійскимъ губерніямъ.—Къ вопросу о переустройствѣ Берл. Этн. Музея.—Къ сближенію языковѣдѣнія и народовѣдѣнія.—Значеніе фонографа для записыванія пѣсенъ.—Къ исторіи общиннаго землевладѣнія.—Вопросъ о полевомъ хозяйствѣ у примитивныхъ народностей.—Записки Герберштейна.—Новый трудъ Тэйлора.—Евгеника.—Обзоръ греческихъ миѳовъ.—Дорійская надпись. На о. Итакѣ.—Этн. коллекція изъ Чили, Боливіи и Перу.—На междунар. конгрессѣ американистовъ.—Въ лѣсахъ Ю. Америки.—Объ отношеніяхъ сѣв.-азіатскихъ народностей къ сѣв.-американскимъ.—Изученіе монголо-бурятскаго языка.—Саратъ-Чандра-Дасъ, изслѣдователь Тибета.—Къ изученію Китайскаго Туркестана.—Статистика Японіи.—Къ изученію австралійцевъ.—Изъ Абиссиніи.—Численность евреевъ. 122

VII. Объявленія объ изданіяхъ Этнографическаго Отдѣла и другія 147

Digitized by Google

Изъ исторіи русскаго былевого эпоса.

III [1]).

Къ былинѣ о князѣ Глѣбѣ Володьевичѣ.

Записанная мною на Бѣломъ морѣ былина о князѣ Глѣбѣ („Бѣломорскія былины", №№ 50 и 80) послужила матеріаломъ для статьи проф. В. Ѳ. Миллера: „Къ былинѣ о князѣ Глѣбѣ Володьевичѣ" (Журналъ Минист. Нар. Просвѣщенія 1903 г., № 6, отд. 2, стр. 304—321). Предположительные выводы, къ которымъ пришелъ авторъ, можно кратко формулировать слѣдующимъ образомъ:

1) Имя князя восходитъ къ Глѣбу, сыну Владимира Святого.

2) Былина сохраняетъ отголоски преданія о походѣ Владимира подъ Корсунь и его женитьбѣ на греческой царевнѣ.

3) Женская личность былины, получивъ въ XVII в. имя Марины (Мнишекъ), пріобрѣла и свойства, связанныя съ этимъ именемъ въ нашемъ эпосѣ.

4) Редакція былины, существовавшая до XVII в., кончалась не смертью корсунской дѣвицы, а ея увозомъ.

5) Слѣдъ этой редакціи остался въ пѣснѣ, записанной на Терекѣ.

Оставляя пока въ сторонѣ первые три вывода, остановимся на двухъ послѣднихъ. Сдѣланы они путемъ сравненія былины съ пѣсней, записанной у гребенскихъ казаковъ, и анализа содержанія послѣдней. Этимъ анализомъ В. Ѳ. Миллеръ выяснилъ уже, что начало пѣсни, разсказывающее о плаваніи по морю тридцати кораблей съ купцами торговыми, представляетъ при-

[1]) См. „Этногр. Обозр." 1904 г. № 2.

Digitized by Google

крѣпленіе къ пѣснѣ о Маринѣ Кайдаровой другой, самостоятельной пѣсни, извѣстной и въ отдѣльномъ видѣ. Что касается той части, гдѣ говорится о Маринѣ, то, по мнѣнію автора, ее нельзя назвать въ полномъ смыслѣ слова варіантомъ архангельской былины, хотя въ нихъ замѣтны нѣкоторыя общія черты. Чтобы опредѣленнѣе выяснить вопросъ объ отношеніи южной пѣсни къ сѣверной былинѣ, отвѣтимъ сперва на общій вопросъ: что̀ представляютъ собою отголоски былинной традиціи на югѣ Россіи?

Въ южной Россіи былины сохранились почти исключительно у казаковъ—уральскихъ, донскихъ и терскихъ. Цѣльныхъ былинъ съ развитымъ содержаніемъ здѣсь не записано пока ни одной. Но мало попадалось собирателямъ и скомканныхъ былинныхъ версій; большинство же записей представляетъ изъ себя зачины былинъ, извѣстныхъ намъ въ полномъ видѣ въ сѣверныхъ пересказахъ. Такъ, извѣстно нѣсколько записей, описывающихъ выѣздъ Дюка Степановича и его вооруженіе; у уральскихъ казаковъ записана первая половина былины о Добрынѣ и Маринкѣ; первая половина былины объ Алешѣ и Тугаринѣ записана въ одной изъ станицъ Терской области; въ Донской области нашелся болѣе обширный пересказъ, но тоже нецѣльный; у терскихъ казаковъ нашлось также начало былины о Дунаѣ въ 18 строкъ [1]). Записанный тамъ же отрывокъ о турахъ и турицѣ осложненъ, также какъ и интересующая насъ терская пѣсня, запѣвомъ, который не имѣетъ отношенія къ дальнѣйшему разсказу и чисто внѣшнимъ образомъ спаянъ съ нимъ: пѣвецъ предлагаетъ своимъ слушателямъ „скинуться“ по денежкѣ, купить вина и распить за городской стѣной, а затѣмъ посмотрѣть въ чистое поле. Затѣмъ слѣдуетъ такой переходъ къ разсказу о турахъ:

«Какъ не во далечѣ да во чистомъ полѣ
Тамъ не пыль-кура да сподымалася,
Сподымавши кура съ земли до неба:
Тамъ увидѣли два гнѣдыхъ тура...» и проч.

Это—не что иное, какъ запѣвъ довольно распространенной пѣсни о скименѣ-звѣрѣ. Терская пѣсня кончается эпизодомъ о

[1]) См. Кирѣевскій, III, 100; VII, прил., 15; Тихонравовъ и Миллеръ, II, 126, 8, 188, 271, 273, 279; Сб. мат. для опис. мѣстн. и пл. Кавказа, вып. XXII, отд. III. 35, 37; Этнограф. Обозр. LIII, 131—143, 125, 129; Таковы же новыя записи г. Листопадова въ Донской области, еще не напечатанныя.

Digitized by Google

турахъ и Богородицѣ, составляющимъ зачинъ былины о Василіи-пьяницѣ и Батыѣ [1]).

Для сравненія съ пѣсней о Маринѣ особенный интересъ представляетъ пѣсня объ Ильѣ Муромцѣ, записанная въ Грозненскомъ округѣ Терской области. Эта пѣсня начинается обычнымъ разсказомъ о столкновеніи Ильи Муромца съ разбойниками, но конецъ ея вовсе не соотвѣтствуетъ началу:

Всходитъ старинушка (Илья Муромецъ) онъ во царскій кабакъ,
И крикнулъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Цѣловальники, вы кабатчики!
Вставайте поскорѣе,
Вы налейте мнѣ зелена вина,
Зелена вина на пятьсотъ рублей,
А любимому моему товарищу—
Ему вина на всю тысячу».
Цѣловальники перепужались,
Всѣ врозь-то разбѣжалися.
— Что это къ намъ пришелъ за пьяница,
Что это за питухъ такой!—[2])

Несомнѣнно, что приведенные стихи представляютъ отрывокъ изъ былины объ Ильѣ Муромцѣ и голяхъ кабацкихъ и приставлены къ первой пѣснѣ такъ же механически, какъ отрывокъ былины о Маринѣ—къ пѣснѣ о плаваніи купцовъ по морю.

Изъ всего сказаннаго видно, что былины, попадающіяся въ сборникахъ казацкихъ пѣсенъ, въ большинствѣ случаевъ дошли до насъ въ видѣ нѣсколькихъ начальныхъ стиховъ; изрѣдка встрѣчаются спайки различныхъ частей пѣсенъ и былинъ. Обратимся теперь къ интересующей насъ пѣснѣ о Маринѣ Кайдаровой. Приведемъ эту пѣсню въ обычномъ литературномъ правописаніи:

И со синяго моря погодушка она чуть потягивала,
Она мачтенки ломала да тонки парусы рвала,
Да заносила этотъ червленъ корабль во иную землю.
Да во иной было земелюшкѣ ни царя нѣту, ни короля;
И да тамъ царюетъ, тамъ королюетъ она красная дѣвица,
Она красная дѣвица-душа, Маринушка она дочь Кайдарова.
И да корабль по морю бѣжитъ—она пошлину съ него брала,

---

[1]) Соболевскій I, 570. Подобный отрывокъ изъ Донской области—въ Этногр. Обозр. LIII, 139.

[2]) *Тихонравовъ и Миллеръ*, Русскія былины, II, 272.

Digitized by Google

И да корабль къ яру да онъ подвигался—она другую съ него брала,
И да корабль на́ яръ да онъ выгружался—она третію брала.
И да выходилъ этотъ купчинушка на свой высокъ балконъ:
«Не угодно ли тебѣ, красной дѣвушкѣ, во червленъ корабль зайти,
Не угодно ли тебѣ, красная дѣвушка, всѣ наши товарушки посмотрѣть?
Не поправятся ли тебѣ, красная дѣвушка, шелки, бархаты?»
Выходила она, красная дѣвица, она улыбалася,
Посмотрѣла она на товарушки, сама усмѣхнулася.
Выходилъ-то этотъ купчинушка на свой высокій балконъ,
Онъ кричалъ-то, зычалъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Вы мазурушки, мои мазурушки, мои главные приказчички!
Отрубайте канаты смоленые, подымайте парусы шелко́вые».
Ухватилася красная дѣвица среди моря синяго.

Начало былины о Глѣбѣ Володьевичѣ почти буквально сходно съ первой половиной этой пѣсни:

А какъ падала погодушка да со синя моря,
А со синя морюшка съ Корсунскаго...
Заносила тутъ неволя три червленыхъ три-то ка́рабля
Что подъ тотъ подъ славенъ городокъ подъ Ко́рсунь же...
А въ томъ-то городѣ во Ко́рсунѣ
Ни царя-то не было, ни царевича,
А ни короля-то не было и не королевича,
Тутъ жила была Маринка дочь Кайдаловна...
Они какъ вѣдь въ гавань заходили, брала пошлину,
Паруса роняли—брала пошлину,
Якоря тѣ бросали—брала пошлину...
А къ мосту приставали—мостово́ брала [1]).

Что касается второй половины кавказской пѣсни, то она не соотвѣтствуетъ продолженію былины: въ послѣдней идетъ разсказъ о томъ, что корабельщики пишутъ письмо князю Глѣбу съ жалобой на притѣсненіе со стороны Марины, между тѣмъ какъ пѣсня оканчивается неожиданнымъ увозомъ притѣснительницы. Такая развязка такъ мало соотвѣтствуетъ началу пѣсни, гдѣ говорится о бурѣ и пошлинахъ, что я никакъ не могу согласиться съ В. Ѳ. Миллеромъ, видящимъ въ пѣснѣ болѣе древнюю редакцію, нежели въ былинѣ. Мнѣніе мое можно подтвердить и тѣмъ обстоятельствомъ, что увозъ дѣвицы посредствомъ хитрости представляетъ широко распространенную тему пѣсенъ

[1]) Бѣлом. былины, 429, ср. 251.

Digitized by Google

разныхъ народовъ [1]) и общее мѣсто въ народныхъ сказаніяхъ. Что касается кавказской пѣсни, то она могла заимствовать эту тему изъ былины о Соломонѣ и Василіи Окульевичѣ [2]) или—о князѣ Романѣ и Марьѣ Юрьевнѣ. Въ этихъ былинахъ посланный царя, переодѣтый купцомъ, предлагаетъ женщинѣ зайти на его корабль и посмотрѣть товары, а когда она вступаетъ на судно, то онъ приказываетъ отрубить канаты, поднять паруса и увозитъ женщину за море. Нужно замѣтить, что только одинъ пересказъ терской пѣсни кончается увозомъ дѣвицы. Въ станицѣ Червленой пѣсня оканчивалась разсказомъ о томъ, что „Маришка съ Бутаришки" беретъ пошлину съ кораблей; въ этомъ варіантѣ—увоза нѣтъ. Соединеніе двухъ сюжетовъ легко объясняется тѣмъ, что мѣсто дѣйствія и въ томъ и въ другомъ—одно: морская гавань.

Итакъ, обликъ дѣвицы, властительницы приморскаго города, къ которому буря пригнала русскіе корабли, чище сохранился въ сѣверномъ пересказѣ былины, нежели въ южномъ ея отрывкѣ, и нѣтъ никакого основанія думать, что болѣе ранняя редакція былины кончалась увозомъ женщины, какъ невѣсты; наоборотъ, этотъ увозъ, или похищеніе посредствомъ обмана нужно считать позднѣйшею вставкою общаго эпическаго мѣста.

Прежде чѣмъ разбирать другіе выводы В. Ѳ. Миллера, я укажу на одну старинную повѣсть, которая, думаю, поможетъ разобраться въ нѣкоторыхъ вопросахъ, соединенныхъ съ разборомъ былины.

Я имѣю въ виду „Слово о Димитріи купцѣ, прозваніемъ Басаргѣ, и о сынѣ его Добромыслѣ". Повѣсть эта принадлежитъ къ числу назидательно-благочестивымъ произведеній, приходившихъ въ Россію изъ Византіи. Хотя Димитрій называется кіевскимъ купцомъ, но приключенія случаются съ нимъ въ городѣ, который названъ въ одномъ спискѣ Антіохіей, и при томъ по дорогѣ „отъ славнаго Царяграда". Одинъ списокъ, начинающій

---

[1]) Былина эта извѣстна въ искаженномъ видѣ у донскихъ казаковъ. См. Этн. Обозр. LIII, 141.

[2]) Многочисленные варіанты этого сюжета указаны г. *Довнаромъ-Запольскимъ*: Пѣсни пинчуковъ 164—5. Сюда можно прибавить Великор. нар. пѣсни *Соболевскаго*, I, №№ 216—225, 244—6; Варш. Губ. Вѣд. 1897, №№ 30 и 37; *Добровольскій*, Смоленскій этногр. сборникъ. IV. 579—580.

Digitized by Google

разсказъ отъ лица самого Димитрія, прямо указываетъ на Царьградъ, какъ на первичную географическую обстановку повѣсти: „Бысть ми нѣкогда отплыти отъ отечества своего, Царяграда славнаго, въ корабли". Съ Димитріемъ ѣхалъ семилѣтній сынъ и девятнадцать (150) наемныхъ слугъ. Путникамъ пришлось испытать сильную бурю и великое волненіе. Тридцать дней ихъ носило по волнамъ, и наконецъ они увидали издали большой, богатый незнакомый городъ [1]). Приставши къ городу, они замѣтили около него 300 (или 330) кораблей. Граждане объяснили Димитрію, что ими правитъ поганый царъ Несмѣянъ Гордѣевичъ (Гордіянъ [2]) Несмѣяновъ, Гордій), „елиньскія вѣры", почитающій Аполлона; онъ принуждаетъ ихъ кланяться идоламъ и насильно приводитъ къ своей поганой вѣрѣ. Купцы и „карабельники" [3]), пріѣзжающіе въ его городъ, обязаны или отгадать его три мудреныя гаданія, или принять его вѣру. Въ противномъ случаѣ, онъ сажаетъ ихъ въ темницы, гдѣ они терпятъ нужду и наготу, и запрещаетъ гражданамъ продавать имъ хлѣбы на торжищѣ, желая уморить ихъ голодомъ.

Въ то время какъ граждане разсказывали объ этомъ Димитрію, его корабль былъ взятъ подъ стражу. Взявши съ собою драгоцѣнные дары, купецъ пришелъ къ царю и сказалъ ему: „Я, купецъ Греческой земли, пріѣхалъ поклониться тебѣ, владыка царь, чтобы ты позволилъ торговать". Царь принялъ дары, пригласилъ купца съ собою обѣдать и во время обѣда сказалъ ему: „Я тебѣ хощу дати 3 гаданія; ежели отгадаеши, то повелю торговати; ежели же ты не отгадаеши, то смерти преданъ будеши, а богатество твое будетъ взято въ казну царскую". Купецъ попросилъ „сроку на три дня", обѣщая на четвертый день прійти къ царю, а затѣмъ отправился на свой корабль. Увидавши, что сынъ его весело скачетъ на палочкѣ, отецъ сказалъ „изъ глубины сердьца своего съ яростію:—Что, чадо мое полоненое, играеши подѣцки, отцевы печали не вѣдаеши?"—Сынъ берется помочь отцу, говоря: „Конь на рати познаваемъ бываетъ, вѣрный

---

[1]) По одному списку, Антіохію.

[2]) Имя царя, вѣроятно, восходитъ къ имени римскаго императора Гордіана; въ житіи св. Трифона разсказывается, какъ отрокъ изгналъ изъ дочери Гордіана нечистаго духа въ видѣ собаки.

[3]) Капитаны кораблей.

Digitized by Google

другъ—у печали и бѣды"... „Азъ готовъ царю ити предложеная гаданія вся разрѣшати... Точію не скорби нынѣ, не стужай, отче, яждь, пій и веселися". Прошло три дня. На четвертый день отецъ съ сыномъ оба явились къ царю. Царь угостилъ ихъ медомъ и предложилъ первую загадку: „Много ли есть отъ востока и до запада обхоженья всего?" Дитя отвѣчаетъ за отца:—Гаданіе ваше, царю, невелико есть: отъ востока до запада обхожденія день есть съ нощію, понеже солнце преидетъ весь кругъ небесный отъ востока и до запада единымъ днемъ, а нощію единою идетъ солнце отъ сѣвера до юга.—Царь подивился разумному отвѣту мальчика и велѣлъ прійти ему съ отцомъ на слѣдующій день.

Утромъ у царской палаты собрались ипаты, тироны, стратилаты, воеводы, князья, земскіе бояре, великіе люди и всѣ граждане, пришедшіе посмотрѣть на чуднаго отрока. Царь сѣлъ на высокомъ престолѣ посреди двора и предложилъ мальчику вторую загадку: „Что есть: десятая часть въ міру днемъ убывающа, и десятая часть нощію въ міръ прибывающа?" Отрокъ отвѣтилъ царю:—Не велико ваше гаданіе есть, царю; азъ ваше гаданіе разрѣшу скоро. То есть: десятая часть днемъ убываетъ—сіе изъ моря, изъ езеръ, изъ рѣкъ на всякій день воды солнцемъ усыхаютъ по всему міру; ато [1]) десятая часть нощію въ міръ прибываетъ—ино то есть: въ морѣ, и въ рѣкахъ и езерахъ воды изъ моря прибываютъ по всей земли, занеже солнцу зашедшу за округлость земную.—

Затѣмъ царь предлагаетъ отроку послѣднюю загадку: „Что есть сіе, еже бы поганой не смѣялся?" Мальчикъ отвѣчаетъ: —Не глубоко ваше вопрошеніе, царю, сіе. Даждь ми время точію на три дни; повели етѣ три дни по всему своему граду проповѣдникомъ вопити, чтобы весь градъ, мужы, и жены и со младенцы, и совершены мужы, и дѣвицы и юноши стекошася вси на дворъ царевъ въ четвертый день.—

Когда народъ собрался и царь предложилъ свою загадку, мальчикъ сказалъ, что отгадаетъ загадку, когда царь пуститъ его сѣсть на престолѣ и дастъ ему все свое царское одѣяніе, вѣнецъ, скипетръ и острый мечъ. Желая потѣшить мальчика,

---

[1]) = что касается, лат. ut. По *Срезневскому*. пусть. да.

Digitized by Google

царь на это согласился. Тогда мальчикъ, неожиданно обернувшись, отсѣкъ мечомъ царю голову и сказалъ: „Се ти моя третьяя отгадка: не смѣйся, поганой, намъ, христіяномъ". Затѣмъ его самого выбрали царемъ; онъ велѣлъ призвать патріарха, скрывавшагося въ пещерѣ, и былъ имъ вѣнчанъ на царство. Во время вѣнчанія вскипѣло масло, которое держали въ рогѣ надъ головою отрока. Увидѣвши это чудо, всѣ граждане единогласно вскричали: „Многа лѣта государю нашему новому, царю младому Многославу (Добросмыслу, Борзомыслу, Мудросмыслу) Дмитреевичю, многа лѣта!"

Затѣмъ царь велѣлъ патріарху крестить жену убитаго имъ царя, которая была „вѣры латынскія, земли Римскія", и ея дочь, „вельми красну осми лѣтъ". Когда онѣ были крещены, онъ женился на царевнѣ и назвалъ ее Еупраксіею [1]). Незадолго до вѣнчанія онъ велѣлъ призвать къ себѣ изъ темницы 308 (330) человѣкъ купцовъ. Они пришли къ нему въ печальномъ видѣ: „быша лица ихъ аки земля, власы у нихъ до рамену, брады у нихъ до персей, а лица у нихъ изсохша отъ глада, а голосы ихъ яко пчелиные; лежаша въ ветхихъ срацыцахъ до глезну [2])". Царь устроилъ для нихъ большой пиръ и съ подарками отпустилъ ихъ домой. Затѣмъ, богато одаривши своего отца, повелѣлъ ему съ честью ѣхать въ его землю [3]).

Соберемъ черты, общія этой повѣсти и интересующей насъ былинѣ:

1) Обѣ начинаются описаніемъ бури, которую переносятъ торговые корабли.

2) Несмѣянъ Гордѣевичъ, самъ эллинской вѣры и имѣющій жену латинской вѣры, соотвѣтствуетъ еретицѣ, безбожницѣ Маринкѣ.

3) Царь беретъ подъ стражу корабли, засаживаетъ въ тем-

---

[1]) Это имя—въ рукописи г. Григорьева.

[2]) До пятъ (двойств. ч.).

[3]) При изложеніи содержанія повѣсти о Басаргѣ я пользовался а) рукописью XVIII в., принадлежащею А. Д. Григорьеву; „Повесть о некоемъ купце и сынѣ его" находится на лист. 25—36; б) спискомъ, изданнымъ Н. Полевымъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1842 г., № 1, стр. 65—75; в) двумя списками, изданными въ Памятникахъ старинной русской литературы. II. 347—356; г) замѣчаніями Пыпина въ Очеркѣ литер. исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, 95—98.

Digitized by Google

ницу „корабельниковъ“ и моритъ ихъ голодомъ; Маринка къ кораблямъ.—

«ставила своихъ да крѣпкихъ сторожовъ,...
Засадила всѣхъ у нихъ младыхъ матросичковъ;...
Заморить она вѣдь хочетъ все смертью голодною
Еще тѣхъ она нашихъ младыхъ все матросичковъ».

4) Купцу Димитрію въ его бѣдѣ помогаетъ его мудрый сынъ; корабельщикамъ, попавшимъ въ Корсунь, помогаетъ князь Глѣбъ Володьевичъ.

5) Царь обѣщаетъ позволить купцу торговать, если онъ отгадаетъ его три загадки; Маринка обѣщаетъ отдать Глѣбу корабли, если онъ отгадаетъ ея три загадки (таково количество загадокъ въ болѣе архаическомъ пересказѣ, № 80).

6) Есть сходство и въ самыхъ загадкахъ, хотя загадки въ былинѣ болѣе примитивны и наивны, нежели въ повѣсти. Первыя двѣ загадки касаются явленій природы: въ повѣсти—смѣна дня и ночи и возмѣщеніе ночью воды, испаряющейся днемъ изъ озеръ и рѣкъ; въ былинѣ—смѣна лѣта и зимы и естественное возникновеніе снѣговъ и рѣкъ:

«А какъ въ лѣтѣ-то бѣло—Господь хлѣбъ даетъ,
А въ зимѣ-то зелено—да тутъ вѣдь ель цвѣтетъ;...
Безъ кореньица растутъ бѣлы снѣги,
Безъ замочковъ-то текутъ да рѣчки быстрыя».

Что касается послѣднихъ загадокъ, то ихъ сходство ограничивается лишь тѣмъ, что обѣ онѣ относятся къ личности состязующихся. Загадка царя: „еже бы поганой не смѣялся“, не имѣетъ смысла въ его устахъ, и очень возможно, что ее въ болѣе древней редакціи повѣсти задавалъ мальчикъ передъ убійствомъ Несмѣяна, а третья загадка царя была другая. Загадка Маринки относится къ личности Глѣба Володьевича:

«Что у васъ-то это есть да на святой Руси,
У тебя, князь, это есть у широка двора—
Ай стоитъ-то высока гора, великая;
На горѣ-то есть вѣдь кипарисъ растетъ,
А на томъ кипарисѣ-деревѣ соколъ сидитъ».

Князь отгадываетъ такъ: гора—конь, кипарисъ—сѣдло, соколъ—онъ самъ. Подобная загадка встрѣчается въ повѣсти о

Digitized by Google

Волотѣ Волотовичѣ: „Выростало великое древо кипарисное... А поверхъ того древа сидитъ птица кречетъ“.

7) Есть сходство и въ отношеніи Добросмысла и Глѣба къ „премудренымъ“ или „хитромудрымъ“ загадкамъ: первый говоритъ царю: „не велико (или не глубоко) ваше гаданіе“, второй говоритъ Маринкѣ: „Не хитра твоя загадка хитромудрая“.

8) Наконецъ, и расправа съ притѣснителями купцовъ—одинакая въ обоихъ произведеніяхъ: какъ Добросмыслъ собственноручно отрубаетъ голову царю, такъ и Глѣбъ отсѣкаетъ голову Маринкѣ.

Изъ этого сравненія видно, что повѣсть, извѣстная намъ по рукописямъ XVII в. и былина, дошедшая до насъ въ устахъ пѣвцовъ и сказателей XIX в., находятся въ органической связи между собою.

Оба произведенія восходятъ къ одному и тому же сказанію, несомнѣнно, фантастическаго характера, которое пріурочивалось къ различнымъ географическимъ районамъ. Такими районами въ повѣсти являются Царьградъ и Антіохія, въ былинѣ—Новгородъ и Корсунь. Является вопросъ, какое изъ этихъ прикрѣпленій древнѣе? Отвѣтить на этотъ вопросъ, мнѣ кажется, будетъ нетрудно, если мы обратимъ вниманіе на нѣкоторыя противорѣчія между двумя пересказами былины. Прежде, чѣмъ указать эти противорѣчія, я приведу подобныя же разногласія въ географическихъ датахъ былины о Дюкѣ Степановичѣ. Дюкъ выѣзжаетъ то изъ Галича Волынскаго, то изъ Индіи богатой. Объясняется это тѣмъ, что пѣвецъ первую дату взялъ изъ какихъ-то историческихъ преданій, а вторую—изъ фантастической повѣсти, послужившей основой для былины. Подобнаго же явленія естественно ожидать и въ былинѣ о Глѣбѣ. Пересказъ Гаврилы Крюкова (№ 80) называетъ море, на которомъ терпятъ бурю корабли, Корсунскимъ, городъ, куда ихъ занесло, Корсунемъ; пересказъ же Аграфены Крюковой (№ 50) называетъ море Арапскимъ, а землю, къ которой забросило корабли, Татарской и Арапской. Извѣстно, что названіе татаръ въ нашемъ эпосѣ потеряло опредѣленный этнографическій смыслъ и свободно замѣняетъ разныхъ другихъ враговъ Россіи; поэтому названію Татарской земли не слѣдуетъ придавать никакого значенія. Что же

Digitized by Google

касается Арапской земли, то это названіе не стоитъ одиноко: 1) Гаврила Крюковъ начинаетъ былину о томъ, какъ Идолище сватается за племянницу князя Владимира (№ 79), такъ:

«А изъ-за синего моря изъ-за Карьского,
Изъ-за Карьского моря, Арапського
А приходило три черненыхъ три-то карабля.»

Подобнымъ образомъ начинаетъ ту же былину бѣломорскій сказатель Пономаревъ:

«Изъ-за Карьского, изъ-за Араньского
Приходило три карабьля три черьляны.» [1])

2) Малорусская дума объ Алексѣѣ Поповичѣ начинается описаніемъ бури на Черномъ морѣ:

«Що на Чорному морю... хвиля вставае,
Судна козацькі — молодецькі на три части разбивае:
Перву часть ухопило—у Арабську (var. Агарску, Агарянську,
Арапскую, Гаранську) землю занесло,
Другу часть схопило—
У Дунай въ гирло забило,
А третя часть тутъ мае,
Посередъ Чорного моря на бистрій хвилі,
На лихій хуртовині
Потопляе.» [2])

Сопоставленіе здѣсь названій „арабскій“ и „агарьскій“ объясняетъ намъ значеніе слова „Карьскій“ въ бѣломорской былинѣ: конечно, это—искаженіе, вмѣсто „гарьскій“, агарянскій.

3) Арабская земля упоминается также въ другой малорусской думѣ „Плачъ невольника“:

«Будуть ушкали, турки-яничари набігати,
За Червоное море, у Орабськую землю запродати.» [3])

---

[1]) Эта былина печатается въ I выпускѣ Трудовъ Музыкально-Этнографической Комиссіи.

[2]) Антоновичъ и Драгомановъ. Историч. пѣсни малорусскаго народа, I, 176—200; Житецкій. Мысли о нар. малор. думахъ, 235, 233, прим. 2.

[3]) Ант. и Драг., I, 94. Ср. Сумцовъ, Дума объ Алексѣѣ Поповичѣ: „Кіевская Старина“, т. XLIV. 13 (1894 г. январь); М. Сперанскій, Южно-русская пѣсня, Пѣсни Пархоменка. 14.

Digitized by Google

4) Въ думѣ о плѣнной дѣвушкѣ Маріанкѣ „арабинъ“ упоминается наряду съ турчиномъ и татариномъ [1]).

5) Наконецъ, въ одномъ изъ варіантовъ стиха о Егоріи-змѣеборцѣ упоминается „Арапинское царство“ [2]).

Названіе сарацинъ арапами не встрѣчается въ самыхъ древнихъ произведеніяхъ русской литературы. Мы встрѣчаемъ его въ описаніи хожденія въ Палестину Зосимы въ 1420—1 гг. Зосима наряду съ „лютыми срацинами“ упоминаетъ и „злыхъ араповъ“ [3]). Въ посланіи александрійскаго патріарха къ в. кн. Василію III (до 1533 г.) упоминаются „нечестивіи, зловѣрніи, безбожніи и немилостивіи Арапляне“. Въ грамотѣ 1668 г. говорится объ „Арапской“ землѣ [4]).

Въ повѣсти о Басаргѣ дѣйствіе происходитъ въ Сиріи, въ приморскомъ городѣ Антіохіи; въ былинѣ упоминается Арапское море и Арапская земля. Эти факты сами собою напрашиваются на сопоставленіе. Очевидно, повѣсть въ своемъ первоначальномъ видѣ представляла эпическое произведеніе изъ эпохи борьбы Византіи съ сарацинами, какъ и греческая поэма о Дигенисѣ, переработанная въ „Девгеніево дѣяніе“. Стѣсненіе греческой торговли, преслѣдованіе христіанской церкви и ея представителя, антіохійскаго патріарха—все это историческіе факты X—XI ст. Въ виду этого можно съ увѣренностью сказать, что въ болѣе древнемъ изводѣ повѣсти упоминались не только Антіохія, но и арабы.

Нужно замѣтить, что былина о сватовствѣ Идолища за племянницу князя Владимира, въ Крюковскомъ пересказѣ, изъ котораго я приводилъ начальныя строки, кромѣ Арапскаго моря, говоритъ также и объ арабахъ, которые пріѣзжаютъ въ Кіевъ вмѣстѣ съ Идолищемъ: его послы—„три татарина, да три мурина“. Любопытно, что пѣвецъ отдавалъ себѣ отчетъ въ этомъ названіи: по его объясненію, татаринъ или муринъ—все равно, что арапинъ [1]). Слѣдовательно, слово „муринъ“, т.-е. мавръ,

---

[1]) Головацкій, Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси, I, 22; Антоновичъ и Драгомановъ, I, 134—6.

[2]) Галаховъ, Исторія русской словесности, изд. 2-е. т. I. 248.

[3]) Пыпинъ, Ист. русской литер. I. 391.

[4]) Акты историческіе, I. 194; IV. 390.

Digitized by Google

извѣстно нашимъ былинамъ въ своемъ этнографическомъ смыслѣ. Но этотъ терминъ прилагается также къ Ильѣ Муромцу, какъ его прозваніе: въ Волынской губерніи записана у малороссовъ обширная сказка объ Ильѣ Муринѣ, содержащая комбинацію различныхъ похожденій русскаго богатыря, а также и другія наносныя черты [2]). Я думаю, что эта замѣна прозвища нашего „стараго казака" объяснитъ одно мѣсто въ пересказѣ Аграфены Крюковой, былины о Глѣбѣ. Въ этомъ пересказѣ Илья Муромецъ является въ совершенно неподобающей ему роли „милаго друга" Маринки, которая даритъ ему пошлину съ кораблей. Эту несообразность В. Ѳ. Миллеръ объясняетъ тѣмъ, „что Крюкова некстати припомнила другую ей извѣстную былину о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ (№ 4)... Въ архангельскомъ былинномъ репертуарѣ, наряду съ преданіемъ о происхожденіи Подсокольничка отъ связи Ильи Муромца съ бабой Латынгоркой (см. №№ 70 и 94), существуетъ другое о происхожденіи его отъ Ильи и Маринки Кайдаловки".

Но такую версію въ былинѣ о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ нельзя никакъ объяснить: ни въ одномъ изъ многочисленныхъ пересказовъ этой былины не упоминается ни Маринки, ни морской бури, ни пошлинъ, ни кораблей [3]), и, по моему мнѣнію, введеніе всей этой обстановки въ былину, описывающую богатырскую заставу среди широкаго поля, можно объяснить лишь вліяніемъ былины о Глѣбѣ Володьевичѣ, гдѣ Илья Муромецъ замѣнилъ собою Илью Мурина, а этотъ послѣдній, въ свою очередь,—просто „мурина". Такимъ образомъ, я предпологаю, что пересказъ Аграфены Крюковой сохранилъ въ искаженномъ видѣ старую черту былины, забытую въ варіантѣ Гаврилы Крюкова. При такомъ предположеніи, необходимо допустить, что въ сказаніи, послужившемъ основой для былины, фигурировалъ начальникъ города „муринъ" и его любовница, названная въ былинѣ Маринкой.

---

[1]) Бѣломорскія былины, стр. 425 и прим.

[2]) В. Ѳ. Миллеръ, Очерки, 379, 406.

[3]) Я имѣю въ виду между прочимъ новыя, еще не напечатанныя, записи мои и А. Д. Григорьева изъ Архангельской губ. и Печорскія былины, Ончукова, 14, 40.

Digitized by Google

Остановимся сначала на названіи „муринъ". Слово „муринъ, мюринъ, мурьскый" довольно часто встрѣчается въ переводныхъ памятникахъ XI—XII вв., гдѣ этимъ словомъ переводится греч. Αἰθίοψ; въ такомъ же этнографическомъ смыслѣ слово муринъ употреблено въ одномъ памятникѣ XIII стол., а также въ Прологѣ XIV в. („Св. Моисіи бѣ Муринъ чернъ" [1]). Но уже въ XIII стол. смыслъ этого слова начинаетъ забываться. Такъ, въ Пандектахъ Никона-Черногорца, по рукописи конца этого столѣтія, слово „муринъ" употребляется въ смыслѣ „страшилище"; въ житіи новгородскаго епископа Нифонта, по рукописи 1219 г., еще встрѣчается „мюре" въ смыслѣ „эѳіопы", но въ двухъ другихъ мѣстахъ „мюриномъ" названъ бѣсъ (очевидно, на основаніи черноты кожи). Въ спискѣ XIV в. тѣхъ же Пандектовъ слово „муринъ" уже замѣнено словомъ „изувѣръ" [2]). Изъ этого можно заключить, что названіе муринъ, мавръ, было понятно для русскихъ читателей только до XIII стол. Въ XIV стол. самое слово это исчезаетъ. Это соображеніе даетъ нѣкоторыя данныя для хронологіи сказанія, послужившаго основой для былины.

Обратимся теперь къ Маринкѣ. Въ повѣсти о Басаргѣ ей соотвѣтствуютъ невѣрныя, некрещеныя жена царя, не названная по имени, и прекрасная дочь его Евпраксія. Въ нашихъ былинахъ оба имени, Марина и Евпраксія, усвоены сластолюбивымъ и измѣнчивымъ женщинамъ: у обѣихъ—одинъ и тотъ же милый другъ Тугаринъ Змѣевичъ, который, какъ указалъ акад. Веселовскій, въ сказаніи о семи богатыряхъ (здѣсь вмѣсто Апраксіи является царица Елена) живо напоминаетъ половецкаго хана Тугорткана († 1096) [3]). Очевидно, въ былинѣ о Глѣбѣ Володьевичѣ муринъ, изъ котораго вышелъ Илья Муромецъ, игралъ ту же роль, что Тугаринъ въ былинахъ объ Алешѣ Поповичѣ (гдѣ является Апраксія) и Добрынѣ (гдѣ является Маринка).

Пользуясь этими аналогіями, можно предположительно возсоздать древній видъ былины о Глѣбѣ. Въ теперешнемъ видѣ

---

[1]) Арх. Сергій, Полный мѣсяцесловъ Востока. I. М. 1875. Приложенія, стр. 179, См. также 35, 129, 168.

[2]) См. Срезневскій, Матеріалы для словаря древне-русскаго языка, vv. ss.

[3]) Южно-русскія былины, г.X, 371.

Digitized by Google

былины Илья Муромецъ не играетъ никакой роли; самое его упоминаніе сохранилось какъ безформенный осколокъ древности: Маринка выражаетъ желаніе выйти замужъ за Глѣба Володьевича, но объ ея старомъ миломъ другѣ нѣтъ и помину; былина его вовсе забыла. Для возстановленія конца былины воспользуемся былиной о Добрынѣ и Маринкѣ. Здѣсь обычно разсказывается, какъ Добрыня, желая попасть въ голубей, сидѣвшихъ на теремѣ Марины, угодилъ стрѣлой въ ея милаго друга, Змѣя Тугарина, и убилъ его. Маринка мститъ Добрынѣ тѣмъ, что привораживаетъ его къ себѣ, а потомъ обращаетъ въ тура. Получивши вновь человѣческій образъ, Добрыня жестоко съ ней расправляется.

Между двумя былинами замѣчается большое сходство: въ обѣихъ у Маринки есть другъ, въ обѣихъ она предлагаетъ взять ее замужъ; она говоритъ Глѣбу:

«Ты возьми, возьми меня да все въ замужество»,

или:

«А сама-то красна дѣвица за тебя замужъ иду» [1]).

То же самое говоритъ она и Добрынѣ:

«Если ты возьмешь, такъ я замужъ иду
За молодого Добрынюшку Никитича.» [2])

Наконецъ, обѣ былины оканчиваются расправой съ Маринкой. Въ былинѣ о Добрынѣ желаніе Маринки выйти за него замужъ мотивировано тѣмъ, что, согласившись взять ее въ жены, Добрыня тѣмъ самымъ подвергался опасности быть обернутымъ своей женой въ животное [3]), между тѣмъ какъ въ былинѣ о Глѣбѣ нѣтъ ничего подобнаго; самая злоба на князя мотивирована (въ пересказѣ Агр. Крюковой) крайне странно:

«Она зло-то все несла на Глѣба-та Володьевича,
Потому она-то несла да все вѣдь думала,—
За его-то ей хотѣлось замужъ выйти все.»

---

[1]) Бѣломорскія былины, 253, 433.

[2]) Гильфердингъ, № 78. То же и въ другихъ пересказахъ.

[3]) То же самое—въ былинѣ о Потыкѣ: Бѣлом. был. 386, 512; ср. Гильфердингъ, № 5, ст. 192—208.

Digitized by Google

Эта злоба (выразившаяся въ попыткѣ отравить князя) была бы вполнѣ понятна, если бы князь Глѣбъ убилъ Маринкина друга [1]). Если былина содержала этотъ эпизодъ, то ее можно возстановить въ такомъ болѣе старомъ видѣ: Муринъ захватываетъ корабли Глѣба; князь ѣдетъ на выручку; Муринъ выходитъ ему навстрѣчу; князь его убиваетъ и подъѣзжаетъ къ воротамъ Корсуня; Маринка [2]) льстиво выражаетъ желаніе выйти за него замужъ и подаетъ ему вина съ отравой; князь замѣчаетъ обманъ и убиваетъ ее.

Неудивительно, что пѣвцы забыли личность Мурина, такъ какъ въ такой версіи, которую я сейчасъ изложилъ, онъ не игралъ большой роли.

Что касается послѣдняго эпизода былины, попытки отравить Глѣба, то мы находимъ его въ нѣкоторыхъ пересказахъ былины о Добрынѣ. Въ записи изъ Симбирской губ. говорится, что послѣ убіенія Змѣя Притугальника, Марина усадила Добрыню за столъ, налила лютаго зелья и поднесла ему. Добрыня отвѣчаетъ: „Прежде хозяина и попъ не пьетъ“ [3]).

То же самое мы находимъ въ пересказахъ Олонецкой губ. Опредѣленно объ отравѣ разсказывается въ кенозерскомъ варіантѣ:

«Подносила ему чару зелена вина,
А въ чарѣ змѣиной силы положено.
Принимаетъ онъ чару правой рукой,
Подаваетъ кобелю мелединскому,—
Разрываетъ кобеля мелединскаго.
Вынимаетъ онъ саблю вострую,
И отсѣкъ Маринкѣ буйну голову [4])».

Въ другихъ варіантахъ находятся только намеки на отраву. Добрыня проситъ слугъ подать чару зелена вина „оправшую“ (отравшую, съ отравою?); тѣ подаютъ ему саблю, которой онъ убиваетъ Марину [5]). Въ одномъ пересказѣ ядъ замѣненъ соннымъ

---

[1]) Подобно тому какъ сынъ Басарги убиваетъ царя Гордіана.

[2]) Замѣтимъ, что имя „Марина“ въ основѣ сирійское. См. Веселовскаго: Разысканія въ области русскихъ дух. стиховъ, Спб. 1880. Стр. 77 и прим. 3.

[3]) Кирѣевскій II, 49.

[4]) Рыбниковъ, I, 173.

[5]) Гильфердингъ, №№ 5. 316; Тихонравовъ и Миллеръ, II, 86.

Digitized by Google

питьемъ [1]). Даже въ тѣхъ былинахъ, гдѣ чара вовсе не упоминается, Маринка все-таки называется отравницей, зеленьщицей; на окнѣ у нея стоитъ лютое зелье.

Теперь является вопросъ, въ какую эпоху имя Марины было вставлено въ былину? В. Ѳ. Миллеръ думаетъ, что „въ былинной Маринѣ-еретицѣ отразилось народное представленіе объ исторической Маринѣ Мнишекъ", имя которой внесено было въ XVII вѣкѣ между прочимъ и въ былину о Глѣбѣ; отмѣчая отчество Маринки „Кайдаловна" или „Кайдарова", онъ думаетъ, что „это необычное отчество сохранилось отъ прежней редакціи, какъ принадлежавшее той дѣвицѣ, которая была переименована въ Марину". Итакъ, В. Ѳ. Миллеръ предполагаетъ возможнымъ измѣненіе имени безъ измѣненія отчества. Уже само по себѣ такое предположеніе мало вѣроятно; но внесеніе имени Марины Мнишекъ въ былины прямо невозможно. Сказителямъ до сихъ поръ очень хорошо извѣстна пѣсня о самозванцѣ, гдѣ Марина опредѣленно называется дочерью Юрія, пана Сендомирскаго (или „Сердобольскаго"—искаженіе, вполнѣ понятное въ устахъ олонецкаго крестьянина). Въ XVII стол. Марина Юрьевна была еще болѣе извѣстна, какъ историческое лицо [2]), и предполагать, что имя ея безъ отчества было поставлено въ старыя былины подъ отчества „Кайдаловна, Игнатьевна" или подъ прозвище „съ Бутаришки", совершенно невозможно. Скорѣе можно думать, что это имя стало уже эпическимъ въ XII — XIII вв., при чемъ съ теченіемъ времени къ нему стали присоединять различныя отчества.

Отчество Маринки, съ которымъ она является въ нашей былинѣ—Кайдаловна, Кайдарова—и прозвище „съ Бутаришки", я думаю, можно объяснить преданіями времени татарскаго нашествія. Вспомнимъ, что былинная Маринка—зелейщица, кореньщица, отравщица, волшебница, лиха, зла, люта гроза [3]); въ „Сказаніи о Батыевомъ приходѣ на Русь", отличающемся народно-поэтическими чертами, фигурируетъ „жена чародѣица", которую Батый посылаетъ къ рязанскому князю съ требованіемъ десятины во всемъ [4]). Мы знаемъ также, что среди Батыевыхъ вое-

[1]) Рыбниковъ, I, 173, прим.

[2]) См. старую запись пѣсни о Разстригѣ у Кирѣевскаго, VII, прилож., стр. 67.

[3]) Ончуковъ, Печорскія былины, 100, 160.

[4]) Вс. Миллеръ, Очерки р. народной словесности, 315—6.

Digitized by Google

водъ были между прочимъ Кайдаръ и Бутаръ [1]). Весьма вѣроятно, что въ поэтическомъ преданіи чародѣица была связана съ этими именами, т. е. называлась Кайдаровой или Бутаровой, а затѣмъ изъ преданій прозвища чародѣицы перешли на безбожницу, разбойницу Маринку, въ былину о Глѣбѣ. Замѣтимъ, что въ былинахъ отразилось нѣсколько именъ татарскихъ хановъ XIII стол. Батый, Сартакъ, Таврулъ, Кайданъ [2]), можетъ быть, также Уловчій [3]), [былинный Ульюшка, зять Батыя [4]),] и Богатуръ [5]) [былинные Батырь Каймановичъ, Батышъ Батурьевичъ, Батуръ Батвесовъ, Батуище [6])]. Итакъ, свое отчество Маринка получила въ XIII стол.; раньше она, вѣроятно, его не имѣла.

Остановимся еще нѣсколько на былинномъ сюжетѣ. Дѣйствіе былины происходитъ въ Корсунѣ; отрывокъ ея сохранился у терскихъ казаковъ. Это указываетъ на южное происхожденіе былины. A priori можно предполагать, что въ южной Россіи сохранились какія-нибудь сказанія, близкія къ содержанію былины. Дѣйствительно, значительное сходство съ нею представляетъ малорусская дума объ Иванѣ Богуславцѣ [7]). Мѣсто ея дѣйствія--

---

[1]) Полн. Собр. р. лѣтоп. X, 116.

[2]) Вс. Миллеръ, ор. с., 322, 449. По былинамъ у Кирши Данилова (стр. 101, 20), Сартакъ—зять царя Калина, а Салтыкъ Ставрульевичъ называется также Батыевичемъ, т. е. сыномъ Батыя: не есть ли „Салтыкъ"--искаженное имя „Сартакъ"?

[3]) П. С. Р. Л. X, 141.

[4]) Кирѣевскій, IV, 38.

[5]) Такъ названъ воевода, покорившій Болгарскую землю и Суздальскую. область, въ Ипатской лѣтописи; въ Никоновскомъ спискѣ онъ названъ Батырь

[6]) Кирѣевскій, II, 90; V, 97; Тихонравовъ и Миллеръ, II, 134; Ончуковъ Печорскія былины, 54, 264. Замѣчу еще, что въ одной бѣлорусской сказкѣ (типа „Царь Салтанъ": Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, VI, 154) говорится о нападеніи невѣрнаго царя Ѳедора Тырина Бирдзибіяновича; имя Ѳедора Тырина зашло въ сказку, конечно, изъ духовнаго стиха, но эпизодъ о нападеніи описанъ въ былинномъ стилѣ: у царя двѣ головы по пивному котлу; онъ кричитъ богатырскимъ голосомъ,—весь лѣсъ повялъ, съ дуба листъ посыпался, земля сколотилася, у царя Гвидона палаты задрожали, и стекло изъ окошекъ повылетѣло отъ Ѳедорова голоса, отъ молодецкаго посвиста. Гвидонъ проситъ отсрочки на недѣлю; Ѳедоръ дастъ на два часа и грозитъ городъ спалить, и царя въ полонъ забрать съ его супругой возлюбленной. Имя Бирдзибіяна напоминаетъ имя хана татарскаго Бердебека († 1247).

[7]) Житецкій. Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ. 220—4; Антоновичъ и Драгомановъ. Историческія пѣсни малорусскаго народа. I, 241—4.

Digitized by Google

западный берегъ Крыма, городъ Кізлевъ, или Козловъ, т. е. Евпаторія, по-турецки Гёзлефъ.

Въ городѣ Козловѣ стояла каменная темница. Въ той темницѣ сидѣло семьсотъ казаковъ-невольниковъ. Десять лѣтъ прожили они въ неволѣ. Наступилъ праздникъ Пасхи. Казацкій старшина Иванъ Богуславецъ, гетманъ запорожскій, напомнилъ объ этомъ казакамъ и прибавилъ:

«Може, намъ, братцы, Богъ милосердный буде помогати,
Чи не будемъ мы съ неволи выступати?»

Рано утромъ встала жена турецкаго Алканъ-паши; спрятавши (?) мужа, она отомкнула темницу и сказала Ивану Богуславцу:

«Коли бъ ты свою вѣру христіанскую поломалъ,
А нашу басурманску на себя бралъ,—
Уже бъ ты въ городѣ Козловѣ пановалъ,
Я бъ твоихъ невольниковъ всѣхъ изъ темницы выпускала,
Въ землю христіанскую хорошенько провожала.»

Иванъ согласился взять ее въ жены съ тѣмъ условіемъ, чтобы она не ругалась надъ его вѣрой. Пани молодая выпустила изъ темницы всѣхъ невольниковъ, проводила ихъ въ христіанскую землю. Прошло семь недѣль. На восьмой недѣлѣ она—

«Стала съ молодыми турецкими панами гуляти,
Стала Иванчевы Богославцевы христіанскою вѣрою урекати:
«Дывится, панове,
Якій у меня мужъ прекрасный:
Та винъ у насъ побусурменился для роскоши турецкой».

Услыхалъ это Иванъ, быстро прибѣжалъ къ Черному морю, сѣлъ въ лодку, догналъ казаковъ среди моря и вступилъ на казацкое судно. Молодая пани увидала его и заплакала:

«Бодай тебе Господь милосердный на семъ свѣтѣ избавилъ,
Якъ ты мене, молоденьку, зрадилъ!»

Когда наступила ночь, казаки вновь пріѣхали въ Козловъ, порубили сонныхъ турокъ, городъ повоевали огнемъ и мечомъ, а Иванъ Богуславецъ изрубилъ молодую пани Алканъ-паши. Поспѣшно казаки отъѣхали отъ Козловской пристани и еще до свѣта пріѣхали въ Сѣчь.

Digitized by Google

Въ такомъ видѣ дошла до насъ эта дума въ записи, сдѣланной въ началѣ XIX в. отъ „слѣпца Ивана, лучшаго рапсодія Малороссіи“ [1]). Въ 60-ыхъ или 70-хъ гг. этого столѣтія начало этой думы было записано въ Конотопѣ. Главное отличіе этого варіанта заключается въ томъ, что Иванецъ Богуславецъ сначала отказался отъ предложенія Кизлевской пани принять басурманскую вѣру; тогда она крикнула на „бісових мурзаків“:

«Да візьміть же Іваньця Богуславця,
«Козака рейстрового [2]), отамана віськового,
Да звяжіть йому руки сирою сирицею,
Да положить його перед праведним сонечком».
Як стало сонечко пригрівати,
Стала сирая сириця ссихати,—
Став Іванець Богуславець
Да на пробу кричати:
«Покидаю віру христіянськую під ноги,
А воспріймаю вашу бусурманськую на руки».

Тогда Кізлевская пани велѣла мурзакамъ развязать Иванца, взять его подъ руки и ввести въ высокій теремъ:

«Да будем пить-гуляти,
«Мене за його пропивати...»

На этомъ дума обрывается, и для сужденія объ ея концѣ намъ остается одинъ пересказъ старой записи. Нужно думать, что отрывокъ сохранилъ старую черту думы—мученія Ивана,—опущенную въ полномъ пересказѣ, п. ч. эта черта объясняетъ дальнѣйшую месть Ивана, убійство пани, не мотивированное въ старой записи.

Дума объ Иванѣ Богуславцѣ, очевидно, была извѣстна автору „Исторіи Руссовъ“. Описывая (хронологически неправильно) походъ запорожскаго кошевого Скалозуба въ 1583 г., авторъ говоритъ: „Гетманъ, спѣшивши три полка реестровыхъ козаковъ, посадилъ ихъ на лодки, выправилъ въ море подъ камандою писаря войскового запорожскаго Ивана Богуславца... Писарь Богуславецъ захваченъ былъ турками въ плѣнъ при городѣ Козловѣ; но послѣ запорожцами былъ вырученъ помощію Семиры, жены паши турецкаго, которая выѣхала вмѣстѣ съ Богуславцемъ въ

[1]) Житецкій, ор. с., 178.

[2]) Въ подлинн. „дністрового“.

Digitized by Google

Малороссію и была его женою" [1]). Изъ этой цитаты видно, что автору „Исторіи Руссовъ" былъ знакомъ довольно плохой пересказъ думы, такъ какъ такая счастливая судьба жены паши вовсе не гармонируетъ съ образомъ сластолюбивой женщины, легко измѣняющей мужу и жестоко мучащей неподатливаго на ея ласки казака. Но это извѣстіе интересно тѣмъ, что оно даетъ имя жены паши—Семира. Чтобы опредѣлить, насколько можно въ этомъ довѣрять автору „Исторіи Руссовъ", обратимся къ анализу думы о Марусѣ Богуславкѣ [2]). По мнѣнію Костомарова, изъ этой думы въ думу объ Иванѣ Богуславцѣ перенесенъ разговоръ съ невольниками: „сходство образа темницы и сидящихъ въ ней невольниковъ, говоритъ онъ, и еще болѣе, быть можетъ, сходство именъ *Богуславецъ* и *Богуславка* произвели это смѣшеніе". Проф. Житецкій [3]) возражаетъ на это: „Съ равнымъ основаніемъ, конечно, можно утверждать и обратное. Что касается сходства именъ, то, по нашему мнѣнію, обѣ думы—не что иное, какъ два отрывка изъ недошедшаго до насъ въ цѣлости обширнаго эпоса о судьбѣ дѣтей одного семейства, можетъ быть, проживавшаго въ г. Богуславѣ". Почему въ Иванѣ и Марусѣ нужно видѣть „дѣтей одного семейства", г. Житецкій не объясняетъ, а его предположеніе относительно „обширнаго (?) эпоса", сложеннаго объ этомъ семействѣ, представляется совершенно невѣроятнымъ. Чтобы опредѣлить отношеніе между двумя сходными думами, необходимо болѣе детальное ихъ сравненіе.

Обѣ думы совпадаютъ даже въ мелкихъ подробностяхъ: та же темница на Черномъ морѣ, тѣ же семьсотъ невольниковъ (въ неволѣ сидятъ они не 10 лѣтъ, а 30), тѣ же разговоры съ ними (вложенные только въ уста Маруси), то же освобожденіе ихъ въ праздникъ Пасхи. Отличія думы о Марусѣ заключаются главнымъ образомъ въ томъ, что здѣсь сглажены мѣстныя и историческія черты и удаленъ образъ Ивана Богуславца, при чемъ его прозвище усвоено женѣ „турецкаго пана" (=паша въ думѣ объ Иванѣ): не упоминается Козловъ, не говорится объ отъѣздѣ невольниковъ на судахъ, и нѣтъ всего конца думы, разсказы-

[1]) Антон. и Драгом., I, 243.

[2]) Два пересказа этой думы, записанные въ Харьковской и Полтавск. губ., напечатаны у Антоновича и Драгоманова, I, 230—5.

[3]) Ор. с., 220.

Digitized by Google

вающаго о разореніи Козлова казаками и ихъ возвращеніи въ Сѣчь. Самое яркое доказательство того, что дума о Марусѣ есть переработка думы объ Иванѣ, даютъ слова Маруси:

«Бо вже я потурчилась, побусурменилась,
Для роскоши турецької».

Въ думѣ объ Иванѣ пани такъ же выражается относительно потурчившагося казака, и это насмѣшливое ея выраженіе гораздо болѣе у мѣста, нежели здѣсь. Что касается другихъ отличій думы о Марусѣ, то всѣ они находятъ себѣ параллели въ пѣсняхъ о плѣнницахъ. Проф. Житецкій [1]) замѣтилъ, что эта дума, сравнительно съ такими пѣснями, представляетъ „не что иное, какъ поэтическую композицію, болѣе сложную, чѣмъ пѣсни,—эти же послѣднія—не что иное, какъ матеріалъ для самой композиціи". Онъ указалъ и самый матеріалъ: пѣсни о трехъ *поповнахъ*, взятыхъ въ плѣнъ турками, и о „дивкѣ-бранкѣ Маріянкѣ". Послѣдняя, уведенная въ плѣнъ, пишетъ съ дороги къ отцу письмо:

Нехай тато не сумуе,
Най ми посаг не готуе:
Ой вжеж бо я посаг мала
Під явором зелененьким
Тай с турчином молоденьким» [2]).

Можно еще указать пѣсню о двухъ сестрахъ-плѣнницахъ у турокъ. Одна изъ нихъ говоритъ другой:

«Проси, сестро, турка-мужа,
Нехай косу росу утне,
Най до мамки меї пішле:
Най ся мамка не фрасуе,
Най нам віна не готуе,—
Бо ми віно утратили
Під явором зелененьким
За турчином молоденьким» [3]).

Изъ подобныхъ пѣсенъ дума заимствовала слова Маруси, которая проситъ освобожденныхъ ею казаковъ передать ея отцу и матери:

«Нехай мій батько добре дбае,
Гуртів, великихъ маетків нехай не збувае,

---

[1]) Ор. с. 142—3, 139.
[2]) Антоновичъ и Драгомановъ. I. 135.
[3]) Ibid., 85.

Digitized by Google

Великих скарбів не збірае,
Та нехай мене, дівки бранки,
Марусі, попівни Богуславки,
З неволі не викупае:
Бо вже я потурчилась, побусурменилась,
Для роскоши турецької».

Изъ предыдущаго достаточно выяснилось отношеніе одной думы къ другой. Можно еще прибавить, что роль жены Алканъ-паши является гораздо болѣе естественной, нежели роль Маруси: первая „поховала своего мужа“ и изъ страсти къ Ивану согласилась выпустить невольниковъ; поведеніе же второй недостаточно мотивировано: 1) почему она раньше не выпускала невольниковъ, которые сидѣли въ тюрьмѣ 30 лѣтъ? 2) какъ отнесся „турецкій панъ“ къ ея поступку, вернувшись изъ мечети?

Въ двухъ пересказахъ думы объ Иванѣ Богуславцѣ женская личность рѣшительно несимпатична; въ пересказѣ, бывшемъ у автора „Исторіи Руссовъ“, эта личность является уже въ болѣе свѣтлыхъ чертахъ: Иванъ женится на ней и увозитъ ее на родину (этотъ разсказъ указываетъ, конечно, на забвеніе конца думы). Такой образъ жены паши могъ служить переходнымъ звеномъ для дальнѣйшей передѣлки думы. Имя *Семиры* авторъ „Исторіи Руссовъ“ едва ли не передѣлалъ изъ *Марыси*,—форма, которую можно предполагать на основаніи извѣстныхъ намъ изъ пѣсенъ именъ Маруси и Маріянки.

Жена турецкаго паши въ думѣ объ Иванѣ Богуславцѣ представляетъ собою типъ измѣнчивой женщины: она измѣняетъ своему мужу изъ страсти къ Ивану, а черезъ семь недѣль уже гуляетъ съ молодыми турками. Въ великорусскихъ былинахъ мы знаемъ нѣсколько подобныхъ типовъ, таковы: княгиня Апраксія въ былинахъ объ Алешѣ Поповичѣ и о сорока каликахъ, невѣста Ивана Годиновича [1]), жена Потыка [1]), и, наконецъ, Маринка, любовница Добрыни. Изъ этихъ женщинъ болѣе всего подходитъ къ нашему типу послѣдняя, но еще болѣе близкое сходство оказывается между женой турецкаго паши и Мариной Кайдаровой.

---

[1]) Въ „Печорскихъ былинахъ“ Опчукова и та, и другая называются „душкой Маринкой, лебедью бѣлою“, стр. 241, 317.

Digitized by Google

Отмѣтимъ сходныя черты былины о Глѣбѣ Володьевичѣ и думы объ Иванѣ Богуславцѣ. Прежде всего, дѣйствіе и той, и другой происходитъ на западномъ берегу Крыма—въ Корсунѣ и въ Евпаторіи. Въ темницѣ сидятъ невольники—въ былинѣ матросы, въ думѣ казаки. Алканъ-пашѣ въ былинѣ соотвѣтствуетъ Илья Муромецъ, замѣнившій собою какого-то „мурина"; ни тотъ, ни другой не играютъ роли въ ходѣ разсказа: какъ былина забываетъ о существованіи Ильи Муромца, когда Маринка сватается за Глѣба, такъ и жена паши, „поховавши" своего мужа, болѣе о немъ не думаетъ и сватается за Ивана. Далѣе въ обоихъ произведеніяхъ слѣдуетъ отпускъ невольниковъ. Въ концѣ былины и думы замѣчается бо́льшая разница. Былина быстро приводитъ разсказъ къ развязкѣ: Маринка пытается отравить Глѣба, который ее и убиваетъ; жена паши только насмѣхается надъ тѣмъ, что Иванъ „побусурменился" изъ-за нея. Послѣ того слѣдуетъ отъѣздъ его на судно къ казакамъ, а затѣмъ уже разореніе Козлова и убійство жены паши. Нужно замѣтить, что конецъ думы болѣе похожъ на пересказъ былины, записанный отъ А. М. Крюковой нежели на пересказъ Г. Л. Крюкова. И тамъ, и здѣсь мы видимъ разореніе и ограбленіе города и возвращеніе на родину.

Изъ сравненія былины съ думой можно вывести то заключеніе, что первая послужила прототипомъ для второй, а такъ какъ дума объ Иванѣ Богуславцѣ была сложена въ XVII в., то отсюда ясно, что въ это время былина была извѣстна въ Южной Россіи. Изъ того же сравненія двухъ произведеній видно, что въ прототипѣ думы игралъ нѣкоторую роль мужъ (или любовникъ) властительницы города, т.-е. та личность, которая въ пересказѣ А. М. Крюковой называется Ильей Муромцемъ. Эта личность въ повѣсти о Басаргѣ играетъ еще болѣе важную роль, но нужно думать, что былина, выдвинувъ на первый планъ образъ дѣвицы, властительницы приморскаго города, мало-по-малу затушевывала ея „милаго друга", а пересказъ Г. Л. Крюкова вовсе о немъ позабылъ.

Обратимся къ историческимъ чертамъ былины о князѣ Глѣбѣ. Самыя важныя данныя для сужденія о мѣстѣ и времени сложе-

Digitized by Google

нія былины даютъ географическія названія—Корсунь и Новгородъ—и имя героя.

Попытку выяснить личность Глѣба Володьевича даетъ проф. В. Ѳ. Миллеръ въ указанной выше статьѣ. Указывая какъ на прототипъ былиннаго героя—на св. Глѣба, сына князя Владимира, В. Ѳ. Миллеръ исходитъ „изъ того убѣжденія, что сохраниться въ народномъ преданіи и стать эпическимъ могло только имя популярнаго князя, извѣстнаго и намъ безъ всякихъ справокъ въ историческихъ источникахъ". Трудно согласиться съ такимъ мнѣніемъ. Развѣ мы знали бы имя Роланда, если бы онъ не сдѣлался героемъ французскаго средневѣковаго эпоса? Точно также, развѣ герои русскихъ былинъ: Ставеръ, Садко, Александръ Поповичъ, Добрыня Рязаничъ, Самсонъ Колывановичъ и многіе другіе—были давно извѣстны безъ дальнихъ справокъ? Ясное дѣло, что пѣвцы выбирали героевъ для своихъ произведеній, не справляясь съ историческимъ значеніемъ тѣхъ или другихъ личностей. Проф. Миллеръ не ищетъ въ былинѣ чего-нибудь, напоминающаго извѣстные намъ факты изъ жизни св. Глѣба; дѣйствительно, ничего подобнаго и нѣтъ. Но не было ли историческаго лица, отвѣчающаго былиннымъ даннымъ?

Мы знаемъ новгородскаго князя Глѣба, который, дѣйствительно, ходилъ съ войскомъ на Корсунь. Извѣстіе объ этомъ походѣ сохранилось у Татищева и у итальянскаго писателя Одерико, который, по порученію императрицы Екатерины II, занимался исторіей генуэзскихъ поселеній въ Крыму. Походъ на Корсунь относится ко времени царствованія византійскаго императора Михаила VII Дуки (1071—1078), когда онъ находился въ очень затруднительномъ положеніи: турки-сельджуки завладѣли греческими областями въ Азіи; въ 1073 году возстали болгары, и греческія войска потерпѣли цѣлый рядъ пораженій; въ слѣдующемъ году снова поднялись придунайскіе города, нашедши помощь въ лицѣ печенѣговъ. Естественно, что Михаилу пришлось просить у русскихъ князей помощи для охраненія пограничныхъ греческихъ областей. Вотъ къ этому-то времени относится слѣдующее извѣстіе Татищева:

„Михаилъ, царь греческій, иже... отъ Болгаръ побѣжденъ, и корсуняне ему отреклися, прислалъ къ Святославу пословъ со многими дарами и обѣщаніи, прося его и Всеволода о помощи

Digitized by Google

на болгаръ и корсунянъ. Святославъ же, согласяся со Всеволодомъ,... Владимира-сыновца и съ нимъ сына Глѣба послалъ на корсунянъ".

Это извѣстіе подтверждается свидѣтельствомъ Одерико: „Жители этого города (Херсонеса), соперники Θеодосіи и Судака (rivaux de Kaffa et de Soldaya), не имѣя возможности получить отъ императора нѣкоторыя торговыя привилегіи, возстали противъ его власти. Онъ призвалъ противъ нихъ великаго князя русскаго, Всеволода, который послалъ туда сыновей Владимира и Глѣба."

Одерико называетъ Глѣба сыномъ Всеволода, вѣроятно, потому, что въ своемъ источникѣ смѣшалъ слова: „сынъ" и „сыновецъ" (племянникъ). Справедливость извѣстій Татищева и Одерико подтверждается также тѣмъ, что вскорѣ послѣ 1065 года жители Корсуня убили своего катапана (правителя области), отравившаго тмутороканскаго князя Ростислава; это указываетъ на то, что корсуняне возмутились противъ императорскаго намѣстника, или, по выраженію Татищева, „отреклися" отъ императора. Затѣмъ намъ извѣстны два посланія императора Михаила VII къ неизвѣстному по имени русскому князю; въ этихъ письмахъ Михаилъ предлагаетъ руку своего брата Константина дочери русскаго князя и проситъ вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняго „быть стражемъ византійскихъ границъ, щадить область, подвластную имперіи, быть союзникомъ и дѣйствовать заодно во всемъ и противъ всѣхъ" [1]).

Акад. Васильевскій, сдѣлавшій критическій анализъ этихъ извѣстій, относитъ походъ на Корсунь къ 1073 году, на томъ основаніи, что объ этомъ походѣ не упоминаетъ Владимиръ Мономахъ, перечисляя въ своемъ Поученіи свои подвиги съ 1073 года. Правда, опредѣленно о походѣ на Корсунь здѣсь не говорится, но зато упоминается о помощи Глѣбу въ 1077 г. „И Святославъ умре (27 декабря 1076 г.), и язъ пакы (идохъ) Смолиньску, а ис Смолиньска той же зимѣ (1077 г.) та къ Новугороду, на весну — Глѣбови въ помочь (1077 г.), а на лѣто

---

[1]) Извѣстіе Татищева приведено и подтверждено *Васильевскимъ* въ его ст. „Русско-византійскіе отрывки", Ж. М. Н. Пр. 1875 г. № 12, стр. 292—6. Эти выводы повторены г. *Сениговымъ*: „Историко-критическія изслѣдованія о новгор. лѣтописяхъ и о Россійской Исторіи В. Н. Татищева", стр. 332—4.

Digitized by Google

со отцемъ подъ Полтескъ". Изъ этого отрывка видно, что зимою 1077 г. Владиміръ пріѣхалъ въ Новгородъ, а весною того же года помогалъ своему двоюродному брату въ какомъ-то предпріятіи. Если обратить вниманіе на то, что извѣстіе о походѣ на Корсунь Татищевъ помѣщаетъ подъ 1076 г., то становится ясно, что эти два сообщенія относятся къ одному и тому же событію. Разноголосицы указаній времени въ одинъ годъ обычны въ старыхъ лѣтописяхъ, и потому Татищевскій годъ не можетъ возбуждать недоумѣнія.

Болѣе затрудненій представляетъ то обстоятельство, что виновникомъ похода Татищевъ выставляетъ кіевскаго князя Святослава, который умеръ еще въ 1076 году. Но дѣло въ томъ, что Татищевъ соединяетъ въ своемъ разсказѣ, очевидно, нѣсколько свѣдѣній, при чемъ извѣстіе о посольствѣ Михаила къ Святославу онъ, вѣроятно, почерпнулъ изъ византійскаго источника, между тѣмъ какъ краткое извѣстіе о походѣ на корсунянъ онъ нашелъ въ лѣтописи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ старинное слово „сыновецъ", очевидно, не понятое итальянцемъ Одерико. Послѣдній имѣлъ, вѣроятно, ту же лѣтопись, что и Татищевъ; но интересно, что онъ въ качествѣ виновника похода упоминаетъ одного только князя Всеволода. Отсюда слѣдуетъ заключить, что въ его источникѣ о Святославѣ не упоминалось; т. о., походъ могъ происходить уже послѣ смерти Святослава.

Итакъ, въ 1077 году Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ и Глѣбъ Святославичъ были посланы на Корсунь для усмиренія возмутившихся гражданъ. Вотъ объ этомъ послѣднемъ князѣ, по моему мнѣнію, и сохранилась память въ былинномъ Глѣбѣ Володьевичѣ. Относительно Глѣба имѣются слѣдующія свѣдѣнія:

До 1064 года онъ сидѣлъ въ Тмуторокани, откуда былъ выгнанъ новгородскимъ княземъ Ростиславомъ. Святославъ вступился за сына и посадилъ его снова въ Тмуторокани, но Ростиславъ снова его выгналъ, и Глѣбъ принужденъ былъ отправиться къ отцу. Въ 1065 г. Ростиславъ былъ отравленъ, и, вѣроятно, вскорѣ послѣ этого Глѣбъ снова явился въ Тмутороканъ; въ 1067 году, когда Всеславъ Полоцкій захватилъ Новгородъ, мы тамъ не видимъ Глѣба, а, наоборотъ, имѣемъ извѣстіе о томъ, что въ слѣдующемъ году онъ былъ въ Тмуторокани и „мѣрилъ море по леду отъ Тъмутороканя до Кърчева" (Керчи).

Digitized by Google

Въ 1069 году видимъ Глѣба уже въ Новгородѣ: онъ съ новгородцами сражается противъ Всеслава и одерживаетъ блистательную побѣду. Въ 1074 г., 1 мая, онъ присутствуетъ съ отцомъ при кончинѣ Ѳеодосія Печерскаго и прощается съ нимъ.

Относительно кончины Глѣба имѣется два новгородскихъ извѣстія: одно говоритъ, что въ 1079 г. „убиша за Волокомь князя Глѣба мѣсяца маія въ 30". Это—современная лѣтописная замѣтка. Другое извѣстіе находится въ перечисленіи новгородскихъ князей; здѣсь мы читаемъ: „И посади Святославъ сына своего Глѣба, и выгнашя (и) изъ града, и бѣжа за Волокъ, и убишя и Чюдь" [1]).

Кромѣ того, имѣется и кіевское извѣстіе въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ": „Въ се же лѣто (6586=1078) убьенъ бысть Глѣбъ, сынъ Святославль, въ Заволочіи. Бѣ бо Глѣбъ милостивъ убогымъ и страннолюбивъ, тщанье имѣя къ церквамъ, теплъ на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ. Его же тѣло положено бысть Черниговѣ за Спасомъ мѣсяца іуля 23 день."

Таковы современныя извѣстія лѣтописи о князѣ Глѣбѣ. Въ нихъ онъ изображается храбрымъ, красивымъ, добрымъ, религіознымъ и любознательнымъ: онъ мѣритъ ширину Керченскаго пролива и ставитъ каменный столбъ, на которомъ высѣкаетъ свѣдѣніе о результатѣ своего промѣра. Но для насъ особенное значеніе имѣютъ свѣдѣнія объ этомъ князѣ, записанныя по преданію. Сюда относится разсказъ Повѣсти временныхъ лѣтъ о его столкновеніи съ новгородскимъ волхвомъ. Разсказъ этотъ, вѣроятно, записанъ лѣтописцемъ незадолго до 1116 года, а въ лѣтопись вставленъ подъ 1071 годомъ; слѣдовательно, кіевскій лѣтописецъ записалъ преданіе, обращавшееся въ народѣ около 40 лѣтъ. Описавши нѣсколько случаевъ появленія волхвовъ, лѣтописецъ продолжаетъ: „Такой же волхвъ явился при Глѣбѣ въ Новгородѣ. Онъ проповѣдывалъ народу, выдавая себя за Бога, и многихъ привлекъ, чуть не весь городъ; онъ говорилъ: „я все знаю", и хулилъ христіанскую вѣру; онъ говорилъ: „я перейду по Волхову предъ всѣми". Былъ мятежъ въ городѣ, всѣ ему повѣрили и хотѣли погубить епископа. Епископъ, взявши крестъ и облекшись въ ризы, выступилъ и сказалъ: „Кто хочетъ вѣрить

[1]) Новгородская лѣтопись по Синодальному харат. списку, 117, 439.

Digitized by Google

волхву, пусть идетъ на его сторону, а вѣрующіе пусть идутъ ко кресту". И раздѣлились надвое: князь Глѣбъ и дружина его пошли и стали около епископа, а весь народъ отошелъ на сторону волхва, и среди толпы было большое смятеніе. Глѣбъ же, взявши топоръ подъ полу, подошелъ къ волхву и сказалъ ему: „Знаешь ли, что будетъ завтра и сегодня до вечера?". Тотъ отвѣчалъ:—Все знаю.—И сказалъ Глѣбъ: „А знаешь ли, что будетъ сейчасъ?"—Я сотворю большія чудеса—сказалъ онъ. Глѣбъ же, вынувъ топоръ, разрубилъ его, и онъ палъ мертвымъ, а народъ разошелся. А онъ погибъ тѣломъ и душею, предавшись діаволу".

Въ этомъ разсказѣ Глѣбъ выступаетъ эпическимъ героемъ, загадывающимъ загадки, и немного напоминаетъ находчиваго Глѣба Володьевича, расправившагося съ Маринкой. Очевидно, что личность князя Глѣба была популярна и могла послужить основой для былины.

Теперь я остановлюсь на одномъ мелкомъ искаженіи былины. Отчество былиннаго Глѣба не соотвѣтствуетъ отчеству „Святославичъ". Смѣшеніе именъ въ былинахъ—дѣло обычное. Но въ данномъ случаѣ, по моему мнѣнію, мы имѣемъ дѣло не съ поздней, случайной путаницей, но со старымъ смѣшеніемъ двухъ героевъ одного и того же похода. На Корсунь былъ отправленъ не одинъ Глѣбъ, но со своимъ двоюроднымъ, младшимъ братомъ Владиміромъ Всеволодовичемъ. Поэтому можно предполагать, что прототипъ нашей былины имѣлъ двухъ героевъ, изъ которыхъ уцѣлѣлъ только одинъ [1]), старшій, новгородскій князь, а двадцатичетырехлѣтній Мономахъ (род. 1053 г.) оставилъ по себѣ память однимъ отчествомъ: „Володовичъ" изъ „Всеволодовичъ". Интересно, что первый слогъ въ отчествѣ Мономаха оказалъ вліяніе на отчество эпическаго князя Владиміра, который обычно называется *Всеславичемъ*, а не *Святославичемъ*. Возможно, что отчество Мономаха перешло въ нашу былину изъ южныхъ пѣсенъ объ этомъ популярномъ князѣ, давшемъ, безъ сомнѣнія, нѣсколько капель крови въ жилы Владиміра Краснаго Солнышка. Есть нѣсколько указаній на то, что въ XII—XIII ст. передава-

---

[1]) Подобное явленіе мы замѣчаемъ, сравнивая сказаніе о семи богатыряхъ съ позднѣйшими записями былины объ Ильѣ Муромцѣ и Идолищѣ.

Digitized by Google

лись поэтическія преданія о походахъ Мономаха на югъ. Такъ, Слово о погибели Русской земли говоритъ о томъ, что половцы носили ему своихъ дѣтей въ колыбели, венгры утверждали каменные города желѣзными воротами, чтобы онъ въ нихъ не въѣхалъ, а Мануилъ Царьградскій посылалъ ему большіе дары, изъ опасенія, чтобы онъ не взялъ у него Царьграда. Есть преданія и о походѣ Мономаха въ Крымъ. Такъ, Герберштейнъ, описывая обрядъ коронованія московскихъ великихъ князей, говоритъ слѣдующее о происхожденіи бармъ: „Владимиръ отнялъ ихъ у одного генуэзскаго правителя Кафы, побѣжденнаго имъ". Болѣе подробно это преданіе описывается Стрыйковскимъ: Владимиръ Мономахъ разбилъ поганыхъ половцевъ и генуэзцевъ, которые тогда владѣли Крымомъ, и взялъ у нихъ славный городъ Кафу, или Ѳеодосію. Въ другой разъ онъ столкнулся съ генуэзцами надъ моремъ и вызвалъ ихъ начальника, кафинскаго старѣйшину. Когда они съѣхались, Владимиръ вышибъ его копьемъ изъ сѣдла, схватилъ его, связалъ и привелъ къ своему войску. За то, что онъ сразился съ непріятелемъ одинъ-на-одинъ, въ честномъ поединкѣ, его прозвали по-гречески Мономахомъ. Петрей также упоминаетъ о битвѣ великаго князя Мономаха подъ Кафой—съ татарами. Наконецъ, Герера передаетъ преданіе о сраженіи русскаго князя „Володомера" съ генуэзскимъ консуломъ, который правилъ городомъ Ѳеодосіей [1]).

Итакъ, и имя, и отчество былиннаго героя находятъ себѣ объясненіе въ историческихъ фактахъ XI ст. Попытаемся отвѣтить на вопросъ: чему обязано появленіе въ былинѣ ея героини? Отчества Маринки, какъ я уже указалъ, объясняются наслоеніемъ историческихъ сказаній времени татарскаго нашествія; очевидно, они налегли на нѣчто болѣе древнее, и слѣдовательно, имя Марины находилось въ пѣснѣ раньше XIII в. Пока нельзя рѣшить, вошло ли оно туда изъ историческихъ преданій или проникло литературнымъ путемъ. На основаніи сравненія былины съ повѣстью о Басаргѣ скорѣе можно вывести заключеніе, что типъ Маринки выработался на русской почвѣ. Но были ли какія-либо мѣстныя условія для выработки этого типа, пока тоже остается не рѣшеннымъ вопросомъ. Можно только указать, что

---

[1]) См. *Жданова*, Русскій былевой эпосъ, 119—121.

Digitized by Google

и былина, и малорусская дума выставляютъ типъ самостоятельной женщины, играющей большую роль въ общественныхъ дѣлахъ своего города. Что касается думы, то она довольно правдоподобно описываетъ крымскую женщину высшаго класса, которая пользовалась сравнительною независимостью, оказывала большое вліяніе на своихъ мужей, а иногда позволяла себѣ и самовольничать [1]). Былина въ этомъ отношеніи, быть можетъ, тоже не идетъ въ разрѣзъ съ исторіей. Жены греческихъ правителей въ крымскихъ городахъ, повидимому, принимали участіе въ управленіи; по крайней мѣрѣ, извѣстна печать Ѳеофано, жившей въ XI или XII в., „архонтисы Росіи". Послѣднее названіе проф. Кулаковскій объяснилъ какъ старое названіе города Керчи [2]). Печати, какъ извѣстно, привѣшивались къ грамотамъ, а послѣднія нужны были или для торговыхъ, или для административныхъ дѣлъ.

Теперь остановимся на историко-бытовыхъ чертахъ былины. Особенно упираетъ былина на громадныя пошлины, которыя Маринка собираетъ съ кораблей въ Корсунѣ. Это мѣсто въ пересказѣ Г. Л. Крюкова читается такъ:

Они какъ вѣдь въ гавань заходили—брала пошлину,
Паруса ронили—брала пошлину,
Якори-ти бросали—брала пошлину,
Шлюпки на́ воду спускали—брала пошлину,
А какъ въ шлюпочки садились—брала пошлину,
А къ мосту приставали—мостову́ брала,
А какъ по́ мосту шли, да мостову брала,
Какъ въ таможню заходили, не протаможила;
Набирала она дани-пошлины немножко, немало—сорокъ тысячей.

Менѣе подробно то же изложено въ пересказѣ А. М. Крюковой и въ отрывкѣ изъ Терской области:

Якоря-то они спускали въ воду—брала пошлину,
Ай мосты они мостили—мостово́ брала.

Иначе:

---

[1]) Антоновичъ и Драгомановъ, ор. с., 226, 236, 244.

[2]) Извѣстія XI Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, 1899, стр. 160. См. также Разысканія въ обл. р. дух. стиховъ, акад. Веселовскаго. Спб. 1889. Приложенія, стр. 100.

Digitized by Google

Корабль по морю бѣжитъ—она пошлину съ него брала,
Корабль къ яру подвигался—она другую съ него брала,
Корабль на яръ выгружался—она третію брала.

Это негодованіе на торговыя пошлины переноситъ насъ къ тому времени, когда онѣ, очевидно, только-что были введены. Изъ договоровъ Олега и Игоря извѣстно, что въ X стол. въ предѣлахъ Византійской имперіи русскіе купцы не платили пошлинъ за товары. О существованіи обычая брать пошлины въ русскихъ городахъ говорятъ источники XII вѣка. Отсюда можно заключить, что торговыя пошлины начали взимать въ предѣлахъ распространенія русской торговли въ XI вѣкѣ. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что разбираемый нами эпизодъ составляетъ исконную принадлежность пѣсни о Глѣбѣ. Описаніе пошлинъ соотвѣтствуетъ историческимъ даннымъ. Издавна пошлину брали за проѣздъ черезъ мосты. Эта пошлина въ былинѣ называется „мостовое“ или „мостовая“; въ грамотахъ XII—XIV вв. она именуется „мостовщиной“. Точно также, упоминаемая въ былинѣ пошлина за право пристать къ берегу (яру) дѣйствительно существовала, и въ ханскихъ ярлыкахъ носитъ названіе „побережнаго“; штрафъ за уклоненіе платить товарную пошлину назывался „протаможьемъ“; очевидно, этотъ терминъ въ искаженномъ видѣ сохранился въ былинномъ выраженіи „не протаможила“ [1]).

Перехожу къ выясненію вопроса объ отношеніи князя Глѣба къ кораблямъ, захваченнымъ въ Корсунѣ. Изъ былины видно, что корабельщики были княжескими агентами, производившими торговыя операціи по довѣренности. Извѣстно, что князья южныхъ областей, собирая дань преимущественно натурою, обладали значительными товарами и нерѣдко отправляли ихъ за границу со своими купцами или „съ добрыми людьми“, кому они вѣрили. Именно въ роли защитника своихъ купцовъ выступаетъ Глѣбъ. Опять былина переноситъ насъ къ тому времени, когда военныя предпріятія князей имѣли цѣлью установленіе порядка, способствующаго ихъ торговымъ интересамъ, т. е. къ XI вѣку. Обратимъ вниманіе на одну подробность былины: корабельщики везли въ подарокъ князю перчатки; Маринка ихъ отобрала:

---

[1]) См. мои Бытовыя черты р. былинъ, 28; Аристовъ, Промышленность древней Руси, 224, 230.

Digitized by Google

А да взяла она трои рукавочки,
Что да тѣ трои рукавочки, трои перчаточки;
А какъ эти перчаточки онѣ сшиты были, не вязаны,
А вышиваны-ти были краснымъ золотомъ,
А высаживаны дорогимъ-то скатнымъ жемчугомъ,
А какъ всажено было каменье самоцвѣтное.
А какъ первы-ти перчатки во пятьсотъ рублей,
А други-ти перчатки въ цѣлу тысячу,
А какъ третьимъ перчаткамъ цѣны не было.

Это указаніе былины имѣетъ бытовое основаніе. Изъ грамотъ XIII в. извѣстно объ обычаѣ пріѣзжихъ купцовъ совершать подношенія князьямъ, а также лицамъ, замѣняющимъ ихъ,—тіунамъ и посадникамъ; подносили цѣнныя матеріи или „персчатыя рукавицы". Этотъ обычай въ особенности былъ распространенъ въ Новгородѣ, гдѣ онъ существовалъ только въ древнѣйшее время, въ періодъ могущественнаго положенія князей [1]). Объ этомъ обычаѣ сохранилась память также въ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ; но Соловей подноситъ князю не перчатки, а камку и драгоцѣнные металлы и камни. Сборъ съ купцовъ въ пользу князя былъ вознагражденіемъ за ту охрану, которую давалъ онъ съ своей дружиной купеческимъ караванамъ. Въ соотвѣтствіе съ этимъ обстоятельствомъ, Глѣбъ Володьевичъ, какъ только узнаетъ о притѣсненіяхъ, которыя терпятъ корабли въ Корсунѣ, тотчасъ же идетъ ихъ выручать.

Вотъ всѣ историческія черты, сохранившіяся отъ древнѣйшаго вида былины въ современныхъ ея пересказахъ; но и этихъ немногихъ чертъ достаточно, чтобы судить о времени ея сложенія.

Въ заключеніе подведемъ итоги нашихъ замѣчаній о былинѣ:

1) По поводу похода двухъ князей на Херсонесъ въ 1077 году возникли пѣсни, которыя прославляли ихъ за успѣшную защиту русскихъ торговыхъ судовъ, терпѣвшихъ притѣсненія со стороны администраціи города.

2) Главнымъ героемъ этихъ пѣсенъ былъ старшій изъ двоюродныхъ братьевъ, князь тмутороканскій и новгородскій, Глѣбъ Святославичъ; въ былинѣ сохранилось его имя.

3) Отчество былиннаго героя, Глѣба Володьевича, усвоено было ему позднѣйшими пересказами пѣсни, которые отвлекли

[1]) Бытовыя черты р. былинъ, 27—29; Никитскій, Исторія экономическаго быта В. Новгорода, 136, 160; ср. 145, 151.

Digitized by Google

это отчество отъ имени другого участника похода, Владимира Мономаха: Володьевичъ = Всеволодовичъ.

4) Историко-бытовыя черты, сохранившіяся въ былинѣ, подтверждаютъ мнѣніе о ея возникновеніи, въ первоначальномъ видѣ, въ концѣ XI вѣка.

5) Въ эпоху татарскаго нашествія героиня былины, Марина, получаетъ отчество „Кайдаровна", отвлеченное отъ имени хана Кайдара, упоминаемаго въ южной лѣтописи, но не извѣстнаго сѣвернымъ лѣтописцамъ.

6) Поэтическій сюжетъ былины восходитъ къ неизвѣстному византійскому сказанію, остаткомъ котораго является передѣланная съ греческаго повѣсть о Басаргѣ; мѣсто дѣйствія этой повѣсти, приморскій городъ Антіохія, перенесено на другой приморскій городъ—Херсонесъ. Былина возникла въ предѣлахъ сильнаго византійскаго вліянія, во всякомъ случаѣ — въ южной Россіи.

7) Изъ географическихъ указаній былины, одни сохранили названія, бывшія въ иноземномъ ея оригиналѣ (Арапская земля, „Муромецъ" вмѣсто „Муринъ"), другія свидѣтельствуютъ о прикрѣпленіи иноземнаго сказанія къ русской почвѣ (Корсунь, Новгородъ).

8) Въ началѣ XVII в. былина еще была извѣстна на югѣ: она послужила оригиналомъ малорусской думы объ Иванѣ Богуславцѣ.

9) Записанная у терскихъ казаковъ пѣсня о Маринѣ Кайдаровой представляетъ собою искаженное начало былины о Глѣбѣ Володьевичѣ; эта пѣсня болѣе точно сохранила отчество Марины, искаженное во всѣхъ другихъ былинахъ, упоминающихъ Маринку (Кайдаловна, Кайдаловка, Калайдашна).

Нѣкоторые изъ частныхъ выводовъ должны пока считаться предположительными.

Когда статья была уже набрана, явился новый матеріалъ, позволяющій сдѣлать къ ней нѣкоторыя добавленія. Въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности И. Академіи Наукъ" 1904 г., т. IX, кн. 2, акад. А. Н. Веселовскій приводитъ „нѣсколько данныхъ къ повѣсти о Басаргѣ". Я приведу

Digitized by Google

тѣ замѣчанія г. Веселовскаго и тѣ новыя рукописныя данныя, которыя имѣютъ отношенія къ высказаннымъ мною догадкамъ.

Мое мнѣніе о замѣнѣ Царьграда Кіевомъ подтверждается соображеніями акад. Веселовскаго, который, пользуясь новою рукописью повѣсти, рѣшаетъ, что Кіевъ, какъ мѣсто, откуда выѣзжаетъ Басарга, принадлежитъ русскому пріуроченію. Эта рукопись начинается такъ: „Бысть нѣкій купець Димитрій Басарга, женишеся въ Русской земли, во граде Кіеве"; онъ ѣдетъ—изъ Кіева; когда впослѣдствіи Борзосмыслъ посылаетъ отца за матерью, онъ отправляется—„в преславнѣйши Царьградъ" (стр. 66).

Относительно города, куда занесло корабли Басарги, мнѣ было извѣстно указаніе г. Пыпина, что въ одной рукописи этотъ городъ названъ Антіохіей. Акад. Веселовскій приводитъ выписку изъ этой рукописи, гдѣ названіе Антохіи встрѣчается четыре раза, а также изъ рукописи, принадлежавшей Тихонравову, гдѣ упоминается „Антіохійское царство". Эта рукопись замѣчательна своимъ началомъ, не встрѣчавшимся въ другихъ: здѣсь разсказывается о томъ, что въ Антіохіи царствовалъ 17 лѣтъ Аркадій; онъ тамъ умеръ и погребенъ былъ патріархомъ Амфилохіемъ. По смерти Аркадія греки съ патріархомъ отправили пословъ въ Римъ и просили отпустить къ нимъ въ цари епарха Несміяна Гордаго. Несміянъ согласился на ихъ просьбу и вмѣстѣ съ римлянами пріѣхалъ въ Антіохійское царство. По дьявольскому наважденію, онъ прельстилъ грековъ, а потомъ сталъ отнимать у нихъ пищу, питье, золото и серебро, привлекая ихъ къ латынской вѣрѣ. Это введеніе объясняетъ слова дочери Несміяна (въ двухъ рукописяхъ), которая говоритъ о себѣ, что она—вѣры латынской, земли римской (стр. 67—68).

Акад. Веселовскій приводитъ также выписки изъ особой редакціи повѣсти; эту редакцію онъ считаетъ новой стилистической обработкой, происшедшей въ XVII вѣкѣ. Здѣсь является нѣсколько новыхъ именъ: сынъ Басарги называется Ѳорсомъ; патріархъ названъ св. Нектаріемъ. Является новое пріуроченіе: мѣсто дѣйствія повѣсти—„Венецѣя великая", хотя она смѣшивается съ Кіевомъ. Всѣ ли особенности этой рукописи представляютъ позднѣйшую переработку, на этотъ вопросъ акад. Веселовскій не рѣшается дать категорическаго отвѣта: „Что изъ отличій этой распространенной редакціи повѣсти окажется при-

Digitized by Google

надлежащимъ ея древнему составу, на это отвѣтить трудно" (стр. 71). Возможно, что кое-что въ ней уцѣлѣло и изъ не дошедшаго до насъ древняго извода. Такъ, купецъ Димитрій носитъ прозвище Басаргинъ, что̀ ближе подходитъ къ нарицательному имени (перс. бāзāрганъ=купецъ), возведенному въ собственное. Возможно также, что въ этой редакціи сохранилось имя дочери Несміяна. Я уже отмѣтилъ, что только въ рукописи г. Григорьева упоминается имя, данное дочери Несміяна послѣ крещенія. Здѣсь я привожу это мѣсто: „Царь же повеле патриярху крестити царицу и со дщерью... Призвавъ царь царицу, нарече себе вторую матерь, а дщерь ея нарече себе невестою, повелѣ еи блюсти до брачнаго дни... И посемъ, егда приспѣ уреченыи брачныи день царю, и тогда поятъ оныя вышереченыя вторыя матере своея царицы и дщере ея, обручению себѣ въ царицу, Еупраксию". Въ рукописи, приводимой г. Веселовскимъ, мы читаемъ слѣдующее: Борзосмыслъ „взя прекрасную и предивную дѣвицу Зеверіаду, дщерь... Несміяна Гордаго, и крестиша ее и нарекоша имя ей Маремъямія". Здѣсь мы находимъ два новыхъ имени, при чемъ имени Евпраксіи соотвѣтствуетъ имя Маремьяны (Маріамны). Быть можетъ, послѣднее имя броситъ свѣтъ на загадочную личность былинной Марины. Я уже указывалъ, что это имя въ нашихъ былинахъ — типическое и придается женщинамъ-иностранкамъ, иной вѣры, злобнымъ и измѣнчивымъ. Какъ на такой типъ, я указывалъ между прочимъ на невѣсту Ивана Годиновича. Въ большинствѣ пересказовъ былины она носитъ имя Настасьи, но въ „Печорскихъ былинахъ" г. Ончукова мы встрѣчаемъ рядомъ два имени: „На душкѣ-Маринкѣ лебедь-бѣлоей, На той Маремьяны на прекрасноей,"—и далѣе она называется то Маремьяной, то Маринкой (стр. 313 и слѣд.). Что звуки *ян* въ этомъ имени не поздняго происхожденія, о томъ свидѣтельствуетъ отчестве невѣсты Ивана Годиновича иъ „Бѣлом. был.", стр. 97,— Митреяновна. Сравнивая былину о Глѣбѣ Володьевичѣ съ повѣстью о Басаргѣ, я отмѣтилъ, что дочь Несміяна соотвѣтствуетъ Маринѣ Кайдаровой; въ новой редакціи повѣсти мы находимъ имя Маремьяны. Теперь можетъ быть поставленъ вопросъ: не принадлежало ли это имя первоначальной редакціи повѣсти и не находилось ли оно также въ томъ предполагаемомъ сказаніи, которое послужило оригиналомъ былины? Во всякомъ случаѣ,

Digitized by Google

имя „Маріамна“ могло дать форму „Марина“, какъ оно дало формы „Маремьяна“, „Марьяна“, „Мариха“ (послѣднюю, уничижительную, форму имени Маремьяна я слышалъ на Терскомъ берегу Бѣлаго моря). Несомнѣннымъ является также то, что оба имени, даваемыя дочери латинскаго епарха, въ былинахъ усвоены иностранкамъ, на которыхъ женятся (кн. Владиміръ—Апраксія) или пытаются жениться (Добрыня — Маринка) герои русскаго эпоса.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

А. Марковъ.

Digitized by Google

Къ пѣснямъ объ Иванѣ Грозномъ.

„Когда зачиналася каменна Москва, тогда зачинался и грозной царь, что грозной царь Иванъ сударь Васильевичъ"—поетъ старинная пѣсня, внесенная уже въ Чулковскій пѣсенникъ. Отъ того же царя грознаго „зачинается" собственно и московскій циклъ историческихъ пѣсенъ, въ которомъ всего обильнѣе представлены событія изъ царствованія Ивана IV и народный взглядъ на личность самого царя. Громкія событія царствованія—взятіе Казани и Астрахани, Ермакъ и завоеваніе Сибири, осада Пскова Баторіемъ, отношенія царя семейныя къ Анастасіи Романовнѣ и шурину Никитѣ Романовичу, къ черкешенкѣ Маріи Темрюковнѣ, къ сыновьямъ, страшныя казни, вѣчныя исканія измѣны, опричники съ Малютой Скуратовымъ,—все это поражало народное воображеніе и нашло себѣ отраженіе въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ, складывавшихся иногда вслѣдъ за событіями, иногда значительно позднѣе, въ болѣе безопасныя времена кроткаго царя Ѳеодора Ивановича. О сложеніи пѣсенъ, воспѣвавшихъ событія свѣтлаго періода царствованія Ивана Грознаго, мы имѣемъ прямое указаніе у Олеарія. „Когда бывало этотъ царь,—говоритъ Олеарій въ своемъ дневникѣ,—захочетъ повеселиться за пирушкой, то приказываетъ пѣть пѣсни, сложенныя о завоеваніи Казани и Астрахани! [1]) Мы никогда не узнаемъ, кто складывалъ эти пѣвшіяся при дворѣ пѣсни, и съ какими подробностями онѣ изображали взятіе этихъ городовъ, но слѣдуетъ думать, что придворныя пѣсни значительно отличались отъ тѣхъ искаженныхъ многими поколѣніями народа пѣсенъ о взятіи Казани, которыя изъ устъ простонародья попали въ наши сборники.

---

[1]) Олеарій, переводъ Барсова стр. 418.

Digitized by Google

Спеціальныхъ пѣсенъ о взятіи Астрахани до насъ вовсе не дошло, и взятіе же города упоминается только мимоходомъ.

Обильный запасъ пѣсенъ объ Иванѣ Грозномъ недавно пополнился еще интересными записями гг. Григорьева и Ончукова. Сибирскія пѣсни изъ того же цикла въ записяхъ С. И. Гуляева и В. Г. Богораза (Тана) были въ текущемъ же году изданы нами въ статьѣ „Историческія пѣсни изъ Сибири" [1]). Въ видѣ дополненія къ этому постоянно накопляющемуся матеріалу, свидѣтельствующему о томъ, на сколько до сихъ поръ еще живо пѣсенное преданіе о Грозномъ въ разныхъ областяхъ Россіи, приведемъ еще два варіанта пѣсенъ о Кастрюкѣ, почерпнутыхъ нами изъ архива нашего Этнографическаго Отдѣла.

Первый варіантъ, записанный въ Оренбургѣ въ 1872 году г. Р. Г. Игнатьевымъ, по словамъ послѣдняго поется одинаково въ Оренбургской, Уфимской и Пермской губерніяхъ.

Кастрюкъ.

I.

Зачиналась каменна Москва,
Зачинался въ ней и грозный царь.
Онъ Казань-городъ на славу взялъ,
Мимоходомъ городъ Астрахань.
5 Какъ задумалъ православный государь,
Да и задумалъ онъ женитися.
Не у себя на святой Руси,—
Бралъ государь во клятой ордѣ;
Да и не такъ онъ бралъ,—съ приданаемъ:
10 Полтораста бояриновъ,
Полтретьяста татариновъ,
Около тысячи донскихъ казачковъ,
Охъ донскихъ казачковъ,
Разудалыхъ молодцовъ.
15 Вотъ сидѣли гости да кушали,
Бѣлаго лебедя рушили;
Какъ одинъ-то гость не кушаетъ,
Бѣлаго лебедя не рушаетъ,
А тотъ ли гость самый набольшій,
20 Самой набольшій самъ царицынъ братъ
Кастрюкъ и Кастрюковичъ:
Онъ думаетъ крѣпку думушку,
Что не думушку богатырскую.
Какъ возговоритъ Кастрюковичъ:
25 «Охъ ты гой еси царь,
Православный государь,
Надежа-государь Иванъ Васильевичъ.
Аль у тя каменна Москва
Избѣднѣлась, изубожилась,
30 Али нѣтъ у тебя въ каменной Москвѣ
Что борцовъ-молодцовъ, охотничковъ,
Съ кѣмъ бы было мнѣ повѣдаться
Крѣпной силою помѣряться?»

---

[1]) См. Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. И. Акад. Наукъ т. IX, кн. 1 стр. 1—27.

Digitized by Google

Какъ возговоритъ православный государь:
35 —Охъ ты гой еси Кастрюкъ Кастрюковичъ!
Да когда же моя каменна Москва
Избѣднѣлася, изубожилась?
Много у меня удалыхъ молодцевъ,
Съ силой крѣпкою, богатырскою;
40 Только стоитъ слово молвити.—
И велѣлъ тутъ царь кличъ кликати.
Выходили изъ галичнаго ряда
Два брата родные Андреевы,
Оба Андреи Андреевичи.
45 Какъ завидѣлъ ихъ Кастрюковичъ,
Онъ кинулся аки бѣшеный:
Полтораста скамей повалилъ,
Полтретьяста людей задавилъ,
А схватилъ онъ брата меньшаго
50 Что Андрея-то Андреевича.
Какъ пошла первая-то схваточка,
Съ Кастрюка долой шапочка,
Какъ другая-то схваточка,
Съ Кастрюка долой шубочка;
55 А какъ третья то схваточка,—
Палъ Кастрюкъ на сыру землю.
Какъ возговоритъ Кастрюкова сестра:
Государева жена:
«У насъ евтого не водится,
60 Съ Кастрюкомъ никто не борется»...

Нельзя не отмѣтить, что запись сдѣлана безъ соблюденія особенностей мѣстнаго говора и нѣсколько ретушировано въ литературномъ отношеніи. Сравнительно съ другими варіантами, особенно сѣверными, имѣющими отъ 100 до 200 стиховъ, оренбургская пѣсня значительно сокращена въ подробностяхъ и даже не упомнила имени царицы Маріи Темрюковны. По содержанію интересъ ея не высокъ, но любопытна сопровождающая пѣсню „игра", которую описываетъ Р. Г. Игнатьевъ: „Въ городѣ Златоустѣ Уфимской губ., во время святокъ, такъ представляютъ въ лицахъ Кастрюка и братьевъ Андреевичей: Кастрюкъ садится вмѣстѣ съ другими на лавку и запѣваетъ; прочіе подтягиваютъ. При словахъ: „Какъ возговоритъ Кастрюковичъ", представляющій Кастрюка становится среди комнаты и обращается, вмѣсто Грознаго, къ хозяину дома, а затѣмъ опять садится на свое мѣсто. Когда же запоютъ: „Кинулся аки бѣшеный"—Кастрюкъ роняетъ скамью и всѣ сидѣвшіе притворяются упавшими и убившимися до смерти. Затѣмъ Кастрюкъ борется съ Андреемъ Андреевичемъ младшимъ, старшій братъ стоитъ въ сторонѣ и смотритъ, а гдѣ такъ знаками подбодряетъ борцовъ. Когда Андреевичъ побораетъ Кастрюка, всѣ встаютъ и допѣваютъ пѣсню. Въ то время, когда гости или ряженые, упавъ со скамьи, лежатъ на полу, то, чтобы пѣсня не прерывалась, ее поетъ старшій Андреевичъ и другіе, которые раньше не садились на скамью, т.-е. не изображали

Digitized by Google

застольныхъ гостей. Иногда при словахъ: „Какъ возговоритъ Кастрюкова сестра“, выходитъ на середину комнаты мужчина, переодѣтый женщиной, и опять таки обращается къ хозяину дома“. Такимъ образомъ это оригинальное „дѣйство“ вполнѣ оправдываетъ извѣстное во многихъ мѣстахъ Россіи выраженіе „играть пѣсню“. Любопытный примѣръ сочетанія эпическаго элемента съ драматическимъ!

Вторая пѣсня о Кострюкѣ, записанная г. А. Дешинымъ въ Калужской губ., была доставлена Этнографическому Отдѣлу В. Ласкинымъ.

Охъ у насъ, у насъ, у насъ,
Какъ у насъ было при первомъ царѣ,
При царѣ, царѣ, царевичѣ,
При Ивану Васильевичу,
5 При блаженной памяти его.
Захотѣлося жениться ему.
Онъ и бралъ войной за себя
Настасью [1]) Земзюрьевну,
Земземелью Земзюрьевну,
10 Зем-зем-зюрьевну.
«Охъ, какъ всѣ-то гости съѣхалися,
Охъ, одного гостя нѣту,
Какъ нѣтъ моего гостя милаго,
Мово шурина родимаго».
15 Онъ пріѣхалъ послѣ всѣхъ
И садился повыше всѣхъ.
Охъ, возгòворилъ царь-государь,
Царь Иванъ Васильевичъ:
«Охъ, ты гой еси Кострюкъ-Вострюкъ!
20 Хлѣба-соли ты не кушаешь,
Бѣла лебедя не рушаешь,
На кого ты лихо думаешь?
На меня ли, на меня ли, на царя,
Иль на вѣру православную?»
25 — «Сколько сколько я земель произошелъ,
По себѣ бойца я не нашелъ».—
Охъ возговорилъ царь-государь,
Царь Иванъ Васильевичъ:
«У насъ, у насъ есть бойцы,
30 Удалые молодцы,
Они люди Калашниковы,
Они дѣти Заложниковы».
Они пò торгу похаживаютъ,
Рукавицы натягиваютъ,
35 Усы зà уши закладываютъ.
Приходили на царскій дворъ,
Кричали громкимъ голосомъ своимъ:
«Высылай, высылай намъ бойца,
Высылай удалого молодца!»
40 Услыхалъ Кострюкъ-Вострюкъ,
Онъ триста скамеекъ повалилъ,
Пятьсотъ брюхановъ задавилъ,
Полтораста донскихъ казаковъ побилъ.
Какъ Гришуха-то маленькій,
45 А Петрушка коротенькій,—
Подхватилъ онъ пониже себя,
Приподнялъ онъ повыше себя,
Да какъ вдаритъ объ мать сыру землю.
Какъ мать сыра земля дрогнула,
50 Кострюково брюхо лопнуло.
Выходила сестра его Марья:
«Какой ты мужикъ, мужикъ!
Крапивное ваше сѣмячко.

---

[1]) Обмолвка вм. Марьи, см. дальше.

Digitized by Google

Много, много васъ на свѣтъ уродилося. 55 Ты какую бѣду учинилъ,
Кострюка брата до смерти убилъ!»

Калужскій варіантъ г. Дешина, съ ярками признаками скоморошьей обработки, представляетъ, кажется, наибольшее сходство съ недавно изданнымъ мною сибирскимъ варіантомъ Гуляева, записаннымъ на Локтевскомъ заводѣ [1]). И здѣсь и тамъ при имени царя Ивана прибавленъ стихъ: *„При блаженной памяти его“*, указывающій на то, что кончина Ивана Васильевича—событіе не очень давнее. Подобное выраженіе изъ почти 50 извѣстныхъ намъ записей пѣсни встрѣчается еще только въ трехъ варіантахъ изъ Симбирской [2]) и въ одномъ изъ Смоленской губерніи [3]). И здѣсь и тамъ отчество *Темрюковна* искажено въ *Земзюрьевну*. Наконецъ, въ обоихъ борцы, поборовшіе Кострюка, называются братьями Калашниковыми, хотя имена ихъ не совпадаютъ: въ сибирскомъ варіантѣ они названы *Ванька маленькій* и *Данилко коротенькій*, въ Калужскомъ—*Гришуха маленькій* и *Петрушка коротенькій*. Попытка къ объясненію фамиліи *Калашниковы* въ связи съ историческимъ лицомъ изъ временъ Лжедмитрія Ѳедоромъ *Калачникомъ* сдѣлана мною въ замѣчаніяхъ къ гуляевскому варіанту, къ которымъ я и отсылаю читателя [4]).

Среди бумагъ Этнографическаго отдѣла встрѣтилась намъ также запись двухъ пѣсенъ казанскихъ татаръ о событіяхъ царствованія Ивана Грознаго, предшествовавшихъ непосредственно взятію Казани. Къ татарскому тексту, записанному со словъ казанскихъ татаръ Кабы Абызова и Дзиннура Тихвинова, приложенъ русскій переводъ, сдѣланный г. Писаревымъ при помощи знакомыхъ татаръ. По нашей просьбѣ академикъ Ѳ. Е. Коршъ и преподаватель Лазаревскаго института Мирза Абдулла Гаффаровъ любезно взяли на себя трудъ передать татарскій текстъ русской транскрипціей и провѣрить переводъ г. Писарева, кое-гдѣ нѣсколько отступавшій отъ оригинала. Мы приведемъ обѣ

---

[1]) См. мою статью: „Историческія пѣсни изъ Сибири“. Извѣстія Отд. русс.-яз. и слов. И. Акад. Наукъ, т. IX, кн. 1, стр. 16—19.

[2]) Кирѣевскій IV, ст. 125, 163 и 165.

[3]) Смоленскій Этногр. Сборникъ, В. Добровольскаго, IV, ст. 609.

[4]) Историческія пѣсни изъ Сибири, стр. 24 и 25.

Digitized by Google

пѣсни въ переводѣ Ѳ. Е. Корша и М. А. Гаффарова, приложивъ въ концѣ татарскій подлинникъ.

Татары помнятъ событія, предшествовавшія паденію Казанскаго царство тверже, чѣмъ наши пѣсни о взятіи Казани подкопомъ. Они внесли въ пѣсни имена хановъ Шигали и Едигера и даже хронологическую дату, впрочемъ, неточную. Первая пѣсня касается похода Ивана IV подъ Казань, предпринятаго въ 1550 году. Распутица не позволила русской рати итти далѣе устья рѣки Свіяги. Здѣсь въ 8 верстахъ отъ ея впаденія въ Волгу, въ разстояніи 38 в. отъ Казани, была построена крѣпость—Свіяжскъ—и оставленъ русскій гарнизонъ. Вслѣдствіе этого горные черемисы подчинились Россіи, и Казань была сильно стѣснена. Татарское преданіе сохранило память о постройкѣ русской крѣпости на Свіяжской горѣ.

I.

1.

Въ тысяча пятисотомъ году [1])
Казань въ рукахъ мусульманъ (еще была).
Къ этому городу Казани
Иванъ Русскій пришелъ.

2.

Иванъ Русскій въ полѣ
При ратныхъ людяхъ.
При городѣ Казани
Бой-драка произошла.

3.

Это и боемъ-то (успѣшнымъ) не было:
Казани города онъ не взялъ.
На этой Свіяжской горѣ
Невѣрный крѣпость поставилъ.

4.

Мусульмане увидѣли,
Распросивъ, изслѣдовавъ, узнали.
«Эта земля наша.
Откуда ты пришелъ?» сказали они.

5.

«Безбожный невѣрный, ты пришелъ,
Здѣсь поселился [2]).
У кого ты взялъ дозволенье?»
(Такъ) говоря, ихъ удалили (?) [3])

6.

Невѣрные, воздавая почетъ,
Къ Его Величеству Ядигеру пришедъ,
Послѣ того съ позволеніемъ
На этой горѣ остались.

Пѣсня помнитъ, что царь Иванъ лично ходилъ походомъ, но обстоятельства заложенія Свіяжска значительно искажены, мо-

---

[1]) Событіе относится къ 1550 году.

[2]) Въ переводѣ г. Писарева: *занялъ здѣсь мѣсто.*

[3]) Въ переводѣ г. Писарева: *этими словами они его сдѣлали безотвѣтнымъ.*

Digitized by Google

жетъ быть, подъ вліяніемъ чувства національной чести. Пѣсня разсказываетъ, что городъ былъ основанъ съ позволенія царя Едигера, которому „невѣрные“ оказали почетъ. Историческіе факты здѣсь совершенно расходятся съ пѣсней. Послѣ постройки Свіяжска стѣсненные казанцы просили Ивана дать имъ царя. Иванъ послалъ имъ въ цари Шигалея съ условіемъ уступки горной стороны Россіи. Положеніе московскаго ставленника въ Казани было очень затруднительно: казанцы требовали возвращенія горной стороны, московское правительство—вассальнаго подчиненія. При такихъ условіяхъ Шигалей долженъ былъ оставить Казань, которая призвала себѣ въ цари ногайскаго хана Едигера (Ядигара). Слѣдствіемъ этого было обложеніе Казани царскимъ войскомъ, взятіе ея подкопомъ и плѣненіе Едигера, крещеннаго затѣмъ подъ именемъ Симеона.

II.

Изъ ханскаго рода былъ одинъ человѣкъ,
Имя его было Шыгали;
Возмутителямъ (?) онъ былъ другомъ,
Плѣнникомъ въ рукахъ у невѣрныхъ [1]).
Много людей пошло (къ Русскимъ),
Много денегъ давъ, взяли [2]),
Въ этомъ городѣ Казани
Сдѣлали его ханомъ.
Шыгали хану Иванъ Русскій
Много денегъ обѣщалъ,
За то, чтобъ онъ въ порохъ налилъ воды.
Шыгали также обѣщалъ.
Онъ самъ себя не зналъ,
Его глаза также не могли насытиться деньгами,
Отъ невѣрныхъ русскихъ взявъ деньги,
Въ порохъ онъ налилъ воды.
Невѣрный русскій усилился,
Правовѣрный мусульманинъ унизился [3]).

---

[1]) Эти два стиха переведены у Писарева такъ: *Онъ—другъ всѣмъ развратнымъ людямъ, былъ въ рукахъ Русскихъ.*

[2]) Въ переводѣ Писарева: *много подарковъ тамъ съ нихъ взяли.*

[3]) Послѣдніе 7 стиховъ въ переводѣ г. Писарева:

Шигали обѣщался сдѣлать это.
Самъ себя не знаетъ!...
Съ богатства у него глаза не сыты!
Отъ русскихъ получивши богатство,
Въ порохъ влилъ воды.
Русскіе сдѣлались сильнѣе,
А мусульмане слабѣе.

Digitized by Google

Изъ нерасположенія къ русскому ставленнику Шигалею пѣсня сдѣлала его корыстолюбивымъ предателемъ, подготовившимъ паденіе Казани порчей пороха водою. Обычный пріемъ національной гордости, объясняющей понесенное пораженіе измѣной, отразился и въ этой татарской старинной пѣснѣ, еще проникнутой тѣми чувствами, которыя питало къ Шигалею и къ русскимъ поколѣніе, бывшее свидѣтелемъ паденія Казанскаго царства. Въ противоположность Шигалею первая пѣсня, какъ мы видѣли, восхваляетъ Едигера, который будто бы далъ позволеніе русскимъ остаться на Свіяжской горѣ, указавъ имъ сначала на ихъ неправоту.

Тѣмъ же почеркомъ (г. Писарева) записана на листикѣ почтовой бумаги еще одна татарская пѣсня въ русскомъ переводѣ, но безъ татарскаго оригинала. Въ ней упоминается также русскій Иванъ, оставшійся надолго въ памяти казанскихъ татаръ, и татарскій удалецъ Чура. Содержаніе пѣсни уже совершенно фантастическое.

III.

Былъ одинъ человѣкъ — имя его Чура,
Много русскихъ побить ему Богъ помогалъ.
Было одно живое существо, имя его никто не зналъ,
Какъ зашелъ онъ въ Казань-городъ никто не видалъ.
Сказали (Чурѣ): «Эй ты Чура! Вѣдь тебѣ Богъ помогаетъ,
А Божьей воли противиться нельзя:
Ивана то Русскаго ты бы въ мелкія части изрубилъ».
Чура вошелъ къ Ивану, а Иванъ въ палатѣ сидитъ;
Чура пошелъ въ палату и отрѣзалъ ему голову.
Иванъ сидѣлъ да ужиналъ, въ то время и отрѣзалъ ему голову.
Ивановы слуги пришли, чтобы взять посуду,
А голова оказалась въ чашкѣ.

С. К. Шамбинаго обратилъ мое вниманіе на то, что татарскій князь Чура упоминается въ старинной русской повѣсти о Казанскомъ взятіи и, по моей просьбѣ, сдѣлалъ слѣдующія выписки изъ главы „О воставшемъ въ Казани мятежи и о изгнаніи царя ихъ и о взятіи царя Шигалѣя и о избеженіи исъ Ка-

Digitized by Google

зани и о біеніи князя Чюры" [1]). „И вложи Богъ милосердіе... въ сердце болшаго князя Чюре Наровича, властеля Казанскаго... и припаде ко царю (Шигалѣю)... добру помощь ему дая совѣтомъ своимъ и печаль отъ него отрѣвая,.. избавляя царя отъ неповинныя смерти... сказуетъ ему вельможъ московскихъ, по именомъ, доброхотающихъ ему... [2])

„Казанцы же неотложно хотяше царя убити, но побеждаше ихъ смиреніе его, и маня имъ Чюра царя убити... Во единъ же день праздника нѣкоего срацынскаго обычаи... во граде же всѣмъ людемъ, малу и велику, пьяномъ, Чюра же проводи царя исъ Казани до Волги и спусти его убежати... и рече Чюра: „азъ вмѣсто тебя умру въ Казани, и моя буди глава въ твоея мѣсто главы; ты же мною да избавленъ буди и не забуди мене, егда будеши преже мене въ Москвѣ"... [3])

„азъ буду за тобою готовъ бѣжати исъ Казани къ Москвѣ". И советъ давъ ему Чюра: да ждетъ его царь на нѣкоемъ мѣсте знаеме, день ему нарече, да зъ женами своими и зъ детми... побѣгну азъ къ украинамъ рускимъ".

„Разгневася князь Чюра на казанцевъ о царѣ Шигалѣе, что месть сотвориша... въсхотѣша его убити... Се бо царь испущенъ Чюрою княземъ—и на реку Богомъ и воевода его, со всѣми отроки, князь Дмитрѣи, не брегомъ, за царемъ же, побежа къ Василю граду, къ рускимъ украинамъ, въ борзоходныхъ струзехъ... Отъ страха смертного царь же забы пождати друга своего вѣрнаго, Чюру Нарыковича, на мѣсте уреченномъ, избавльшаго его отъ смерти... [4])

„(Казанцы) гнѣвахуся вси на Чюру, яко унимаше ихъ убити царя и роптаху... Они же почиташе Чюру за храбрость его и за высокоуміе его во всемъ граде. Чюра же по времени собрався зъ женами своими и зъ детми (съ нимъ же бѣ 500 служащихъ рабъ его, во оружіяхъ одеянны; всѣхъ ратникъ съ нимъ 1000...) и побежа къ Москвѣ, спустя по царѣ 10 дней, и до-

[1]) См. Полн. Собр. р. л. т. XIX, стр. 49—55. Выписки сдѣланы изъ текста болѣе древняго по составу. На стр. 281 и слѣд. помѣщенъ текстъ позднѣйшій неполный.

[2]) Стр. 52.

[3]) Стр. 53.

[4]) Стр. 54.

Digitized by Google

гнавъ мѣста реченного и не обрѣте царя, ждущаго его. И горко сму бысть въ тои часъ. А казанцы же увѣдавъ бежаніе Чюры и гнавше за нимъ и догнаша. Онъ же,.. чаяся отбитися отъ нихъ... и бившеся съ ними долго. И убиша храброго своего воеводу Чюру Нарыковича и с сыномъ его... И нѣсть болши сея любви ничтоже, аще кто за друга душу свою положитъ или за господина [1]).

Изъ этихъ выписокъ видно, что упоминаемый въ татарской пѣснѣ Чура былъ несомнѣнно историческимъ лицомъ, „извѣстнымъ за свою храбрость и высокоуміе во всемъ градѣ" (Казани). Однако, татарское народное преданіе совершенно измѣнило его историческій обликъ. Судя по повѣсти, князь Чура былъ другомъ московскаго ставленника царя Шигалея, содѣйствовалъ его бѣгству изъ Казани и самъ со своими единомышленниками вслѣдъ за Шигалеемъ собирался въ ненавистную казанцамъ Москву, такъ что съ казанской точки зрѣнія онъ долженъ бы былъ представляться измѣнникомъ. А между тѣмъ татарская пѣсня, позабывъ объ его измѣнѣ, сдѣлала его національнымъ богатыремъ, побивавшимъ, съ помощью Бога, русскихъ и отрѣзавшимъ голову Ивану русскому, т.-е. Ивану Грозному. Трудно сказать, чѣмъ объясняется это возвеличеніе Чуры народнымъ преданіемъ. Можетъ быть, оно помнило какіе-нибудь болѣе ранніе воинскіе подвиги его, которые прославили его имя въ Казани, такъ какъ изъ русской повѣсти видно, что Чура пользовался „за храбрость" высокимъ почетомъ въ городѣ и оказывалъ сильное вліяніе на казанцевъ.

Прилагаю татарскій текстъ обѣихъ казанскихъ пѣсенъ въ русской транскрипціи съ объясненіями, данными академикомъ Ѳ. Е. Коршемъ.

„Въ объясненіе принятой здѣсь транскрипціи, которая въ значительной степени обусловлена отсутствіемъ болѣе подходящихъ знаковъ въ типографіи, замѣтимъ слѣдующее: 1) *к* и *г* передъ *а*, *о*, *у*, *ы* соотвѣтствуютъ арабскимъ буквамъ *кафъ* и *гайнъ*, т. е. выражаютъ глубоко-гортанныя *к* и южно-русское *г*, а передъ прочими гласными должны произноситься приблизительно такъ же, какъ по-русски; 2) *нг* выражаетъ турецко-татарское

[1]) Стр. 55.

Digitized by Google

сагыр-нун („глухой *н*“), т. е. нѣмецкія ng въ lang, Länge; 3) *ж* = арабскому *джимъ* = *дж* или *чж*; 4) *в* = арабскому *вавъ* = англ. w; 5) *л* въ словахъ съ гласными *а*, *о*, *у*, *ы* = русск. *л* въ *лобъ*, а въ словахъ съ прочими гласными = франц. или нѣм. l; 6) *й* = ар. *я* (*йа*) = нѣм. j; 7) *ъ* = ар. *ha* = нѣм. h; 8) *я* и *ю* = нѣм. ä и ü; 9) *е*, *ё*, *о*, *ы* = открытымъ *і*, *у*, *ü*, *ы* (т. е. приближающимся къ *е*, *ö*, *о* и *э*).

I.

менгдя біш йёз йылында
Казан мосолман кулында;
ошпо Казан шяъреня
Ыбан урыс кілде-йа.

II.

Ыбан.....[1]) йазда
яскяр халкы йаныда;
шяър-е Казан йаныда [2])
орош сугыш булды-йа.

III.

ул сугыш-та бу́лмады:
Казан шяъреи а́лмады;
ошпо Зёйя тагына
кяфер кала салды-йа.

IV.

мосолманлар кюрделяр,
сорап езляп белделяр:
«ошпо безненг јіремез» діп:
«кайдын кілденг?» кылды-йа.

V.

«ден-сез кяфер кілёп-сян,
мында макам кылоп-сан;
кемден рохсат алоп-сан?»
тійёбян жёдя кылды-йа.

VI.

кяферляр тагзым вылоп,
Йядегяр хазрятенг [3]) кілёп,
сунграсында рохсат берлян
ошпо тагда калды-йа.

VII.

хан няслендян бер ір бар ірде,
есме анынг Шыгале ірде,
шагыллярга [4]) йар ірде,
тоткон кяфер кулында.

VIII.

кюп халайык бардылар,
кюп мал бірёп алдылар,
ошпо шяър-е Казанга
хан кылдылар ірде-йа.

---

[1]) Пропускъ. Переведено по предположенію „урыс тёз“.

[2]) „алдында“ = передъ?

[3]) „хазрятеня“? но по стиху (см. ниже) вѣроятнѣе „ханга“.

[4]) Арабское „шагыл“ значитъ „занимающій (заботящій)“, что здѣсь не годится. Кромѣ того по общему правилу слѣдуетъ „шагылларга“. Переведено по предположенію „сафеллярга“ = низкимъ, но возможно напр. и „шякеллярга“ = (ему) подобнымъ.

Digitized by Google

IX.

Шыгале ханга Ыбан урыс
кюп мал вягдя кылоп-тор
дарога сув коймак ечён.
Шыгале ъям вягдя кылды-йа.

X.

юзе юзене белмяс,
кюзе ъям малга туймас,
кяфер урыстан мал алоп
дарога сув койды-йа.

XI.

кяфер урыс зур булды,
мё'мен мосолман хур булды [1]).

Общія замѣчанія.

1) Въ основѣ стиховъ этой пѣсни лежитъ размѣръ, общій всѣмъ туркамъ, отъ Енисея до Балканъ, который въ правильномъ, нормальномъ видѣ воспроизводитъ слѣдующій ритмъ:.!.!!.! или, рѣже,!.!.!.! (въ обоихъ случаяхъ 7 слоговъ). Этотъ основной размѣръ часто распространяется лишними слогами, но здѣсь онъ вообще выдержанъ такъ хорошо, что тамъ, гдѣ число слоговъ нарушено, можно подозрѣвать ошибки въ передачѣ, по большей части легко устранимыя: I (строфа) 2 (стихъ) „мёслем (или „мё'мен") кулында", IV 3 безъ „діп", V 4 „тійёп", VI 3 „сунгра рохсаты берлян" (?), VII 1 „анда бер ір" (?), 2 безъ „анынг", IX 1 „ул ханга", 3 „койсон діп" (?) или „кой тіде" ? ср. ниже), 4 „ул", X 3 „кяфердян (или „урыстан") кюп мал", XI 2 „мё'мен мёслем". Причина или, по крайней мѣрѣ, одна изъ причинъ этихъ ошибокъ состоитъ въ томъ, что передатчикъ или переписчикъ не пѣлъ, а говорилъ эту пѣсню, какъ видно между прочимъ изъ того, что въ строфѣ IX стихъ 3 соединенъ по грамматической конструкціи съ 2, а не съ 4, какъ-бы слѣдовало на основаніи парности стиховъ въ такихъ строфахъ или куплетахъ.

2) Языкъ этого стихотворенія — казанское нарѣчіе, но съ чагатайскими примѣсями: II 2 и 3 „йаныда" вм. „жанында", II 3 и VIII 3 „шъяр-е Казан" съ персидскимъ изафетомъ вм. „Казан шъяре" (какъ I 3 и III 2), III 3 и VI 4 „таг" вм. „тав",

[1]) Недостаетъ двухъ стиховъ, примѣрно такого содержанія:

Казан шъяре ул чакта	городъ Казань въ то время
кяфер-шъяре булды-йа.	городомъ невѣрныхъ сдѣлалась.

Digitized by Google

IV 4 „кайдын“ вм. „кайдан“, V 3 „кемден“ вм. „кемдян“ (кемнян) V 4 „тійёбян“ вм. „тіеп (тіп)“, VI 3 „берлян“ вм. „белян“, VII 1—3 и VII 4 „ірде“ вм. „еде“. Чагатаизмомъ можно признать и прибавочное „йа“ (ср. перс. „гуфт-ā“ = онъ сказалъ) въ концѣ всѣхъ строфъ кромѣ VII. Сюда-же могутъ быть отнесены правописаніе дѣепричастій „кілёп“ V 1 и VI 2, „кылоп“ V 2, VI 1 и IX 2, „алоп“ V 3 и X 3, „бірöп“ VIII 2 вм. „кілеп“, „кылып“, „алып“, „біреп“ и составленная изъ нихъ форма прошедшаго совершеннаго V 1—3 и IX 2 вм. „кілгян-сен“, „кылган-сын“ и т. п. По-чагатайски или, по крайней мѣрѣ, этимологически написаны „йёз“ I 1, „йыл“ I 1, „йаз“ II 1 и др. слова съ начальнымъ *й* вм. *ж*, „мосолманлар“ IV 1 вм. „мосолманнар“ или „босорманнар“, „няслендян“ (впрочемъ по-чаг. „няслідін“) вм. „нясленнян“.

При изданіи этого текста мы съ благодарностью воспользовались указаніями профессора Н. Ѳ. Катанова, къ сожалѣнію, немногочисленными, такъ какъ они были вызваны не просмотромъ всего текста и перевода, а лишь нашими вопросами по поводу отдѣльныхъ мѣстъ. Между прочимъ, этому знатоку казанскаго нарѣчія и татарскихъ пѣсенъ принадлежитъ окончательная редакція предположенныхъ въ концѣ двухъ стиховъ. Онъ же считаетъ возможнымъ удержать „тійёбян“ (V 4), читая „тійбян“. Кстати объ этомъ стихѣ: не скрывается ли въ персидскомъ „жёдя“ (собственно „жуда“ = отдѣльный), арабское „жыдал“ точнѣе „жідал“ = битва), отчего переводъ былъ бы долженъ измѣниться такъ: „(Такъ) сказавъ, завязали битву?“

Вс. Миллеръ.

Digitized by Google

Бѣломорская былина и повѣсть Петровскаго времени.

Давно прошла пора, когда въ нашемъ былевомъ эпосѣ все—отъ перваго до послѣдняго слова—считали самобытнымъ. Въ настоящее время никто не станетъ отрицать вліянія странствующихъ сказаній, попадавшихъ въ русскій эпосъ или путемъ устной передачи, или литературнымъ путемъ. Одной изъ важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ задачъ изслѣдователя былинъ является теперь указаніе источника заимствованія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и выясненіе, какъ обработанъ заимствованный сюжетъ, потому что это бросаетъ свѣтъ на русское народно-поэтическое творчество вообще. При этомъ большой удачей можно считать, если послужившее оригиналомъ былины сказаніе находится среди памятниковъ русской литературы.

Какъ разъ къ такому роду принадлежитъ былина о женитьбѣ Пересмякина племянника, записанная *А. В. Марковымъ* отъ крестьянки с. Нижней Зимней Золотицы Марѳы Крюковой (біографію ея см. въ „Бѣломорскихъ былинахъ“ А. В. Маркова на стр. 304). Полный текстъ былины печатается въ настоящее время вмѣстѣ съ напѣвомъ въ т. I. „Трудовъ Музыкально-Этнографической Комиссіи“, здѣсь же я только изложу содержаніе.

„Во славномъ во городѣ во Кіевѣ у князя у Владимира“ жилъ богатырь-Пересмякинъ родной племянничекъ, который очень любилъ „въ мореходствѣ ходить“. Однажды онъ сталъ просить у князя Владимира разрѣшенія съѣздить съ товарами русскими въ земли невѣрныя; князь, узнавъ, что дядя богатыря согласенъ отпустить племянника, даетъ разрѣшеніе. Пересмякинъ племянникъ послѣ благополучнаго путешествія распродаетъ свои товары въ Царьградѣ, закупаетъ товары заморскіе и отправляется домой, но на обратномъ пути буря заноситъ его корабли на пустынные

Digitized by Google

острова (они далѣе называются Милитрискими), гдѣ живутъ „камышнички". Дружина гибнетъ, самого же богатыря разбойники, прельщенные его красотой, дѣлаютъ своимъ атаманомъ.— Далѣе дѣйствіе переносится въ славный городъ Христинъ (также Херестинъ, Харастинъ). Дочь Херестинскаго князя Марфида, любительница „по морю гулять", отправляется однажды съ двумя подружками въ морскую прогулку. Поднимается буря, и лодку прибиваетъ къ Милитрискимъ островамъ; подружки со страху бросаются въ воду, а обливающаяся горючими слезами княжна попадаетъ въ руки разбойниковъ, которые передаютъ свою добычу атаману. Пересмякинъ племянникъ, узнавши отъ Марфиды объ ея происхожденіи и приключеніяхъ, объявляетъ, что „возьметъ ее родной своей сестрой". Усмотрѣвъ, что „никакъ нельзя, уѣхать на лошадяхъ", богатырь предлагаетъ княжнѣ бѣжать съ острова на лодкѣ. Они приводятъ свой замыселъ въ исполненіе во время сна разбойниковъ, и попутные вѣтры приносятъ ихъ къ городу Херестину. Счастливый отецъ охотно выдаетъ дочь за Пересмякина племянника.

«Оне скоро златыма персьнями помѣнялись съ её,
165. Нагрузили они черны кáрабли,
Отправились они въ славный Кіевъ-градъ,
Приняли съ её по златому по вѣнцу».

Несмотря на упоминаніе кн. Владимира и Кіева и многія чисто былинныя выраженія, былина производитъ впечатлѣніе повѣсти, переложенной въ пѣсню. Дѣйствительно, оригиналомъ для нея послужила „Гисторія о Россійскомъ матросѣ Василіи Коріотскомъ и о прекрасной королевнѣ Иракліи Флоренской земли" [1]); эта послѣдняя въ свою очередь есть русская переработка „Гисторіи о гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ и о прекрасной гишпанской королевнѣ Элеонорѣ" [2]). Содержаніе „Гисторіи о матросѣ Василіи", извѣстной всего въ трехъ спискахъ, изъ

---

[1]) Издана покойнымъ акад. *Л. Н. Майковымъ* два раза: „Журн. Мин. Нар. Просв." за 1880 г. и въ „Очеркахъ изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій". СПБ. 1889.

[2]) Издана ак. *А. Н. Пыпинымъ*, теперь также покойнымъ, въ 1887 г. въ СПБ. („Памятники древней письменности" № LXIV подъ заглавіемъ: „Изъ исторіи народной повѣсти").

Digitized by Google

которыхъ два относятся ко второй половинѣ XVIII в. [1]) и очень близки между собою, слѣдующее.

„Въ Россійскихъ Европіяхъ" жилъ нѣкоторый дворянинъ, по имени Іоаннъ Коріотскій, имѣвшій сына Василія, „лицемъ зѣло прекрасна". Видя отцову бѣдность, Василій отпросился въ Петербургъ и записался въ Кронштадтѣ въ матросы, чтобы изъ своего жалованья помогать родителю. На службѣ онъ очень отличился и былъ сдѣланъ старшимъ. Когда отправляли матросовъ въ Голландію „для наукъ ариѳметическихъ и разныхъ языковъ", Василій не попалъ сначала въ ихъ число, но потомъ „по его прошенію" отпущенъ былъ и онъ за море. Въ Голландіи нашъ матросъ стоялъ „на квартерѣ" у одного гостя и такъ полюбился ему, что гость сдѣлалъ Василія своимъ довѣреннымъ приказчикомъ и посылалъ его съ товарами въ Англію и Францію. Соскучившись по отцѣ, Василій рѣшилъ ѣхать домой, но гость долго не пускалъ его, наконецъ онъ „уволилъ ему ѣхать въ Россію". Послѣ семидневнаго благополучнаго плаванія, поднялась сильная буря, разбившая корабль Василія, при чемъ всѣ, за исключеніемъ его самого, утонули; онъ же былъ выкинутъ на незнакомый островъ. Жителями острова оказываются разбойники, которые „видѣвъ его молодца удалаго и остра умомъ и зрачна, лицомъ прекрасна и осанкою добра зѣло", принимаютъ его въ свою шайку, а затѣмъ даже выбираютъ своимъ атаманомъ.

Въ отсутствіе разбойниковъ новый атаманъ находитъ въ чуланѣ „зѣло прекрасну" дѣвицу, оказывающуюся Иракліей, дочерью великаго короля Флоренскаго. Разбойники захватили ее въ то время, какъ она „гуляла, съ дѣвицами въ шлупкахъ," дѣвицъ они побросали въ воду, а королеву привезли на островъ. Василій обѣщалъ Иракліи высвободить ее, для чего притворился передъ разбойниками: когда тѣ показали ему королевну, онъ „плюнулъ и вонъ пошелъ" въ свой покой, удививъ разбойниковъ своимъ равнодушнымъ отношеніемъ къ женской красотѣ.

Подумавши о побѣгѣ, Василій „ѣздилъ по острову сему, но токмо кругомъ моря, а сухого пути слѣду нѣтъ"; ему удалось

---

[1]) Третій списокъ, находящійся въ Имп. Публ. Библіотекѣ и уступающій по достоинствамъ тексту, изданному Майковымъ, указанъ безъ обозначенія времени, къ которому его слѣдуетъ отнести, въ книгѣ *В. Сиповскаго* „Русскія повѣсти XVII—XVIII в." СПБ. 1905, стр. 108.

Digitized by Google

подговорить рыбаковъ, которые и увезли его съ королевной въ Цесарію. Тамъ ихъ нашелъ адмиралъ, посланный Флоренскимъ королемъ отыскивать пропавшую королевну. Заманивъ Василія съ королевной на корабль, адмиралъ велитъ бросить перваго въ воду, королевну же похищаетъ. Та „обмерла отъ великой ужести", но адмиралъ, „приступивъ къ королевнѣ и поднявъ, дулъ въ уши и лилъ на перси ея воду, дондеже могла прійтить въ чувство." Подъ угрозой смерти, Ираклія соглашается признать адмирала своимъ спасителемъ и выйти за него замужъ. Василій же, какъ и надо было ожидать, не погибъ, а добрался до Флоренскаго государства „и выпросился у нѣкоторой старухи въ богадѣльню, на которую дрова сѣкъ и воду носилъ". Королевна ѣдетъ въ кирку вѣнчаться съ обманщикомъ адмираломъ и слышитъ неожиданно игру на арфѣ и пѣніе Василія. Адмиралъ подвергается казни, Василій женится на королевнѣ и послѣ смерти ея отца становится самъ королемъ.

Такова повѣсть. Зависимость отъ нея былины настолько очевидна, что, какъ мнѣ кажется, не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Обратимся теперь къ Долторну, чтобы убѣдиться, что исторія о немъ не вліяла непосредственно на нашу былину. Вотъ содержаніе „Гисторіи о гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ," дошедшей до насъ въ 7 спискахъ, относящихся частью къ первой, частью ко второй половинѣ XVIII. вѣка и представляющихъ въ сущности одну редакцію.

„Португалскіе ковалеры" живутъ на островѣ въ Гишпаніи и грабятъ корабли. Шляхтичъ Долторнъ, просрочивъ время отпуска (онъ отпросился къ больному отцу), изъ страха наказанія ѣдетъ на разбойничій островъ (впрочемъ, по нѣкоторымъ спискамъ, Долторнъ просто ѣдетъ „въ далніе страны," а на островъ попадаетъ „незапно"). Здѣсь онъ дѣлается атаманомъ и успѣшно руководитъ шайкой.

Гишпанская королевна Элеонора, никогда не гулявшая на корабляхъ, просится у отца погулять съ подругами. Король разрѣшаетъ, давъ ей большую свиту съ „генераломъ фелтъмаршаломъ" во главѣ. Южный вѣтеръ заноситъ корабль къ разбойничьему городку. Разбойники сражаются съ экипажемъ и истребляютъ его; королевну, упавшую въ обморокъ, тащитъ къ себѣ одинъ эсаулъ, но, увидя Долторна, даритъ ему. Долторнъ

Digitized by Google

немедленно же хочетъ воспользоватся своимъ правомъ 'побѣдителя, но Элеонора называетъ себя, и онъ обѣщаетъ вѣрно служить ей и избавить ее отъ разбойниковъ. Опоивъ разбойниковъ, они бѣгутъ *на лошадяхъ*; море же имъ приходится переѣзжать подъ самой Цесаріей (Римомъ). Цесарь, братъ гишпанскаго короля, въ благодарность за спасеніе племянницы назначаетъ Долторна вторымъ цезаремъ. Въ Цесарію пріѣзжаетъ адмиралъ, похищаетъ Элеонору такъ же, какъ въ „гисторіи о матросѣ Василіи." Окончаніе такое же, какъ и въ первой повѣсти.

Теперь прослѣдимъ, въ какихъ пунктахъ, кромѣ общаго сходства по содержанію, былина совпадаетъ съ повѣстью о матросѣ Василіи и расходится съ „гисторіей о шляхтичѣ Долторнѣ."

И Пересмякинъ племянникъ и Василій отправляются съ товарами въ отдаленныя страны и только для спасенія жизни вступаютъ въ разбойничью шайку, тогда какъ Долторнъ не купецъ, а дезертиръ, съ удовольствіемъ дѣлающійся разбойникомъ. „Долторнъ говорилъ имъ, что его пріѣздъ къ нимъ своевольный, сохраняя животъ свой отъ руки гишпанскаго короля, и къ нимъ пріѣхалъ для такихъ же дѣлъ въ какихъ и онѣ находятца." (стр. 5)

Въ повѣсти о Василіи гость „уволилъ ему ѣхать въ Россію"; соотвѣтственно этому въ былинѣ стоитъ:

„Тибя уволитъ ли дяденька родимый твой?" (ст. 15).

Корабли Василія и богатыря разбиваются, при чемъ экипажъ гибнетъ („вся ево дружиночка хоробрая покинула" ст. 39). Въ гисторіи о Долторнѣ этихъ эпизодовъ, понятно, нѣтъ.

Героини обоихъ произведеній любятъ гулять по морю; въ злополучной прогулкѣ принимаютъ участіе только подружки. Въ „Долторнѣ" Элеонора никогда раньше не гуляла по морю, и въ поѣздкѣ ее сопровождаетъ цѣлая военная свита подъ начальствомъ „генерала фелтъмаршала".

Отношеніе Пересмякина племянника и матроса Василія къ героинямъ рѣзко отличается отъ Долторнова: первые два съ самаго начала относятся къ своимъ подругамъ по несчастью сердечно, Долторнъ же выказываетъ себя, выражаясь мягко, довольно предпріимчивымъ. Вотъ это мѣсто: „Тогда Ѳрезентонъ (другое имя Долторна), взявъ Элеонору въ спалную свою полату, въ которой бы имѣлъ еѣ раздѣть и положить на постели своей. И когда въ ту спалню вошли, тогда предъявилъ ей свое намѣреніе

Digitized by Google

оразрушеніи ея дѣвства". (стр. 17). Намѣреніе свое онъ оставляетъ только тогда, когда узнаетъ въ Элеонорѣ дочь своего короля. Припомнимъ кстати, какъ приводилъ въ чувство Марфиду княжевичну богатырь:

«Приносилъ онъ вѣдь скоро ключевой же воды,
Поливаетъ красну дѣвицу онъ». (ст. 98—99).

Въ повѣсти о Василіи есть соотвѣтственное мѣсто, относящееся, правда, къ адмиралу: „Дулъ въ уши и лилъ на перси ея воду" (*Майковъ*, стр. 185). Въ Долторнѣ такого соотвѣтствія нѣтъ: адмиралъ „въ томъ часѣ дохтурскимъ врачеваніемъ привелъ сѣ въ прежнее чуство". (стр. 55).

Съ разбойничьяго острова Василій и королевна Ираклія спасаются на лодкахъ, потому что „сухого пути слѣду нѣтъ". Такъ и Пересмякинъ племянникъ:

«Усмотрилъ же онъ скоро, выглядѣлъ,
Некакъ нельзя же уѣхать на лошадяхъ,
Только нужно уѣхать во лодкахъ однѣхъ». (ст. 126—128).

Напротивъ того, шляхтичъ Долторнъ спасается именно на лошадяхъ („убралъ два аргамáка..." стр. 21).

Эпизодъ съ адмираломъ вовсе не вошелъ въ былину; богатыри Херестинскіе находятъ Пересмякина племянника съ Марфидой княжевичной въ избушкѣ (или около избушки?), которую отапливалъ нарочно посаженный тамъ человѣкъ на случай пріѣзда богатырей за справками о пропавшей княжнѣ. Позволительно спросить, не скрывается ли подъ этимъ искаженный эпизодъ о пребываніи матроса Василія „въ богодѣлнѣ, на которую дрова сѣкъ и воду носилъ". Въ „гисторіи о шляхтичѣ Долторнѣ" герой останавливается у „некотораго волнодомца".

Кромѣ перечисленныхъ прямыхъ доказательствъ непосредственной связи нашей былины именно съ повѣстью о матросѣ Василіи, можно привести еще нѣкоторыя косвенныя, тоже говорящія въ пользу этого. Сказительница Мароа Семеновна Крюкова, кромѣ старинки о женитьбѣ Пересмякина племянника, пѣла собирателю про Рынду, будто бы совершавшаго свои богатырскіе подвиги еще до князя Владимира. Въ этой былинѣ, несомнѣнно представляющей передѣлку какой-то повѣсти, пока мнѣ неизвѣстной, попадаются собственныя имена, сходныя съ именами въ повѣсти

Digitized by Google

о матросѣ Василіи. Начинается эта длинная былина такъ: „Во славномъ во городи во Европійскомъ“ (ср. въ повѣсти: „въ Россійскихъ Европіяхъ“). Одно изъ женскихъ лицъ носитъ названіе прекрасной Флориды (ср. съ одной стороны королевну Ираклію Флоренской земли, съ другой—ея имя въ былинѣ Марфида).

Остановимся нѣсколько на собственныхъ именахъ былины о „женитьбѣ Пересмякина племянника“. Нѣтъ ничего удивительнаго, что такое необычное въ эпосѣ имя, какъ Ираклія повѣсти, не удержалось, а было замѣнено другимъ, болѣе эпическимъ. Имя Марфиды, Мароы попадается въ былинахъ о Добрынѣ—змѣеборцѣ и возводится нашими изслѣдователями (Н. Квашнинъ-Самаринъ, проф. Вс. Ѳ. Миллеръ) къ Малфридѣ (Malfred), женѣ кн. Владимира; оно встрѣчается еще въ золотицкой старинѣ про кн. Михайлу („Бѣл. был.“ стр. 169—172) вмѣсто Катерины, какъ въ большинствѣ пересказовъ называется жена этого князя. Внѣшнимъ поводомъ для замѣны Иракліи именно Марфидою могло, пожалуй, послужить сходство съ названіемъ музыкальнаго инструмента „арфія“ (арфа): „Прекрасная же королевна Ираклія вельми была горазда играть на арфіи...“ и далѣе: „въ нашемъ Флоренскомъ государствѣ, кромѣ меня, никто на арфіи не играетъ и не умѣетъ...“ Какъ мы видѣли выше, игра на арфѣ обученнаго Иракліей Василія ведетъ къ узнанію его королевной. Можно предположить, что важная роль арфы въ повѣсти заставила запомнить звуковую форму этого слова, а такъ какъ предметъ, обозначаемый словомъ, не былъ извѣстенъ слагателямъ и исполнителямъ былины, то названіе инструмента, отразилось на имени самой арфистки.

Гораздо труднѣе, объяснить утрату имени матроса Василія, простого самого по себѣ и, сверхъ того, употребительнаго въ эпосѣ (Василій Буслаевичъ, Василій Игнатьевичъ, Василій Окульевичъ и др.). Пересмяка (Перемяка, Пересмяга, Перемета) соотвѣтствуетъ въ бѣломорскихъ былинахъ о Чурилѣ Бермятѣ (Пермяну и др.) другихъ пересказовъ. На Бѣломъ морѣ знаютъ этого почтеннаго человѣка не только въ роли обманутаго мужа, но и въ качествѣ богатыря; въ этомъ послѣднемъ случаѣ при немъ всегда упоминается племянничекъ, не имѣющій собственнаго имени. Такъ, въ старинкѣ № 46 у *Маркова* Перетсьмяка со племянникомъ служатъ кн. Владимиру:

Digitized by Google

«Записались, все въ заповѣдь великую:
— «Шьчобы стоять намъ за князя, за Владимира,
Шьчобы стоять намъ за вѣру христіяньскую ..» (стр. 234).

Служба и подвиги Пересмяки со племянникомъ упоминаются также въ №№ 2, 3, 42 и 81. Одинъ „племѐнницёкъ" Пересмякинъ безъ дядюшки фигурируетъ въ № 7 въ роли любовника жены младшаго изъ братьевъ Бродовичей; здѣсь онъ изображенъ могучимъ богатыремъ, но опять-таки не названъ по имени:

210 «Богатырь-отъ былъ-то все пресильнія,—
Размёталъ-то всихъ братьицей Петровицей...» (стр. 73).

Такъ какъ причиной утраты имени Василія и замѣны его именемъ Пересмякина племянника мы не можемъ считать ни трудность запоминанія перваго имени, ни сходство личности и приключеній того и другого героя, то приходится прибѣгнуть къ другому предположенію. Возможно, что оригиналомъ для былины послужилъ такой списокъ повѣсти, намъ неизвѣстный, въ которомъ собственныя имена не соотвѣтствовали именамъ двухъ дошедшихъ до насъ списковъ. Что же касается Милитрискихъ островов вмѣсто безымяннаго острова повѣсти, то это не что иное, какъ Мальтійскіе острова, весьма часто встрѣчающіеся въ нашихъ повѣстяхъ. Такъ, въ исторіи „о славномъ саксонскомъ королѣ Ефродитѣ и о сынѣ его, славномъ и великомъ ковалере Максіоне и о прекрасной принцессѣ Раксанѣ" врагами героевъ являются „малтискіе ковалеры" [1]). Припомнимъ еще знаменитую повѣсть о Францелѣ Венеціанѣ: „Гисторія о храбромъ гишпанъскомъ рыцаре Венцыанѣ, а *въ малтискихъ островахъ* по свидетельству *малтискихъ* ковалеровъ за храбрую ево поступку нарѣкли ему второе ковалерское имя Ѳранцель" [2]). Искаженію могло содѣйствовать имя Милитрисы Кирбитьевны въ популярнѣйшей повѣсти о Бовѣ Королевичѣ. Остается добавить, что мало знакомая Голландія замѣнена въ былинѣ Царьградомъ подъ вліяніемъ другихъ былинъ.

Чтобы покончить съ былиной, вернемся опять къ Пересмякину племяннику. Какъ мы видѣли, этотъ странный богатырь

---

[1]) *Пыпинъ*. Для любителей книжной старины. М. 1888 г. стр. 23.
[2]) Тамъ же стр. 60.

Digitized by Google

безъ имени, племянникъ своего дядюшки, дѣйствуетъ и въ другихъ бѣломорскихъ былинахъ. Къ удивленію онъ является не единственнымъ въ этомъ родѣ. Въ бѣломорскихъ же старинахъ о „Камскомъ побоищѣ" перечисляется цѣлый рядъ такихъ племянниковъ. Приведу всѣ относящіяся сюда мѣста.

№ 81.

Князь Владимиръ говоритъ:
«А садись-ко-се, Добрыня, на ременчатъ стулъ,
А пиши-то ёрлыки да скоропищяты...
А какъ перьву-то голову пиши Самсона сына Колубаёва,
30. А другу-то голову пиши Дуная сына Иванова,
Во третьихъ-то пиши Святогора Гурьева,
Святогора-то пиши да со племянникомъ,
А Ремянника пиши да со племянникомъ,
Пересмёту ты пиши да со племянникомъ,
35. Перемяку пиши да со племянникомъ,
А да Рошшу, Рошшу-Рошшиби колпакъ да со племянникомъ...
(стр. 434—5).

№ 94.

90. —«...Ай пиши-тко-се ты Рошшу-ту Рошшиби колпакъ,
Ише Рошшу-ту пиши да со племянникомъ...» (стр. 480).

№ 104.

5. —«... Въ перьву голову (пиши)—Самсона ты Колыба́нова,
Втору голову—Дуная-та Переславьёва,
Въ третью голову—Гаврюшу-то Долгополого,
Да пиши-тко Луку Толстоременьника,
Да обѣихъ пиши съ племе́ньникомъ;
10. Ужъ ты Рошшу пиши-тко, Рошшиби колпакъ,
Рошшиби колпакъ пиши да со племянникомъ...» (стр. 523).

Собиратель, посвятившій „Камскому побоищу" отдѣльную статью, [1]) почему-то вовсе не коснулся этихъ любопытныхъ обозначеній. Попытаемся уяснить ихъ себѣ. Слово племянникъ (діалектическое племе́нникъ) въ настоящее время обозначаетъ главнымъ образомъ сына брата или сестры и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ родственника вообще. Сюда относятся такія выраженія, какъ: Божій племянникъ = счастливчикъ, застольный

[1]) „Юбилейный сборникъ въ честь проф. *Вс. Ѳ. Миллера*" стр. 150—162.

Digitized by Google

племянникъ = бѣдный родственникъ—нахлѣбникъ (см. Словарь Даля s. v.). Въ восточныхъ говорахъ во второмъ смыслѣ употребляется еще слово племяшъ (родичъ, соплеменникъ). Въ древне-русскомъ языкѣ для обозначенія сына брата или сестры употреблялись слова: братаничь, братанъ (Псковск. I лѣт. подъ 1433 г.), братучадо (—ъ,—ь); сестричь, сестричичь,—щь, нетии [1]). Слово же „племянникъ" обозначало только человѣка, принадлежащаго къ тому же роду, племени, и въ болѣе узкомъ смыслѣ (какъ теперешнее „племянникъ") не употреблялось. Для примѣра приведу отрывокъ изъ духовной Артемія черноризца въ пользу Николаевскаго Чухченемскаго монастыря близъ Холмогоръ: „а не восхочеть игуменъ савастьѧнъ тое земли. дадуть мои *племеньники*. Игумену савастьѧну сорочекъ за сокооустъ, а с҃тому николѣ. л҃. бѣлъ на темьѧнъ". [2]) Другой примѣръ, изъ Новгородской судной грамоты 1471 г.: „Дать въ позовниково (т. е. истцово) мѣсто грамота безсудная *племеннику* его или другу" [3]).

Мнѣ не кажется невозможнымъ, что въ старинахъ Зимней Золотицы сохранилось древнее значеніе разбираемаго слова, хотя, конечно, сами сказатели понимаютъ его уже только въ современномъ смыслѣ. Въ такомъ случаѣ былинное выраженіе „со племянникомъ" соотвѣтствуетъ древнему „со племенники". Понятно, для разсказчика важно было только имя предводителя этой дружины, напр., Рошша Росшиби колпакъ. Къ сожалѣнію, мнѣ ничего неизвѣстно подобнаго ни въ старыхъ записяхъ былинъ, ни въ новыхъ, а основываясь исключительно на трехъ—четырехъ золотицкихъ былинахъ, нельзя идти дальше простого предположенія.

Теперь, оставивъ гадательное, обратимся къ тому, что можно считать доказаннымъ. Изъ предыдущаго видно, что былина о женитьбѣ Пересмякина племянника представляетъ переработку повѣсти о матросѣ Василіи, быть можетъ, по списку иной редакціи, чѣмъ дошедшіе до насъ списки. Къ какому времени надо отнести сложеніе былины? *Л. Н. Майковъ* на основаніи бытовыхъ чертъ относитъ составленіе повѣсти къ первой половинѣ

---

[1]) „Матеріалы для словаря древне-русскаго языка" ак. *И. И. Срезневскаго* ss. vv.

[2]) *А. А. Шахматовъ*. Изслѣдованіе о двинскихъ грамотахъ XV в. Ч. II № 9, стр. 15—16.

[3]) *Срезневскій* „Матеріалы..." s. v. племеньникъ.

Digitized by Google

XVIII столѣтія [1]); къ тому же заключенію приходитъ и ак. *А. Н. Пыпинъ* [2]), не измѣнившій своего мнѣнія до послѣдняго времени (см. „Исторію р. литер." 1899 г. т. 3, стр. 417—418). Слѣдовательно, наша былина не могла быть сложена раньше первой половины XVIII в.; болѣе точнаго опредѣленія сдѣлать нельзя, пока не будетъ найдено другихъ списковъ повѣсти и новыхъ варіантовъ былины.

Изученіе былины о Пересмякиномъ племянникѣ само собой приводитъ къ болѣе общему любопытному вопросу.

Былины въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ, считаются обыкновенно достояніемъ XV—XVI вв.; слагавшіяся, начиная съ середины XVI столѣтія, пѣсни нѣсколько отличаются отъ нихъ по существу и въ настоящее время носятъ названіе историческихъ пѣсенъ (народъ однако и ихъ называетъ „старинками"). Хранители былинной традиціи въ XVII, XVIII и XIX вѣкахъ были только исполнителями и исказителями былинъ, но не слагателями ихъ. Таково общепринятое мнѣніе. Однако есть нѣкоторые факты, доказывающіе, что въ мѣстностяхъ, особенно благопріятствовавшихъ сохраненію былинъ (условія для этого прекрасно выяснены въ предисловіяхъ ко многимъ былиннымъ сборникамъ), новыя былины могли появляться и позднѣе указаннаго выше предѣла. Классическій примѣръ—стихотвореніе Щербины, вошедшее въ репертуаръ Матрены Меньшиковой. *Гильфердингъ*, приводя передѣлку Меньшиковой, говоритъ: „Не показываютъ ли эти факты, что тамъ, на Кенозерѣ, воздухъ, такъ сказать, еще пропитанъ духомъ эпической поэзіи, что эта поэзія тамъ не только не вымираетъ, а даже еще ищетъ себѣ новыхъ предметовъ?" [3]) Здѣсь мы встрѣчаемся со стихотвореніемъ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, почему собирателю и было такъ легко признать его. Безъ сомнѣнія, могутъ быть и другіе случаи въ этомъ родѣ. Тотъ же собиратель записалъ въ Повѣнецкомъ у. отъ сказителя Калинина (одного изъ лучшихъ олонецкихъ пѣвцовъ) старинку про Рахту Рагнозерскаго. Проф. *Вс. Миллеръ* въ одномъ

---

1) „Очерки..." стр. 192.

2) „Для любит. кн. старины" стр. VIII.

3) „Онежскія былины" Т. I (1894 г.) стр. 22.

Digitized by Google

изъ своихъ очерковъ [1]) указалъ составные элементы этой старины и высказалъ предположеніе о происхожденіи имени богатыря,—на всемъ этомъ мы останавливаться не будемъ. Насъ интересуетъ другое: былина представляетъ украшенное преданіе о мѣстномъ силачѣ и, стало быть, *сложена* въ Олонецкой губерніи. Разумѣется, времени сложенія опредѣлить нельзя; нужно только сказать, что ни въ языкѣ, ни въ подробностяхъ содержанія нѣтъ ничего, что указывало бы на древность происхожденія.

Въ послѣднее время г. Ончуковымъ на сѣверѣ Россіи (въ с. Устьцыльмѣ) записана въ двухъ варіантахъ пѣсня, названная собирателемъ пародіей, въ виду того, что въ ней былиннымъ складомъ воспѣвается мѣстный пьяница. Приведу лучшій варіантъ:

№ 29.

1. Не у вора у Васьки у Захарова
Не упито было, не уѣдено,
Не баско-хорошо было, не изношено,
На царевъ кабакъ да было сношено.
5. Походитъ Васенька на царевъ кабакъ,
Поноситъ шапочку пуховъ колпакъ,
Большими-те тюнеми [2]) онъ припахлапыватъ,
Слѣпыми-те глазами онъ да приросипилькиватъ;
Приходитъ Васинька да на царевъ кабакъ,
10. Отдаватъ шапоцьку пуховъ колпакъ,
Проситъ за шапоцьку петьсотъ рублей,
А даваютъ ему петь копеечекъ.

(„Печорскія былины“ стр. 155).

Во второмъ варіантѣ упоминаются и нѣкоторыя другія лица, также изъ числа мѣстныхъ героевъ.

Все это даетъ право предполагать, что сложеніе новыхъ былинъ продолжалось до послѣдняго времени, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ по современнымъ даннымъ былинная традиція проявляетъ особенную жизненность. Былины богатырскія, которыя возникали въ дружинной средѣ и восходили къ лиро-эпическимъ пѣснямъ, перестали создаваться, какъ скоро исчезли условія, вызывавшія ихъ появленія, но нельзя указать

---

[1]) „Этн. Об.“ кн. XXXIX.

[2]) Сапоги изъ оленьяго мѣха.

Digitized by Google

препятствій для сложенія былинъ-фабльо. Мнѣ кажется, что народное творчество въ этомъ направленіи не угасло, а продолжало свою работу. Примѣрами служатъ новыя былины, приведенныя выше, начиная съ былины о женитьбѣ Пересмякина племянника. Разумѣется, вопросъ этотъ требуетъ дальнѣйшаго разъясненія; могло бы пролить на него свѣтъ въ особенности сравнительное изученіе репертуара и пріемовъ лучшихъ сказителей, въ родѣ Аграфены Крюковой, Трофима Рябинина, Петра Калинина, и др.

Н. Васильевъ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

Еще къ вопросу о прозвищѣ Ильи Муромца.

Въ XLIV книжкѣ «Этнографическаго Обозрѣнія» (1900 г. № 1) была помѣщена моя замѣтка «къ вопросу о прозвищѣ Ильи Муромца». Въ этой замѣткѣ я старался выяснить прозвище популярнаго богатыря на основаніи былинныхъ данныхъ. Я воспользовался начальнымъ эпизодомъ изъ былины о боѣ Алеши Поповича съ Тугариномъ; здѣсь разсказывается о томъ, какъ Алеша, выѣхавши со своимъ слугою изъ Ростова, доѣхалъ до перекрестка, гдѣ дорога расходилась въ три стороны, къ тремъ различнымъ городамъ. Изъ названій городовъ, довольно разнообразныхъ по различнымъ пересказамъ, я выдѣлилъ имена Чернигова, Путивля и Мурома и изъ сопоставленія этихъ трехъ географическихъ опредѣленій сдѣлалъ выводъ, что подъ «Муромомъ» нужно подразумѣвать южный городъ Моровійскъ, или Муромскъ. Новая запись этой былины, недавно сдѣланная г. Ончуковымъ въ Печорскомъ краѣ [1]), заставляетъ иначе объяснять былинную географію, а сообразно съ этимъ иначе смотрѣть и на названіе г. Мурома. Новая запись не говоритъ, откуда выѣхали Алеша Поповичъ и Екимъ-паробокъ, но на выѣздъ ихъ именно изъ Ростова намекаетъ Алеша, называя себя сыномъ Левонтья, попа ростовскаго.

Два молодца ѣдутъ и разговариваютъ:

«Куда намъ вѣдь, братцы, ужъ какъ ѣхать будетъ?
Намъ ѣхать, не ѣхать намъ въ Суздалъ-градъ?
Да въ Суздалѣ-градѣ питья много,
Да будетъ добрымъ молодцамъ испропитися;
Пройдетъ про насъ славушка недобрая».

Далѣе упоминаются Черниговъ и Кіевъ, эпическіе города, не имѣющіе значенія для опредѣленія географіи былины. Но названіе Суздаля, впервые встрѣчающееся въ этой былинѣ, естественно напрашивается на сопоставленіе съ Муромомъ, упоминаемымъ у Кирши Данилова и въ «Бѣломорскихъ былинахъ» (№ 47). Эти пересказы оба говорятъ о вы-

[1]) Печорскія былины, № 85, стр. 333.

Digitized by Google

ѣздѣ богатырей изъ Ростова (въ «Бѣл. был.»—Острова); такимъ образомъ, географія былины опредѣляется небольшимъ райономъ, въ который входятъ Ростовъ, Суздаль и Муромъ. Къ этому нужно прибавить, что въ двухъ пересказахъ въ качествѣ мѣста, куду ѣдутъ крестовые братья, упомянуто названіе князя Владимира, вмѣсто княжескаго города Кіева. Можно думать, что здѣсь сохранилось названіе третьяго города, куда направлялась дорога отъ перекрестка—названіе города Владимира. Тогда опредѣлятся три дороги, упоминавшіяся въ древнѣйшей версіи былины: въ Муромъ, Суздаль и Владимиръ. Эта версія, если она дѣйствительно существовала, должна была принадлежать мѣстной пѣснѣ о ростовскомъ храбрѣ. Въ такомъ случаѣ приходится допустить, что впослѣдствіи на югѣ эта пѣсня подверглась переработкѣ, при чемъ явились новыя названія городовъ: Путивль, Черниговъ и Кіевъ, и къ имени ростовскаго храбра первой четверти XIII в. было прикрѣплено легендарное сказаніе о Тугаринѣ, ведущее свое начало еще съ конца XI в.

А. Марковъ.

Былины на братчинахъ.

Въ книгѣ К. Молчанова «Описаніе Архангельской губерніи (Спб. 1813, стр. 192) при разсказѣ о Шенкурской округѣ (§ 21) читаемъ:

«Въ семъ уѣздѣ храмовые только праздники празднуются крестьянами съ особеннымъ приготовленіемъ, къ коимъ варятъ пиво, покупаютъ горячее вино и водку, созываютъ гостей, веселятся съ ними и съ сосѣдями, посѣщая одинъ другого до 4 и до 5 дней; сверхъ того, имѣютъ достойное примѣчанія обыкновеніе: всякой инородецъ, проходя ихъ селеніе во время праздника, угощается наравнѣ съ гостями. Почему хлѣбъ и харчевая ѣства со стола чрезъ цѣлый день не сбирается. При семъ пожилые люди поютъ старины, въ коихъ выхваляются подвиги древнихъ русскихъ героевъ, какъ-то: св. Владимира, Добрыни, атамана Суры и проч., а молодые люди поютъ новомодныя любовныя пѣсни, развращающія болѣе ихъ нравы, нежели исправляющія». Отмѣчаемъ, что «старины» (вм. «былины») поются пожилыми и во время храмовыхъ праздниковъ—остатковъ древнихъ братчинъ (NB. вареніе пива). Невольно вспоминаются мнѣ впервые мнѣ попавшіяся «виноградья большія и малыя», пѣвшіяся при *колядованьи* на Рождествѣ въ Устюжскомъ уѣздѣ и составляющія особый родъ великорусскихъ пѣснопѣній (*Ѳ. М. Истомичъ* и *С. М. Ляпуновъ*: Пѣсни русскаго народа, собр. въ 1893 г. Спб. 1899, стр. XIII) Сура—вѣроятно, Сауръ Леванидовичъ (См. у *Вс. Ѳ. Миллера*. Очерки русской народной словесности. М. 1897. Стр. 337).

И. Шляпкинъ.

Digitized by Google

Къ пѣснѣ объ осадѣ Соловецкаго монастыря.

Въ наиболѣе полномъ видѣ пѣсня объ осадѣ и взятіи Соловецкаго монастыря сохранилась въ пересказѣ, записанномъ мною отъ пѣвицы родомъ съ сѣвернаго берега Бѣлаго моря, А. М. Крюковой (см. Бѣломорскія былины, № 40). Между прочимъ этотъ пересказъ содержитъ указаніе на то, какъ былъ взятъ монастырь:

Захотѣлъ-то вѣдь Деревяга
Въ святомъ озерѣ купаться,
По веревкамъ черезъ стѣну-ту опускаться.
Еще палъ этотъ грѣшникъ
Онъ на сыру-ту землю;
Онъ сломилъ свою праву руку,
Извихнулъ свою лѣву ногу.
Тутъ пришелъ къ нему воевода:
«Ты скажи-ка намъ сущу правду:
Еще порохомъ-то ли доволенъ монастырь,
Еще пушками-то доволенъ ли,
Еще крѣпостью-то крѣпокъ ли
Да людьми-то вѣдь онъ люденъ ли?»
Говоритъ-то тутъ Деревяга:
— Онъ вѣдь крѣпостью-ту крѣпокъ,
Онъ людьми только не люденъ.
Попадите й вы зайдите
Дровянымъ-то въ стѣну окошкомъ.—

(Здѣсь пѣвица объяснила, что въ стѣнѣ было окошко, заложенное дровами).

Какъ зашелъ-то воевода,
Разсказалъ какъ Деревяга.

На эту подробность, передаваемую въ пересказѣ Крюковой и отсутствующую во всѣхъ пересказахъ, обратилъ вниманіе проф. В. Ѳ. Миллеръ въ своей статьѣ объ историческихъ пѣсняхъ изъ Сибири [1]): «Исторически извѣстно, что осаждавшимъ помогла измѣна монаха Ѳеоктиста, указавшаго имъ тайный проходъ въ монастырь. Повидимому, и это обстоятельство въ измѣненномъ видѣ упомнила замѣчательная пѣсня Крюковой». Конечно, пѣсня здѣсь вспоминаетъ тотъ фактъ, что Мещеринову удалось взять монастырь съ помощью перебѣжчика, монаха Ѳеоктиста, который указалъ стрѣльцамъ отверстіе въ стѣнѣ, слегка заложенное камнями. Нужно сказать, что объ этомъ знала также одна старуха, крестьянка Зимняго берега Бѣлаго моря, владѣлица старинной записи пѣсни; она разсказывала, что московское войско взяло монастырь только

[1]) Извѣстія Отдѣленія русскаго яз. и словесн. И. Акад. Наукъ 1904 г. т. IX, кн. 1, стр. 47.

Digitized by Google

потому, что одинъ монахъ показалъ потайной ходъ («Бѣлом. был.» стр. 472, прим. 3). Но почему же въ пересказѣ Крюковой вмѣсто монаха (Ѳеоктиста) измѣнникомъ оказывается какой-то «Деревяга?» Сама пѣвица понимала это слово въ качествѣ имени нарицательнаго и объяснила, что это былъ «мужикъ деревенскій». Но слово «деревяга, деревяжка» не имѣетъ вовсе такого значенія; на основаніи пѣсеннаго текста можно только понять, что таково было прозвище измѣнника. Можно даже думать, что ассоціація представленій «деревяга» и «деревенскій», «дерево» повліяло на то, что вмѣсто камней въ пѣснѣ стало фигурировать «дровяное окошко». Такимъ образомъ, вмѣсто Ѳеоктиста, въ пѣснѣ является Деревяга. Замѣтимъ еще, что самая измѣна описывается несогласно съ исторіей. Пѣсня говоритъ, что Деревяга сталъ спускаться со стѣны по веревкѣ подъ предлогомъ купанья въ озерѣ; но такой предлогъ былъ бы совершенно невѣроятнымъ [1]), потому что взятіе монастыря происходило 22 января, въ сильную мятель и бурю, а измѣна Ѳеоктиста совершилась незадолго до этого, послѣ неудачной попытки взять приступомъ монастырь 23 декабря.

Изъ всего этого видно, что въ пѣснѣ преданіе объ измѣнѣ Ѳеоктиста соединено съ другимъ преданіемъ изъ времени осады монастыря, разсказывавшимъ о какомъ-то Деревягѣ, который, желая купаться, сталъ спускаться по веревкамъ со стѣны, но упалъ, расшибся и попалъ въ руки воеводы. О такомъ событіи мы ничего не знаемъ по историческимъ источникамъ, но есть нѣкоторое основаніе предполагать, не сохранилась ли въ эпизодѣ о Деревягѣ память о «воровскомъ казакѣ Панфилкѣ *Деревягинѣ*», который вмѣстѣ съ другими «Астраханскими воровскими казаками» упоминается въ одной челобитной грамотѣ 1670 года [2])? Можно думать, что послѣ 1671 года, когда астраханцы покорились московскому воеводѣ и казакамъ въ Астрахани нечего было дѣлать, многіе изъ нихъ отправились на сѣверъ и примкнули къ недовольнымъ соловецкимъ монахамъ. Извѣстно, что большая часть монастырской рати состояла изъ «воровъ», которые сильно безчинствовали, вызывая противъ себя неудовольствія со стороны самихъ монаховъ. Незадолго до взятія монастыря, въ 1674 г. они чуть было совсѣмъ не отказались защищать монастырь и даже положили ружья на стѣну. Вотъ каковы были защитники монастыря; весьма вѣроятно, что среди нихъ находился и «воровской казакъ Панфилко Деревягинъ».

А. Марковъ.

„Красная смерть“ у русскихъ старообрядцевъ.

Пишу по поводу «Этнологическаго вопроса» г. *Вл. Б.* во II книжкѣ «Э. О.» (стр. 160—161).

Въ гор. Сарапулѣ (на р. Камѣ, въ Вятской губ.), на такъ наз. Старцевой горѣ, живутъ старообрядцы разныхъ толковъ, а также сек-

[1]) Развѣ только разумѣется купанье въ іордани 6 января?
[2]) См. Акты Историческіе, IV, 398.

Digitized by Google

танты (будто бы хлысты и скопцы). Въ деревнѣ Шевыряловѣ, неподалеку отъ города, также живутъ сектанты.

Въ виду замкнутой жизни тѣхъ и другихъ (высокіе заборы вокругъ дворовъ, ворота всегда на запорѣ,—трудно достучаться; вѣра хранится въ тайнѣ и т. д.), про нихъ ходитъ въ окрущающемъ населеніи не мало слуховъ, иногда нелѣпыхъ. Пять лѣтъ тому назадъ я цѣлый годъ жилъ въ Сарапулѣ. Тогда тамошніе мѣщане увѣряли меня, напримѣръ, что если войти въ домъ къ скопцу, васъ непремѣнно посадятъ на такой стулъ, который моментально опустится, вмѣстѣ съ вами, въ подвалъ, и тамъ надъ вами будетъ произведена операція оскопленія...

Усиленно циркулировали также слухи о практикующейся будто бы у сектантовъ «*Красной смерти*» черезъ задушеніе *красною* подушкою. Говорили и о существованіи особаго «душилы», спеціалиста по части задушенія. Но присутствіе его не обязательно: задушить можетъ и сынъ, дочь или другой родственникъ, если онъ на то согласится.

Въ «Памятной книжкѣ Вятской губ. на 1901 годъ» было, между прочимъ, напечатано слѣдующее сообщеніе, заимствованное, очевидно, изъ оффиціальныхъ отчетовъ миссіонеровъ. «Въ 1899 году образовался новый толкъ—«Яичниковъ»—изъ-за вопроса о томъ, можно ли класть пасхальныя яица на божницу къ иконамъ. Послѣ многихъ споровъ сектанты по этому вопросу не пришли ни къ какому соглашенію; спорящія стороны взаимно отлучили себя отъ церковнаго общенія, и не позволяющіе класть яица въ божницы составили толкъ Яичниковъ.—Немоляки, Бѣгуны, Петины и Никифоровы отличаются направленіемъ раціоналистическимъ, отвергаютъ церковь, таинства и обряды, молитву, посты, водное крещеніе. Особенно вреденъ толкъ *бѣгуновъ*, имѣющихъ сходство съ Тираспольскими изувѣрами. У нихъ въ ходу 40-дневный постъ въ лѣсахъ, отъ котораго часто умираютъ съ голода, и такъ называемая *красная смерть* (въ Елабужскомъ и Сарапульскомъ уѣздахъ). Есть основаніе предположить, что трудно-больныхъ крестятъ и потомъ задушаютъ *красною* подушкою» (стр. 98—99).

Добровольную смерть многіе толки старообрядцевъ считаютъ выше естественной смерти, приравнивая ее къ мученичеству. Но при этомъ важно, чтобы умирающій не самъ «наложилъ на себя руки». Съ его стороны нужна рѣшимость умереть, а прочее пусть сдѣлаютъ силы природы или рука другого человѣка. Самосожженіе, добровольное голоданіе до смерти, добровольное замурованіе,—все это «красная», т.-е. красивая, почетная смерть; задавиться же, утопиться—смерть совсѣмъ не «красная». Вполнѣ возможно, что смерть черезъ добровольное задушеніе со стороны другого лица будетъ «красною» смертію. Но «душила» не является тутъ чѣмъ-то особенно существеннымъ; нуженъ вообще другой человѣкъ, такъ какъ если рѣшившійся умереть самъ «полѣзетъ въ петлю», самъ задавится, то онъ будетъ «черту баранъ, готовъ—ободранъ».

Красная подушка явилась тутъ скорѣе всего по простому созвучію съ «*красною*» смертію. Задушить человѣка удобнѣе всего именно при помощи подушки.

Д. Зеленинъ.

Digitized by Google

Дѣтскія игры Московской губерніи Бронницкаго уѣзда въ с. Быковѣ.

(Изъ записной книжки).

1. „*Въ круги*".

Дѣти становятся въ кругъ, держась за руки, и ходятъ вокругъ стоящаго посреди, у котораго глаза плотно закрыты. При этомъ поютъ:

«Отгадай, чей голосокъ,
Становися во кружокъ
И скорѣй кого-нибудь
Своей палочкой коснись,
Отвѣчай поскорѣй,
Отгадать поторопись.»

Вслѣдъ за этимъ останавливаются, а стоящій посреди съ закрытыми глазами ощупываетъ у всѣхъ головы. Тотъ, кого онъ вѣрно назоветъ по имени, долженъ итти въ кругъ.

2. „*Въ ключи*".

Въ этой игрѣ могутъ принимать участіе только пять человѣкъ. Четверо садятся по угламъ гумна, а пятый становится посрединѣ. Стоящій посреди подходитъ къ одному изъ сидящихъ на углу и спрашиваетъ: «Дяденька (или тетенька), у тебя ключи?» Тотъ отвѣчаетъ, указывая на сосѣда: «У дяденьки поищи.» Такъ онъ обходитъ всѣхъ четверыхъ. Послѣдній отвѣчаетъ: «Посрединѣ поищи.» Ищущій ключи отходитъ въ средину гумна. Въ это время остальные вскакиваютъ и мѣняются мѣстами. Стоящій посрединѣ, перевернувшись на одной ногѣ, старается занять чье-нибудь мѣсто. Оставшійся безъ мѣста идетъ искать ключи.

3. „*Перепрыгушки*".

Двое дѣтей садятся на землю другъ противъ друга такъ, что ихъ ноги касаются подошвами. Остальныя дѣти перепрыгиваютъ черезъ ихъ ноги. Потомъ, сидящіе на землѣ ставятъ одну ногу на другую, а прочіе перепрыгиваютъ черезъ нихъ. Затѣмъ поочередно ставятъ на вторую ногу сначала одну руку, затѣмъ же и другую, а остальные перепрыгиваютъ. Наконецъ, сидящіе на землѣ становятся на четвереньки спиной другъ къ другу, остальные перепрыгиваютъ черезъ нихъ.

В. Харузина.

Новыя пѣсни—частушки.

(По поводу войны).

Какъ только была объявлена война Россіи съ Японіей, деревенская молодежь почувствовала сильный патріотизмъ. У многихъ парней явилось желаніе итти добровольцами; запасные съ нетерпѣніемъ стали

Digitized by Google

ждать набора; и тѣ и другіе внимательно принялись слѣдить за дальнѣйшими дѣйствіями войны, пользуясь скудными извѣстіями. Но какъ ни дорого для деревенской молодежи отечество, какъ ни велики ея порывы защищать родину, все жъ она не можетъ легко порвать любовныя чувства съ *милашкой*.

Мнѣ удалось записать (въ с. Новомъ, Клинскаго уѣзда, Московской губ.) шесть новыхъ пѣсенъ, сложившихся исключительно подъ вліяніемъ военныхъ дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ. Пѣсни эти уже распѣвались по селу на масленицѣ.

1. Вотъ что спѣлъ парень подъ первымъ впечатлѣніемъ, когда узналъ, что объявлена война;

Ты, милашечка моя,
Пыдымается война;
На войну меня угонять—
Ты останешься одна.

2. Другой, очевидно, уже собравшійся на войну и не надѣявшійся оттуда вернуться, поетъ:

Ты, милашечка—цвѣтокъ,
Я уѣду па Востокъ;
На Востокѣ-то война,
Можетъ быть, убьютъ меня.

3. Наоборотъ, третій ободряетъ свою *милую*, что, когда онъ вернется съ войны, они *заживутъ* вмѣстѣ:

Не тужи, моя милашка,
Я вернуся съ «похвалой»,
Заслужу я крестъ Георгій,
Заживемъ тогда съ тобой.

4. Дѣвица, опечаленная уходомъ на войну своего *цвѣтка*, поетъ:

Цвѣтокъ уѣхалъ на войну,
Скоро не вернется;
Всѣ подружки веселятся,
А мнѣ плакать хотца.

5. Другая проситъ дать съ войны *вѣсточку*:

Вспомни, милый, обо мнѣ,
Когда будешь на войнѣ.
Вспомни, милый не забудь,
Пришли записку съ кѣмъ-нибудь.

6. Въ слѣдующей пѣснѣ высказывается одиночество дѣвушекъ, которымъ, какъ видно, *обидно* гулять однѣмъ въ селѣ.

Въ селѣ видно, въ селѣ видно,
Гулять дѣвушкамъ обидно—
Кавалеры на войнѣ,
Гуляйте, дѣвушки, однѣ.

В. Степановъ.

С. Новое
февраля 20, 1904 г.

Digitized by Google

„Причётки", записанныя въ г. Веневѣ, Тульской губерніи.

(Изъ записной книжки).

Вздыхая приговариваютъ:

1. Охъ, мой Богъ,
Прими мой вздохъ,
Укроти мое страданье
И исполнь мое желанье.
2. Господи, Господи,
Убей того до смерти,
У кого мужъ хорошъ
И денегъ тьма,
Авось останется,
Мнѣ достанется.
3. Эхма!
Кабы денегъ тьма,
Купилъ бы овинъ,
Да жилъ бы одинъ,
Послалъ бы соломы
И валялся какъ свинья.

При икотѣ приговариваютъ:

4. Икается—
Куда дѣвается?
Кабы икалося
Да въ карманъ бы клалося.

Когда чихнетъ кто-нибудь, ему говорятъ:

5. Салфетъ вашей милости,
Красота вашей чести,
Цвѣта цнѣтущіе,
Во здравіе растущіе.

В. Харузина.

Печерскіе эсты.

(Сетукезы).

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» (1904 г., № 127) былъ помѣщенъ въ фельетонѣ очеркъ, безъ подписи автора, излагающій свѣдѣнія о печерскихъ эстахъ (сетукезахъ). Ихъ съ 80-хъ годовъ сталъ изучать пасторъ Я. Гуртъ, знающій ихъ языкъ. Лѣтомъ 1903 года

Digitized by Google

г. Гуртъ при содѣйствіи Рус. Географическаго Общества пополнилъ свои наблюденія и изслѣдованія надъ печерскими эстами и сдѣлалъ докладъ о нихъ въ отдѣленіи этнографіи общества. У г. Гурта собрана порядочная коллекція рисунковъ и снимковъ.

Приводимъ изъ разсматриваемаго очерка наиболѣе существенныя данныя объ изученномъ г. Гуртомъ племени.

Печерскіе эсты живутъ на нашей прибалтійской окраинѣ, въ 8 часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Петербурга, среди русскаго населенія. Этотъ народецъ сохранилъ до нашихъ дней весьма древнія особенности своего быта и языка; едва ли не съ первыхъ вѣковъ христіанства въ Россіи онъ исповѣдуетъ православную вѣру и являетъ рѣдкій примѣръ сохранившейся народной первобытности и обособленности. Это — заброшенная въ приозерную псковскую мѣстность вѣтвь эстонскаго племени. Псковскихъ, или, вѣрнѣе печерскихъ (заштатный городъ Печеры, Petseriwald) эстовъ, называютъ, въ отличіе отъ лифляндскихъ,—сетукезами (setukesed).

Печерскіе эсты занимаютъ сѣверо-западную часть Псковскаго уѣзда; съ запада ихъ отдѣляютъ отъ Лифляндіи рр. Меды и Пимжа. Мѣстность, заселенная этими эстами, окружена чисторусскими деревнями и прорѣзана псково-рижскою желѣзною дорогою. Печерскую Эстонію составляютъ четыре волости: Слободская, Паниковская, Изборская и Печерская, центральная между ними.

Печерскихъ эстовъ, по послѣдней переписи 1897 г., исчислено всего 16.571 чел. обоего пола (м. 8.158 и ж. 8.413). Ихъ современный бытъ даетъ богатый матеріалъ для этнографіи и археологіи. Наблюдаемыя въ современномъ печерскомъ эстѣ черты быта поразительно напоминаютъ бытъ древняго финна и особенно финки, между прочимъ, въ покроѣ ея красивой одежды, а также въ выборѣ и сочетаніи цвѣтовъ въ ней: основныя черты древняго облика тѣхъ и другихъ однѣ и тѣ же.

Сохраненіе печерскими эстами многаго изъ первобытной эпохи тѣмъ болѣе замѣчательно, что ихъ ближайшіе сосѣди и единоплеменники, лифляндскіе эсты, находятся на болѣе высокой степени культурнаго развитія, да и сами печерскіе эсты живутъ не въ отрѣзанной отъ общенародныхъ сношеній мѣстности. Напротивъ, они разселены въ краѣ, богатомъ историческимъ прошлымъ. На западѣ лежитъ перенесшая измѣнчивую свою судьбу Лифляндія, на востокѣ печерскихъ эстовъ окружаютъ города Изборскъ и игравшій такую видную роль въ древне-русской исторіи Псковъ. Наконецъ, черезъ землю этихъ эстовъ всегда проходили большія дороги.

Гдѣ же искать объясненія столь рѣзкой первобытной обособленности псковскихъ инородцевъ? Г. Гуртъ находитъ его «въ своеобразномъ взаимодѣйствіи національности и вѣроисповѣданія». «Своеобразное взаимодѣйствіе» сводится къ тому, что печерскіе эсты были поставлены въ особыя историческія условія, среди которыхъ протекала ихъ многовѣковая жизнь на *русской* землѣ. Что касается «національной» стороны, то,

Digitized by Google

будучи восточною вѣтвью верро-эстонскаго племени, печерскіе эсты еще въ орденскій періодъ отдѣлились отъ своихъ единоплеменниковъ и тогда какъ эти родичи ихъ послѣдовательно были подчинены владычеству нѣмецко-польскому и шведскому, печерскіе эсты принадлежали только одной Россіи и, по соединеніи въ XVIII в. этихъ обѣихъ вѣтвей подъ властью Россіи, между ними продолжало существовать лишь чисто-административное раздѣленіе, такъ какъ они числились по разнымъ губерніямъ. Этнографическаго разобщенія между этими эстами никогда не было, почему ихъ общій племенной и язычный типъ могъ сохраниться, и только вліяніе языка русскаго естественно отразилось— хотя и не въ значительной, степени — на особенностяхъ говора и запаса словъ языка печерскихъ эстовъ, но говоръ ихъ все-таки никакъ нельзя назвать особымъ нарѣчіемъ эстонскаго языка

Различіе говора обѣихъ, хотя и находившихся въ безпрерывныхъ сношеніяхъ, народностей было причиною рѣзкаго обособленія печерскихъ эстовъ отъ русской народности. Повидимому, до сихъ поръ непредъявлялось ни съ той, ни съ другой стороны никакихъ серьезныхъ усилій ослабить племенное разобщеніе. Въ настоящее время между печерскими эстами,— какъ утверждаетъ г. Гуртъ, на государственномъ языкѣ коскакъ говорятъ лишь немногіе изъ мужчинъ; женщины же и дѣти не знаютъ этого языка. Домашній языкъ у нихъ эстонскій. Браки между печерскими эстами и русскими очень рѣдки. Напримѣръ, въ печерскомъ приходѣ (3 тыс. чел.) за послѣднее 25-лѣтіе было только два смѣшанныхъ брака. Это и естественно при существованіи взаимнаго нерасположенія между сказанными народностями. Русскіе считаютъ печерскихъ эстовъ людьми низшей расы, а послѣднимъ не нравятся въ русскомъ человѣкѣ его характеръ и одежда, на которую эстонка ни за что не перемѣнитъ своей національной. «Святая Дѣва Марія носила такую же одежду,—твердитъ эстонка,—и было бы грѣшно замѣнить ее другой».

Кромѣ народныхъ праздниковъ, обособленность печерскихъ эстовъ поддерживаютъ еще два обстоятельства: близкое сосѣдство ихъ съ лифляндскою Эстоніею и общепризнанная черта ихъ народнаго характера— упрямство. Несмотря на то, что лифляндскіе эсты ставятъ своего некультурнаго сородича еще ниже, чѣмъ это выказываютъ мѣстные русскіе, и относятся къ нему не особенно дружелюбно, однако сравнительно высшая культура лифляндскаго эста, въ особенности въ области сельскаго хозяйства, имѣетъ значительное вліяніе на печерскаго эста, и доступъ этому вліянію облегчаетъ тожество народныхъ началъ у этихъ обѣихъ отраслей одного племени. При многихъ хорошихъ качествахъ характера печерскаго эста, онъ отличается упрямствомъ, которое выразилось въ твердости, силѣ и выдержкѣ его народнаго типа.

Печерскіе эсты ревностно преданы православной вѣрѣ, строго соблюдаютъ посты и добросовѣстно выполняютъ предписанія святой церкви.

Печерскій эстъ хранитъ преданья глубокой старины въ великомъ множествѣ пѣсенъ, сказокъ и пословицъ. Онъ весь погруженъ въ этотъ чудесный для него міръ. Эсты высоко цѣнятъ свое пѣсенное сокровище

Digitized by Google

и заботливо передаютъ его отъ поколѣнія къ поколѣнію преимущественно черезъ посредство женщинъ. Умѣніе женщины и дѣвицы пѣть пѣсни признается большимъ ея достоинствомъ, составляетъ лучшую ея славу. Знаніе невѣстою возможно большаго числа пѣсенъ считается драгоцѣннымъ приданымъ. Народная пѣсня такъ проникаетъ всю жизнь печерскихъ эстовъ и вноситъ столько жизнерадостнаго, что, по ихъ выраженію, безъ пѣсни ни одна дѣвица не смѣетъ выйти изъ дому. Нѣкоторое понятіе о пѣсенномъ богатствѣ печерскихъ эстовъ даетъ слѣдующій фактъ: г. Гуртъ записалъ лишь въ двухъ деревняхъ и только отъ двухъ пѣвицъ—отъ Оде—20.720 строкъ пѣсенъ и отъ Иро—10.800, всего 31.520 строкъ и стиховъ. Пѣсни бываютъ: 1) древніе поэтическіе разсказы (иногда назидательнаго характера), пѣсни сказачнаго, легендарнаго и миѳическаго содержанія; послѣднія не всегда понятны даже для самихъ эстовъ; сравнительное ихъ изученіе, конечно, освѣтитъ значеніе этого пѣсеннаго матеріала; 2) очередныя или порядковыя которыя поются при разныхъ, повторяющихся постоянно и послѣдовательно, случаяхъ жизни, какъ свадебныя, похоронныя, всѣ пѣсни праздничныя, пѣсни, сопровождающія полевыя работы эстовъ, пѣсни игровыя и дѣтскія; 3) импровизаціи, возникающія по мимолетному вдохновенію, случайно и скоро забываемыя.

Говоря объ эстонскихъ эпическихъ пѣсняхъ, надо имѣть въ виду, что ихъ собственно не поютъ, а ритмично и мелодично пересказываютъ обыкновенно женщины. Самый пересказъ происходитъ такъ: знающая пѣвица запѣваетъ одинъ стихъ, на послѣдней его стопѣ подхватываетъ хоръ, повторяющій стихъ еще два раза подъ-рядъ первыя двѣ стопы. Такимъ образомъ, сущность пѣсни составляетъ ея содержаніе, самый текстъ, а не способъ ея воспроизведенія, которое, впрочемъ, бываетъ различно, смотря по содержанію пѣсни. Бывшій профессоръ юрьевскаго университета д-ръ Арт. Эттингенъ, изучавшій мелодіи древнихъ эстонскихъ пѣсенъ въ Лифляндіи и Эстляндіи, пришелъ къ заключенію, что имъ, по своеобразности и первобытности мелодіи, въ системѣ современной музыки нѣтъ никакого мѣста. Такой выводъ приложимъ и къ пѣснямъ печерскихъ эстовъ. Изъ музыкальныхъ инструментовъ у нихъ употребительны: дудка, ивовая и сосновая флейта, свирѣль, рожокъ, арфа, скрипка и, наконецъ, гармонія. Изъ этихъ инструментовъ наиболѣе любимый эстами—арфа; въ народныхъ пѣсняхъ она зовется «прекраснымъ инструментомъ Іисуса», и ее признаютъ священнымъ изобрѣтеніемъ Самого Создателя. Арфа дѣлается преимущественно изъ почитаемаго за священное дерево можжевельника, и на ней, по народному воззрѣнію, можно играть лишь въ священные дни великаго поста, когда неумѣстно пѣніе игровыхъ пѣсенъ.

Физическій типъ печерскаго эста въ общемъ отличенъ отъ типа окружающаго его сосѣда—русскаго человѣка. Эстъ средняго роста, большею частью бѣлокурый, почему эстонскія пѣсни дѣвушку называютъ «бѣлокурою пташкою». Женщины носятъ красивую и богато убранную серебряными привѣсками одежду. Будничная одежда ихъ состоитъ изъ

Digitized by Google

бѣлой льняной рубашки, рукава которой украшены вышивками, далѣе изъ тѣльнаго безрукавнаго длиннаго кафтана (въ особенно торжественныхъ случаяхъ суконнаго) съ красною каймою. При праздничномъ нарядѣ женщины покрываютъ шею разными украшеніями—серебряными цѣпочками (съ прикрѣпленными къ нимъ серебряными крестиками и монетами) и рядами стеклянныхъ бусъ. Очень характеренъ на женщинахъ помѣщаемый посреди груди и иногда покрывающій почти всю грудь круглый серебряный щитъ. Случается, у богатыхъ, женщинъ на грудныхъ украшеніяхъ 6—7 ф. серебра, и они оцѣниваются до 300 р. Праздничный головной уборъ дѣвушки представляетъ жестяной или картонный обручъ съ намотанными на немъ разноцвѣтными шелковыми лентами, спускающимися вдоль спины. Женщины носятъ дома на головѣ отличающій ихъ отъ дѣвицъ бѣлый льняной платокъ, который на затылкѣ завязывается особою повязкою и концы котораго, украшенные вышивками, спускаются внизъ. При выходѣ изъ дому женщины поверхъ надѣваютъ обыкновенный бѣлый платокъ съ разукрашенными краями. Передникъ у нихъ чаще всего краснаго цвѣта. Вообще у эстонокъ преобладающій цвѣтъ верхней одежды — бѣлый, отъ чего рядъ стоящихъ въ толпѣ женщинъ представляется стаей бѣлыхъ лебедей. Лѣтняя верхняя женская одежда полушерстяная съ красными каймами и красивыми тесьмами. Въ зимнее время женщины надѣваютъ бѣлый овечій тулупъ и иногда поверхъ его еще особый бѣлый кафтанъ.

Особенность мужской одежды печерскихъ эстовъ, сравнительно съ одеждою тамошнихъ русскихъ поселянъ, бѣловато-сѣрый короткій кафтанъ съ двумя рядами черныхъ костяныхъ пуговицъ и довольно широкимъ, иногда чернаго цвѣта, отложнымъ воротникомъ. Въ холодную погоду поверхъ короткаго кафтана надѣвается такой же длинный кафтанъ, повязываемый широкимъ поясомъ. Зимою подъ длиннымъ кафтаномъ носится овечья шуба. Обувь составляютъ кожаныя сандаліи и сапоги. Лапти встрѣчаются рѣдко, и то у пастуховъ или бѣдныхъ поселянъ.

Печерскіе эсты живутъ маленькими деревнями, состоящими изъ 3—5 дворовъ. Какъ деревни, такъ и отдѣльные дворы располагаются безъ соблюденія какого-либо опредѣленнаго порядка, по личнымъ удобствамъ каждаго домохозяина и качеству обрабатываемой имъ земли, но по возможности въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ сосѣда. Въ характерѣ построекъ и расположенія ихъ здѣшніе эсты подражаютъ своимъ лифляндскимъ соплеменникамъ, и отличительная черта сельскаго строительства у печерскихъ эстовъ это—раскинутость всѣхъ построекъ на значительномъ разстояніи одна отъ другой.

Внутренняя обстановка жилищъ ничѣмъ особеннымъ не отличается отъ русской крестьянской избы. Бревна въ стѣнахъ гладко обтесываются; окна шестистекольныя и нерѣдко съ наружной стороны украшаются рѣзьбою въ русскомъ стилѣ. Они дѣлаются только въ задней и въ одной изъ боковыхъ стѣнъ. Къ безоконной стѣнѣ пристраивается чуланъ; подъ жильемъ зачастую имѣется погребъ. Во дворѣ распола-

Digitized by Google

гаются хозяйственныя постройки, которыя большею частью покрываются соломою. Рига и баня ставятся въ сторонѣ.

Занятіе печерскихъ эстовъ главнымъ образомъ—хлѣбопашество. Въ ихъ народныхъ пѣсняхъ оно восхваляется на всѣ лады. Значительнымъ подспорьемъ въ хозяйственномъ быту могло бы служить рыболовство въ Псковскомъ озерѣ (ловля снѣтковъ), но эсты издавна сторонятся отъ этого промысла, и эстонскія пѣсни изображаютъ его опаснымъ дѣломъ. На водѣ—поется, между прочимъ, въ нихъ—не только рыбакъ ловитъ рыбу, но и рыба ловитъ человѣка. Здѣшній эстъ убѣжденъ, что рыбакъ, уходя на промыселъ, долженъ запасаться погребальною одеждою, и его провожаютъ съ плачемъ, тогда какъ полевой работникъ уходитъ на пашню при веселой пѣснѣ домашнихъ. Охота и пчеловодство годъ отъ году сокращаются. Нѣкоторую статью дохода у печерскихъ эстовъ (въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ) составляетъ торговля древеснымъ дегтемъ и глиняной посудою; кромѣ того, они торгуютъ рыбою, которую перепродаютъ въ прибалтійскія губерніи, скупая въ нихъ, въ свою очередь, тряпье (для бумажныхъ фабрикъ) и старыхъ лошадей (кожи и кости). Былая торговля лубомъ отошла въ область преданій вмѣстѣ съ исчезающимъ у крестьянъ обычаемъ носить лапти. Кустарные промыслы эстовъ ограничиваются потребностями домашняго быта. Пользуются нѣкоторой извѣстностью очень красивыя ткацкія издѣлія эстонокъ.

Семейная жизнь печерскихъ эстовъ представляется наблюдателю съ чертами патріархальными. Отцу, какъ главѣ семьи, повинуются всѣ члены ея. Дѣти заботятся о своихъ родителяхъ въ ихъ старости. Браки чаще всего заключаются ранніе. Выборъ невѣсты или жениха опредѣляютъ большею часть родительская воля и хозяйственныя соображенія. Съ удивительнымъ терпѣніемъ примиряется жена и съ тѣмъ положеніемъ, когда судьба посылаетъ ей мужа не по сердцу: «такъ опредѣлено мнѣ Создателемъ»,—обыкновенно утѣшаетъ себя молодая эстонка. Супружеской вѣрности придается высокое значеніе. Но, по грубости нравовъ и вслѣдствіе нетрезвой жизни, иногда примѣчаемой между эстами, бываютъ случаи грубаго обращенія мужей съ женами, о чемъ въ грустныхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ свидѣтельствуютъ многія изъ народныхъ эстонскихъ пѣсенъ. Взаимныя отношенія между деревенскою молодежью обоихъ половъ, по наблюденіямъ г. Гурта, становятся все свободнѣе. У дѣвушекъ существуетъ обычай собираться въ мясоѣдъ въ домъ одной изъ нихъ, по очереди («расквартированіе»), на время до одной недѣли, чтобы совмѣстно работать по разнымъ рукодѣльямъ при громкихъ звукахъ неумолкаемой пѣсни. На эти вечеринки иногда заходятъ парни и принимаютъ участіе въ играхъ, причемъ высматриваютъ себѣ невѣстъ. Смотрины собственно и составляютъ главную цѣль дѣвичьихъ сходокъ.

Печерскіе эсты большіе охотники справлять празднества, пріурочиваемыя къ разнымъ обстоятельствамъ сельскаго быта. На праздникахъ веселятся (особенно молодежь) много, проводя время въ играхъ, пляскѣ и пѣніи пѣсенъ. Праздники бываютъ: церковные, празднуемые вмѣстѣ съ русскими православными, чисто-народные и семейные. На народныхъ

Digitized by Google

праздникахъ потребляется не мало вина, безъ котораго, впрочемъ, не обходится ни одно собраніе крестьянъ. До послѣдней питейной реформы, когда въ Лифляндіи вино было дешевле, празднующіе собирались повеселиться въ лифляндскихъ корчмахъ. Теперь эсты веселятся у себя на открытыхъ мѣстахъ вблизи деревень или на лѣсныхъ полянахъ. Семейные праздники (свадьбы, крестины, именины, похороны) носятъ на себѣ, по сложности обрядовой стороны, своеобразный отпечатокъ глубокой старины. Главное содержаніе этихъ празднествъ составляютъ пѣсни; особенно многочисленны пѣсни свадебныя и похоронныя (жалобныя). Послѣднія, сообразно возрасту, степени родства, роду смерти, покойника, весьма различны. При этомъ, въ нихъ совсѣмъ отсутствуетъ элементъ христіанскій.

Нравственный обликъ печерскихъ эстовъ г. Гуртъ изображаетъ какъ людей дѣтски-наивныхъ, веселаго нрава, любящихъ шутки и прибаутки, незлопамятныхъ, миролюбивыхъ, привѣтливыхъ и гостепріимныхъ. Изъ отрицательныхъ сторонъ ихъ жизни нельзя умолчать о нечистоплотности, которая служитъ причиною появленія среди этой группы населенія разныхъ накожныхъ болѣзней, о неряшествѣ выраженій, о той безсердечности, какая часто проявляется ими въ обращеніи со скупаемыми ими на разныхъ базарахъ старыми лошадьми во время перегоновъ съ мѣста на мѣсто. Замѣчается между печерскими эстами также сутяжничество. Къ народному бѣдствію – нетрезвости, въ послѣднее время стало присоединяться новое—потребленіе эфира. Хотя частная собственность у печерскихъ эстовъ считается вообще неприкосновенною, но на нихъ, какъ пограничныхъ въ губерніи жителей, иногда падаетъ подозрѣніе въ томъ, что они, будто бы, играютъ дѣятельную роль посредниковъ въ передачѣ пропадающихъ лошадей.

Digitized by Google

Критика и библіографія.

Hertz, Fr. Moderne Kassentheorien. Kritische Essays. Wien, Stern, 1904. 354 стр.

Книга Герца составлена изъ ряда статей, печатавшихся въ различныхъ изданіяхъ: Politischanthropologische Revue, Wissen f. Alle, Revue de synthèse historique, Socialistische Monatshefte и проч., и представляетъ горячую, иногда язвительную критику на опредѣленное направленіе нѣкоторыхъ историковъ и соціологовъ. «Подъ выраженіемъ «Rassentheorien», пишетъ Герцъ (стр. 280), мы разумѣемъ не всякій выраженный по отношенію къ расѣ взглядъ, но только тѣ взгляды, которые считаютъ расу главнымъ факторомъ историческаго развитія, и это послѣднее объясняетъ противоположностью отдѣльныхъ видовъ человѣчества». Въ господствующихъ теоріяхъ о расахъ различаются четыре направленія: «лингвистическое, исходящее изъ родства языка и культуры и заключающее отсюда о родствѣ антропологическомъ; антропологическое, стремящееся на основаніи физическихъ признаковъ возстановить среди современнаго намъ смѣшенія расъ первобытные расы-типы; біологическое, занимающееся преимущественно вопросомъ объ естественномъ подборѣ, вліяніи его на расу, которой придаетъ здѣсь самый общій смыслъ, и соціологическое, опредѣляющее расу, какъ соціологическое образованіе, и изучающее борьбу расъ и ея соціологическое значеніе». Критикуя различныхъ авторовъ, освѣщавшихъ свои историческія и соціологическія сочиненія ученіемъ о расахъ, какъ о чемъ-то налагающемъ рѣзкій отпечатокъ на ходъ событій, на устройство быта и государствъ, Герцъ отстаиваетъ вліяніе «среды», географическихъ, соціальныхъ, антропологическихъ и біологическихъ факторовъ, настаивая на трудности, сознанною наукой, установить точно типичныя черты отдѣльныхъ расъ при томъ смѣшеніи, которымъ онѣ подвергались съ незапамятныхъ временъ. Съ особенной силой и ѣдкостью обрушивается онъ на книгу H. S. Chamberlain, Die Grundlagen des XIX Jahrh. 2 Bd. 5 Auf. München, 1901, въ которой авторъ является превозносителемъ «благородной» германской расы и хулителемъ «расы» семитской. Книга эта нашла интересное распространеніе въ различныхъ кругахъ Германіи и пользовалась поддержкою со стороны имп. Вильгельма. Разбивая положенія Чэмберлэна, судя по приведеннымъ цитатамъ, дѣйствительно ничего общаго съ наукой не имѣющія, Герцъ даетъ очеркъ «религіозной жизни арійцевъ и семитовъ» (стр. 108—183)

Digitized by Google

и «цивилизаціи у арійцевъ и семитовъ» (стр 184—211) Первый очеркъ онъ заканчиваетъ слѣдующими положеніями: 1) начала религіозныхъ представленій одинаковы у народовъ всѣхъ расъ. 2) Расы, находящіеся въ близкомъ родствѣ, напр., индусы и иранцы, подъ вліяніемъ противоположныхъ обстоятельствъ представляютъ примѣръ разнороднаго религіознаго развитія. 3) Наоборотъ, народы, принадлежащіе къ неродственнымъ расамъ, при однородномъ политическомъ и соціальномъ устройствѣ представляютъ примѣръ и однороднаго религіознаго развитія. 4) Раса ни въ одномъ направленіи не ставитъ преградъ религіозному развитію. Книга Герца служитъ доказательствомъ, какъ настоятельно необходимымъ оказывается для правильнаго рѣшенія многихъ вопросовъ знакомство съ собраннымъ этнографіей матеріаломъ и съ ея выводами. Поражая противника, Герцъ не только является вооруженнымъ историческимъ знаніемъ, но пользуется, какъ орудіемъ, и фактами этнографіи.

В. Х—на.

Morris Jastrow. Die Religion Babyloniens und Assyriens. Lieferungen 1. 2. 3. 4. 5. 6. Giessen. J. Ricker'sche Verlagsbuchhandlung.

Первый выпускъ на нѣмецкомъ языкѣ вышеназванной работы профессора Пенсильванскаго Университета появился въ 1902 году, шестой—въ 1904 году.

Серьезныя знанія автора, тщательная обработка обширнаго матеріала дѣлаютъ его трудъ цѣннымъ вкладомъ въ литературу исторіи религій. Указавъ на источники и методъ своего изслѣдованія, авторъ даетъ очеркъ страны и народа, о религіи котораго онъ пишетъ; затѣмъ переходитъ къ описанію боговъ древнѣйшаго Пантеона, т.-е. до времени Гаммураби (за 2300 л. д. Р. Х.), и боговъ, почитавшихся при этомъ правителѣ и въ послѣдующіе за нимъ періоды. Отъ описанія боговъ авторъ обращается къ религіозной литературѣ Вавилона и подробно останавливается на заклинаньяхъ (Zaubertexte), которыя въ огромномъ количествѣ находились въ обращеніи среди народа Вавилоніи и Ассиріи и находились въ связи съ разнообразными обрядами. Въ этихъ заклинаньяхъ отражаются народныя воззрѣнія, его взглядъ на соотношенія силъ окружающаго міра, его вѣрованіе въ эти силы. Приписывая всякія болѣзни, неудачи и несчастья вліянію злыхъ духовъ, народы Вавилоніи и Ассиріи ограждались отъ нихъ заклинаніями, переходящими въ молитву о помощи къ святымъ богамъ.—Не только демоновъ боялся народъ Ассиріи и Вавилоніи и отъ нихъ ждалъ бѣды, онъ опасался и тѣхъ людей, которые, имѣя общеніе съ злымъ духомъ, могли причинить вредъ дѣйствіемъ, словомъ, взглядомъ, и отъ нихъ приходилось защищаться заклинаніемъ. Каковы были эти опасные люди, прекрасно и живо рисуетъ намъ начало одного заклинанія:

Digitized by Google

Колдунья, которая бродитъ по улицамъ
Входитъ въ дома, крадется по переулкамъ,
Переходитъ площади, оглядывается туда и сюда,
Останавливается на дорогѣ и обращается назадъ,
Отнимаетъ у благочестиваго силу,
Колдунья увидала меня и пошла за мной,
Ядомъ своимъ остановила она шаги,
Волшебствомъ своимъ загородила дорогу.
(5 L. 308).

Созданныя народнымъ творчествомъ заклинанія были приведены священниками въ нѣкоторую систему, записаны и сохранялись при храмахъ. Подробно и обстоятельно изложивъ заклинанія, снабдивъ ихъ необходимыми поясненіями и указавъ на ихъ связь съ нѣкоторыми миѳами и легендами (5 L. стр. 364), авторъ приступаетъ къ изложенію молитвъ и гимновъ, которые живо рисуютъ намъ религіозныя воззрѣнія народовъ Ассиріи и Вавилоніи и знакомятъ насъ съ особенностями ихъ поэтическаго творчества. 6-ой выпускъ и посвященъ молитвамъ и гимнамъ. Въ слѣдующихъ выпускахъ предполагается помѣстить миѳы и легенды (переводы вновь найденныхъ памятниковъ древней ассиро-вавилонской литературы) и переводъ такихъ текстовъ, изъ которыхъ видны ассиро-вавилонскія воззрѣнія на жизнь и смерть. Свѣдѣніями о храмахъ и культѣ и общими замѣчаніями закончится интересный и содержательный трудъ проф. M. Jastrow'a. При немъ будетъ находиться подробная библіографія предмета.

Ввиду все болѣе и болѣе развивающагося интереса въ обществѣ къ народамъ далекой древности трудъ поименованнаго профессора является своевременнымъ и вполнѣ отвѣчающимъ научнымъ требованіямъ.

Е. Е.

Günther. S. dr. Ziele, Richtpunkte und Methoden der modernen Völkerkunde. Stuttgart, Enke. 1904. 52 стр.

Мюнхенскій профессоръ Гюнтеръ издалъ въ видѣ отдѣльной брошюры рѣчь, сказанную имъ на торжественномъ засѣданіи Естественно-историческаго Общ. въ Крефельдѣ (Naturwissenschaftliche Ges. zu Krefeld). Хотя она и является здѣсь въ нѣсколько распространенномъ видѣ, въ ней, естественно, нельзя искать желательной для предмета полноты изложенія. Остановившись коротко на исторіи науки этнографіи и на главныхъ ея представителяхъ, Гюнтеръ переходитъ къ изложенію главныхъ ея методовъ. «Методика народовѣдѣнія, говоритъ онъ, еще далеко не выработалась окончательно; единства въ ней никогда не будетъ, съ одной стороны, вслѣдствіе природы объектовъ изслѣдованія, съ другой вслѣдствіе индивидуальностей различныхъ изслѣдователей.» Намѣтившіяся, однако, главныя теченія Гюнтеръ, согласно тому, на ка-

Digitized by Google

кую изъ вспомогательныхъ народовѣдѣнію наукъ опирается изслѣдователь, называетъ: 1) антрополого-археологическимъ методомъ, 2) лингвистическимъ, 3) соціолого-психологическимъ и 4) географическимъ. Каждому изъ этихъ методовъ Гюнтеръ отдаетъ должное, указывая на примѣрахъ, какихъ результатовъ они достигли въ постановкѣ отдѣльныхъ вопросовъ. Физической антропологіи мы обязаны различнымъ, болѣе или менѣе удачнымъ классификаціямъ человѣчества, далеко еще не совершеннымъ. Тѣмъ не менѣе, обойтись безъ классификаціи, основанной именно на физическихъ признакахъ, до сихъ поръ еще не удалось. Антропологическій методъ въ этнографіи пролилъ свѣтъ на вопросъ о пигмеяхъ (Pygmäenfrage) Изученіе карликовыхъ народовъ Африки показало, что ихъ общимъ характернымъ признакомъ служитъ не только малый ростъ, но и многія другія особенности какъ физическія, такъ и соціолого-интеллектуальныя. Лингвистическій методъ со своей стороны оказалъ этнографіи не мало услугъ. Одинаковыя географическія условія и условія существованія кладутъ на различные, иногда разноплеменные народы печать поразительнаго сходства въ обычаяхъ и обрядахъ, одеждѣ и пищѣ, даже въ физическихъ признакахъ. Въ данномъ случаѣ правильной классификаціи народовъ неимовѣрно способствуетъ лингвистика. Она же открываетъ намъ иногда совершенно смутные слѣды народныхъ передвиженій. Не только антропологическія, но и лингвистическія изслѣдованія открыли пути передвиженія эскимосскихъ племенъ изъ Азіи по сѣверу Америки до Гренландіи, маори изъ центра Полинезіи на Н. Зеландію, сакальвовъ изъ архипелаговъ Индѣйскаго океана на Мадагаскаръ, карликовыхъ племенъ Африки на югъ материка и пр. Наконецъ, лингвистическія изслѣдованія W. Geiger-а даютъ возможность видѣть въ веддахъ не остатки первобытнаго населенія Цейлона, какъ думали раньше, но отпрыскъ сингалезовъ постепенно деградировавшихъ въ культурѣ. Чтобы доказать плодотворность соціолого-психологическаго метода Гюнтеръ указываетъ на труды Спенсера, Поста, Колера, на изученіе исторіи брака, первобытнаго общества и государства, на возникновеніе научныхъ системъ: сравнительной исторіи религіи и психологіи народовъ. Наиболѣе виднымъ представителемъ географическаго метода является, какъ извѣстно, Фр. Ратцель, который опредѣлилъ его въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Прослѣдить распространеніе извѣстной формы лука или стрѣлы въ одной области или въ цѣломъ материкѣ, ея видоизмѣненія по отдѣльнымъ мѣстностямъ, указывающія, какъ она медленно мѣнялась, удаляясь отъ данной области, повидимому можетъ пролить свѣтъ на... передвиженія народовъ, употреблявшихъ и распространившихъ данное оружіе. Слѣдовательно, географическій методъ сводится къ выборкѣ историческихъ датъ изъ предметовъ, собранныхъ въ нашихъ музеяхъ.» Подъ вліяніемъ Ратцеля, географическій методъ, возникшій очень недавно, получилъ широкое распространеніе особенно въ Германіи. Центромъ дѣятельности его адептовъ стали богатѣйшіе этнографическіе музеи Германіи. Разработка музейнаго матеріала дала уже нѣсколько крупныхъ этнографическихъ работъ. Укажемъ на

Digitized by Google

работу самого Ратцеля о панцыряхъ у индѣйцевъ сѣверо-западнаго побережья Америки и племенъ, населяющихъ Аляску, доказавшую родственную связь между племенами сѣверо-западной Америки и полинезійцами, его же работу: Der afrikanische Bogen. Verh. d. Königl. Sächs. Ges. d. Wissensch. zu Leipzig, 1887 и 1893., работы K. Weule, Der afrikanische Pfeil. Lpz. 1899. H. Schurtz-a, Grundriss einer Philosophie der Tracht, Stuttg. 1891; его же: Das Augenornament, 1895; его же, Grundriss einer Entstehungsgeschichte des Geldes, Weimar, 1898, наконецъ работу нашего соотечественника Б. Ѳ. Адлера: Der nordasiatische Pfeil. Leiden, 1901.

Въ заключеніе замѣтимъ, что Гюнтеръ настаиваетъ на раздѣленіи этнографіи и этнологіи, разумѣя подъ этнографіей описательную отрасль знанія, имѣющую цѣлью собираніе матеріала по физической, духовной и интеллектуальной жизни всѣхъ народовъ земного шара и расположенія его въ системетичной и удобной для обозрѣнія формѣ. Задача же этнологіи сводится къ выведенію изъ собраннаго матеріала общихъ законовъ жизни народовъ. Обѣ системы разнятся и методомъ. Гюнтеръ, на ряду съ Шурцемъ, признаетъ достояніемъ этнологіи методъ дедуктивный, достояніемъ же этнографіи методъ индуктивный.

В. Х-на.

А. М. Дирръ. Грамматика удинскаго языка. Тифлисъ 1903.

Среди разноязычныхъ народцевъ Кавказа Удины представляютъ значительный интересъ въ виду существующаго въ наукѣ мнѣнія, что предки ихъ входили въ составъ народности древней кавказской Албаніи. Въ настоящее время на удинскомъ языкѣ говорятъ только въ двухъ селеніяхъ Елисаветпольской губерніи—Варташенѣ (или Орташенѣ), находящемся въ 35 верстахъ отъ г. Нухи, и въ Нижѣ (Ниджѣ, Нежѣ) въ 40 верстахъ отъ Варташена. Однако населеніе обоихъ этихъ селеній довольно смѣшанное. По словамъ г. Дирра, въ Варташенѣ, напр., встрѣчаются также армяне, татары, персидскіе евреи и нѣсколько лезгинъ. Это разнообразіе населенія сильно затрудняетъ изученіе удинскаго языка. Почти всѣ удины сел. Варташенъ, кромѣ своего материнскаго языка, говорятъ свободно или на татарскомъ, персидскомъ или на армянскомъ языкѣ. Отсюда происходитъ то, что удинскій языкъ весь испещренъ татарскими, армянскими и персидскими словами и оборотами рѣчи. Говоры обоихъ удинскихъ селеній также до извѣстной степени различаются другъ отъ друга. Составитель удинской грамматики изслѣдовалъ въ ней нарѣчіе селенія Варташенъ, не имѣя еще достаточно матеріаловъ, чтобъ дать описаніе говора селенія Ниджъ. Познакомившись съ немногочисленными раньше извѣстными матеріалами по удинскому языку и убѣдившись въ существенныхъ недочетахъ и недостаткахъ трудовъ Эркерта („Die Sprachen des kaukasischen Stammes. Wien". 1895) и акад. Шифнера („Versuch über die Sprache der Uden" 1863 г.), г. Дирръ изучилъ удинскій языкъ на мѣстѣ (въ чемъ нужно видѣть главное преимущество его труда)

Digitized by Google

подъ руководствомъ знатоковъ этого языка гг. Согомоніанца и Мнацаканіанца. Въ книжкѣ г. Дирра мы находимъ обстоятельно составленный очеркъ фонетики, словообразованія и грамматическихъ элементовъ варташенскаго удинскаго нарѣчія, а также нѣсколько научно записанныхъ, грамматически разобранныхъ и снабженныхъ подстрочнымъ переводомъ удинскихъ текстовъ (стр. 84—101). Въ грамматическомъ отдѣлѣ своего труда составитель не придерживается обычнаго распредѣленія матеріала по частямъ рѣчи, но слѣдуетъ нѣсколько иной методѣ, которая, по его мнѣнію, лучше позволяетъ указать и описать характерныя черты языка. «Морфологія большинства, если не всѣхъ кавказскихъ языковъ, говоритъ г. Дирръ (стр. X.), указываетъ намъ серію морфологическихъ элементовъ, легко отдѣлимыхъ отъ элементовъ чисто лексическихъ, т. е. эти языки имѣютъ въ качествѣ грамматическихъ пріемовъ только префиксы, суффиксы и инфиксы; это нарѣчія агглютинирующія (иногда полисинтетическія, какъ грузинскій по отношенію къ глаголу), и, подчеркнувъ эти составительные элементы, можно лучше видѣть ихъ грамматическій механизмъ, чѣмъ изучая эти языки такъ-же, какъ санскритскій, греческій или латинскій. Имѣя цѣлью изученіе кавказскихъ языковъ,—лучше описывать эти языки, чѣмъ писать о нихъ систематическіе своды, и потому слѣдуетъ приняться прежде всего за сравненіе этихъ грамматическихъ этюдовъ по различнымъ идіомамъ, составляющимъ кавказскую семью языковъ, если мы хотимъ разрѣшить вопросъ первой важности, принадлежатъ ли кавказскіе языки дѣйствительно къ одной лингвистической группѣ». Мы не придаемъ большого значенія той или иной системѣ расположенія грамматическаго матеріала, лишь бы изложеніе было достаточно ясно. Въ сущности и отступленія отъ обычнаго въ грамматикѣ г. Дирра не очень значительны. Послѣ фонетики онъ помѣщаетъ словообразованіе, а затѣмъ переходитъ къ грамматическимъ элементамъ — разсмотрѣнію падежныхъ суффиксовъ и употребленію падежей — какъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ, такъ и мѣстоименій. Далѣе слѣдуетъ разсмотрѣніе очень сложнаго спряженія удинскаго языка и перечень главнѣйшихъ частицъ.

Въ общемъ грамматика г. Дирра производитъ впечатлѣніе тщательной и добросовѣстной работы. Приводимые имъ факты, провѣренные неоднократно его сотрудниками-туземцами, внушаютъ полное довѣріе. Отмѣтимъ только встрѣтившіеся намъ при бѣгломъ просмотрѣ отдѣльные случаи, въ которыхъ мы не согласны съ пріемами и объясненіями автора. Такъ, въ главѣ о правописаніи онъ говоритъ, что «придерживаться слишкомъ звукового принципа иногда неудобно, главнымъ образомъ, потому, что звуковой способъ письма часто затемняетъ происхожденіе, этимологію слова» (стр. 9). Поэтому г. Дирръ находитъ болѣе удобнымъ жертвовать фонетической точностью этимологическимъ соображеніямъ въ такихъ, напр., случаяхъ, какъ неопредѣленное наклоненіе съ суффиксомъ-сун. Звукъ *с*, уподобляясь предшествующимъ *ч*, *ш*, переходитъ въ выговорѣ въ *ш*; напр., глаголъ *приносить* звучитъ *ечшун*, но г. Дирръ предпочитаетъ писать *еч-сун*, чтобы яснѣе представить составъ слова. Ду-

Digitized by Google

маемъ, что отступленіе отъ чисто фонетической графики въ данномъ случаѣ не имѣетъ достаточнаго основанія, такъ какъ фонетическіе законы излагаютъ измѣненіе согласныхъ подъ вліяніемъ уподобленія, и никто не затруднится угадать суф. неопред. наклоненія—сун въ формѣ - шун какъ въ данномъ, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Въ главѣ объ образованіи словъ, отмѣчая образованіе словъ чрезъ *составленіе*, г. Дирръ приводитъ только два примѣра: *калбаба дѣдъ*, *калнана бабушка* отъ: *кала большой* и баба *отецъ*, нана *мать* (стр. 10). Оба слова, какъ примѣры *составленія* въ удинскомъ языкѣ неумѣстны, такъ какъ они не чисто удинскія, а заимствованныя изъ татарскаго, какъ, напр., татское однозначущее названіе *дѣда* кälä бабо. На слѣдующей страницѣ г. Дирръ пользуется тѣми же *татарскими* словами *нана* и *баба* какъ примѣрами *первоначальнаго* удвоенія (стр. 11), а въ примѣръ удвоенія слова съ выпаденіемъ извѣстныхъ гласныхъ приводитъ опять *заимствованныя* въ удинскомъ слова: *калкала очень большой* и хурхуру *очень мелкій*. Противъ внесенія татарскихъ суффиксовъ въ перечень удинскихъ ничего нельзя сказать, если эти суффиксы могутъ, какъ живые словообразовательные элементы, служить для образованія словъ отъ *удинскихъ* основъ. [1]) Но оба приведенные г. Дирромъ примѣра: арабачі *аробщикъ* и qафачі *служитель въ кофейнѣ* прямо заимствованные (что онъ и самъ говоритъ) въ готовомъ видѣ, а примѣровъ прикрѣпленія суф.—чі (турецкаго—джі) къ удинскимъ словамъ у г. Дирра не приведено. Если ихъ вообще не существуетъ, то суффиксу—чі нѣтъ мѣста въ удинскомъ словообразованіи, даже съ оговорками, которыми г. Дирръ сопровождаетъ этотъ и другіе тюркскіе суффиксы. Излишнимъ и невѣроятнымъ представляется намъ предположеніе г. Дирра (стр. 11, примѣч.), что тюркскій суф.-*джі* происходитъ, можетъ-быть, отъ аварскаго слова чі *человѣкъ*. При современномъ нашемъ знаніи такія сопоставленія словъ языковъ разнаго морфологическаго типа остаются безплодными.

Ограничиваясь этими немногими замѣчаніями, мы въ заключеніе выражаемъ надежду, что г. Дирръ будетъ съ успѣхомъ продолжать изученіе и изслѣдованіе кавказскихъ языковъ, такъ какъ обладаетъ необходимыми для такой работы данными—хорошей научной подготовкой, тщательностью въ наблюденіи и точностью въ изложеніи фактовъ языка.

Вс. М.

Д. А. Коропчевскій. Первые уроки этнографіи. М. Изд. К. И. Тихомирова 1903 г. Стр. 176. ц. 75 к.

Даже иностранная литература бѣдна популярными учебниками по этнографіи, на русскомъ же языкѣ книга г. Коропчевскаго представляетъ первую попытку дать оригинальный трудъ, который могъ бы ознакомить самые широкіе слои публики съ основами народовѣдѣнія. Это

[1]) Такъ, въ татскомъ языкѣ отъ чисто иранскаго слова *кор* „дѣло“ образуется *корчі* „работникъ“.

Digitized by Google

обстоятельство заставляетъ насъ отнестись съ большимъ вниманіемъ къ разбираемой книгѣ, а имя ея автора, хорошо извѣстнаго въ качествѣ опытнаго популяризатора, предрасполагаетъ заранѣе къ надеждѣ найти въ ней дѣйствительно толковый и общедоступный учебникъ по этнографіи, въ которомъ несомнѣнно существуетъ большая потребность. Къ сожалѣнію, г. Коропчевскій въ данномъ случаѣ обманулъ наши ожиданія и его книга далеко не даетъ того, чего можно было бы отъ нея требовать. У нея есть, конечно, извѣстныя достоинства, написана она популярно и прочтется безъ труда даже читателемъ съ очень небольшой подготовкой, но этимъ почти что и исчерпываются ея положительныя стороны. Недостатки ея гораздо многочисленнѣе и настолько существенны, что позволяютъ сомнѣваться въ пригодности «Первыхъ уроковъ» въ качествѣ элементарнаго руководства даже въ настоящее время, когда учебники по этнографіи у насъ, можно сказать, совсѣмъ отсутствуютъ. Въ виду суровости такого отзыва мы считаемъ долгомъ мотивировать его подробнѣе и начнемъ свой разборъ книги г. Коропчевскаго съ плана, положеннаго въ ея основу.

Какъ извѣстно, большинство руководствъ по этнографіи состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, изъ общей этнографіи, выясняющей значеніе различныхъ факторовъ, опредѣляющихъ жизнь народовъ, а также содержаніе и эволюцію главнѣйшихъ моментовъ народной жизни, техники, вѣрованій, общественности и т. д.,—и изъ частной, посвященной описанію отдѣльныхъ этническихъ группъ. Врядъ ли нужно доказывать, что общая часть имѣетъ очень существенное значеніе, такъ какъ именно она даетъ основныя обобщенія, придающія сырымъ этнографическимъ фактамъ дѣйствительно научное значеніе. Безъ этихъ обобщеній читатель, и особенно мало подготовленный читатель, будетъ имѣть передъ собой груду разрозненныхъ фактовъ, не складывающихся въ одну общую цѣлостную картину; осмыслить самостоятельно эту массу фактовъ, сдѣлать самому изъ нея должные выводы,—эта задача доступна не всякому и конечно она уже требуетъ извѣстной подготовки у читателей. Человѣкъ, способный прочитать внимательно объемистое руководство по этнографіи, въ родѣ напр. книги Ратцеля, быть можетъ, и будетъ въ состояніи произвести до извѣстной степени обобщающую работу надъ предоставленными ему сырыми фактами, но во всякомъ случаѣ и ему окажетъ большую услугу предпосланная въ этой книгѣ описательной этнографіи общая часть. Въ элементарныхъ учебникахъ общая часть имѣетъ тѣмъ большее значеніе, такъ какъ, съ одной стороны, читатель такихъ учебниковъ менѣе подготовленъ для самостоятельной работы, а съ другой, запасъ содержащихся въ краткомъ учебникѣ фактовъ не всегда бываетъ достаточенъ для того, чтобы ихъ можно было обобщать. Правда въ небольшомъ учебникѣ автора всегда сильно стѣсняютъ самые размѣры книги, заставляющіе упускать изъ виду многія даже существенно важныя частности, но основныя обобщенія настолько необходимы, что для нихъ всегда можетъ найтись мѣсто. Это можно утверждать не только въ теоріи, но и на практикѣ, такъ какъ примѣръ «Народовѣдѣнія» Габерланда доказалъ, что

Digitized by Google

даже въ самый краткій учебникъ можно включить общую часть. Эта книжка по размѣрамъ даже меньше книги г. Коропчевскаго, и однако въ ней имѣется общая часть.

Г. Коропчевскій исключилъ изъ своей книги почти цѣликомъ всю общую часть, и единственная обобщающая идея, которую можно найти въ его учебникѣ—это зависимость народной жизни отъ географическихъ условій. Но какое бы значеніе мы ни придавали этой идеѣ, одной ея, несомнѣнно, недостаточно для объясненія всей сложной массы этнографическихъ фактовъ. Она не все объясняетъ и тѣмъ болѣе безсильна помочь установить схемы развитія главнѣйшихъ моментовъ культуры. Читатель книги г. Коропчевскаго не будетъ въ состояніи отвѣтить даже въ самыхъ общихъ чертахъ на вопросы о томъ, какъ развивалась техника, вѣрованія, семья, общество и т. д. и т. д.; не будетъ въ состояніи отвѣтить просто потому, что не найдетъ для этого матеріаловъ въ виду полнаго отсутствія общей части. До извѣстной степени этотъ недостатокъ можно было возмѣстить въ описательной части, если бы авторъ при описаніи различныхъ народовъ постарался рельефнѣе обрисовать главные типы или моменты развитія вѣрованій или общественности и т. д. Еслибъ, напр., онъ ничего не сказалъ въ общей части о развитіи семьи, онъ могъ бы въ описательной части особенно подробно обрисовать семью австралійцевъ, американскихъ индѣйцевъ, африканскихъ кафровъ и т. п., чтобы такимъ образомъ хотя бы не систематически и не послѣдовательно, но все же указать главные моменты въ развитіи семьи. Этого было бы недостаточно для замѣны общей части, но все же читатель познакомился бы хоть нѣсколько съ исторіей семьи. Г. Коропчевскій не сдѣлалъ однако и этого. Какъ это ни странно, напр., но читатель его книги совсѣмъ останется не знакомъ съ такимъ широко распространеннымъ и важнымъ институтомъ, какъ материнское право, не узнаетъ ничего объ анимизмѣ и т. д., т. е. чрезвычайно важные моменты культурнаго развитія остаются въ «Первыхъ урокахъ» не только не объясненными и приведенными въ связь съ родственными имъ явленіями, но просто даже не упомянуто, что они существуютъ. Г. Коропчевскій не только ограничивается одной описательной этнографіей, но и ее понимаетъ слишкомъ узко, сводя почти все къ описанію наружности отдѣльныхъ племенъ, образа жизни, одежды, жилищъ, отчасти техники и т. д.; прочіе элементы культуры у него отодвинуты совсѣмъ на задній планъ.

Что касается до распредѣленія матеріала въ описательной этнографіи, то г. Коропчевскій вполнѣ справедливо отказался отъ обычнаго способа изложенія по расамъ и предпочелъ ему другой планъ «культурно-географическій». Описаніе народовъ по расамъ до сихъ поръ, можетъ быть, представляетъ наиболѣе распространенный способъ изложенія описательной этнографіи, но, въ сущности говоря, никакихъ основаній, кромѣ традиціи, нѣтъ для предпочтенія этого способа другимъ. Всѣ расовыя дѣленія настолько широки, что охватываютъ племена самаго разнообразнаго культурнаго уровня и самаго разнообразнаго образа жизни

Digitized by Google

всѣ эти дѣленія не совпадаютъ съ дѣленіями народовъ по какимъ-нибудь культурнымъ признакамъ, а между тѣмъ послѣдніе и являются наиболѣе важными для этнографа. Конечно не безразличенъ и вопросъ о происхожденіи даннаго племени, но все-таки это только отдѣльный частный вопросъ и при томъ вопросъ, имѣющій для этнографа вспомогательное значеніе. Происхожденіе народа проливаетъ извѣстный свѣтъ на его культурное развитіе и вотъ въ этомъ-то и заключается главное значеніе для этнографа вопроса о принадлежности какого-либо племени къ той или другой расѣ. Самостоятельная задача этнографіи сводится къ рѣшенію вопроса о причинахъ и условіяхъ возникновенія различныхъ культурныхъ формъ, къ выясненію характера ихъ эволюціи и т. п., и для этой цѣли разумѣется наиболѣе подходяща классификація народовъ по культурнымъ признакамъ.

Г. Коропчевскій однако не довольствуется одними культурными признаками и выдвигаетъ на ряду съ ними признаки географическіе. Разумѣется, что поступая такъ, онъ былъ вполнѣ правъ: географическія условія объясняютъ очень многое въ культурѣ данныхъ народовъ, и кромѣ того одинаковыя по внѣшности культурныя формы являются иногда далеко неравноцѣнными по своему внутреннему содержанію при наличности различныхъ географическихъ условій; для сравненія эти формы должны быть, такъ сказать, приведены къ одному знаменателю, т.-е. при сравненіи ихъ должна быть принята во вниманіе географическая обстановка.

Такимъ образомъ, принятая г. Коропчевскимъ система распредѣленія этнографическаго матеріала по культурно-географическимъ группамъ кажется намъ очень удачной, но, къ сожалѣнію, онъ не провелъ достаточно послѣдовательно и обдуманно этого правильнаго принципа. Если мы обратимся къ его книгѣ, то сразу натыкаемся на рѣзкую непослѣдовательность. Эскимосы напр., выдѣлены въ особую самостоятельную группу, за то все остальное населеніе сѣверной и южной Америки свалено въ одну кучу подъ именемъ «рыболовныхъ и охотничьихъ племенъ Америки», и мы совершенно недоумѣваемъ, чѣмъ эта крайне широкая и не опредѣленная группа содержательнѣе расоваго дѣленія «американскія народности». Вѣдь г. Коропчевскій игнорируетъ въ данномъ случаѣ и громадное разнообразіе географическихъ условій жизни въ Америкѣ и не менѣе громадное разнообразіе культурныхъ формъ въ этой же части свѣта. Не странно ли въ самомъ дѣлѣ описывать рядомъ высококультурныхъ древнихъ перуанцевъ и мексиканцевъ, съ одной стороны, и огнеземельцевъ или племена центральной Бразиліи, съ другой. Вѣдь между тѣми и другими пропасть во всякомъ случаѣ бо́льшая, чѣмъ напр., между кочевниками-кафрами и земледѣльцами-неграми, а между тѣмъ послѣдніе у г. Коропчевскаго строго обособлены другъ отъ друга. Тутъ мы наталкиваемся на одинъ изъ источниковъ ошибки автора, онъ слишкомъ считается съ устарѣвшимъ дѣленіемъ народовъ на охотниковъ, скотоводовъ и земледѣльцевъ и, кромѣ того, не вполнѣ правильно классифицируетъ народы даже съ точки зрѣнія этого дѣленія. Охота, ското

Digitized by Google

водство и земледѣліе вотъ почти единственный и во всякомъ случаѣ главный признакъ, съ которымъ онъ считается при распредѣленіи народовъ въ разныя или въ одну и ту же группу, и въ силу этого получаются такія вещи, что кафры отдѣлены отъ негровъ и соединены въ одну группу съ готтентотами, туарегами и арабами, Америка же вся, кромѣ эскимосовъ, вошла въ одну группу.

Правильное проведеніе культурно-географической классификаціи неизбѣжно предполагаетъ довольно значительную дробность дѣленій, что разумѣется представляетъ нѣкоторое неудобство для начальнаго учебника. Но намъ кажется, что это неудобство можно обойти, пожертвовавъ до извѣстной степени полнотою обзора. Дѣйствительно нѣтъ необходимости знакомить сразу со всѣми племенами, населяющими земной шаръ, а достаточно выдѣлить на первое мѣсто большее или меньшее число болѣе важныхъ или болѣе интересныхъ группъ и на нихъ сосредоточить вниманіе учащихся. Г. Коропчевскій, наоборотъ, счелъ нужнымъ охватить въ своемъ обзорѣ какъ можно большее количество народовъ, и потому его учебникъ испещренъ собственными именами, но зато характеристики отдѣльныхъ народовъ и даже крупныхъ группъ мало содержательны и иногда сводятся къ шаблоннымъ фразамъ въ нѣсколько словъ.

Переходя къ частностямъ, мы, къ своему удивленію, наталкиваемся на печальный фактъ, что книга г. Коропчевскаго не свободна отъ ошибокъ, порою довольно грубыхъ. Наиболѣе существенной изъ такихъ ошибокъ представляется намъ изображеніе индѣйцевъ Сѣверной Америки какъ исключительно охотничьихъ племенъ. Такъ, на стр. 55-й мы читаемъ: «Они вели исключительно охотничій образъ жизни и могли назваться самыми типичными охотничьими народами», на стр. 57-й «сѣвероамериканскіе индѣйцы исключительно жили охотой»; на стр. 59-й сказано, что «сѣяли (маисъ) только въ небольшихъ размѣрахъ и у немногихъ племенъ побережья Атлантическаго океана»; на стр. 62-й ирокезы названы» единственными индѣйцами Сѣверной Америки, которые дошли до земледѣлія». Все это невѣрно, и земледѣліе играло въ Сѣверной Америкѣ гораздо болѣе крупную роль, чѣмъ думаетъ г. Коропчевскій. Это мнѣніе давно уже признано наукой и вошло даже въ общія руководства, его можно найти у Ратцеля, у Геблера и т. д., неговоря про спеціальныя работы.

Менѣе важною, но не менѣе грубой ошибкой является названіе гиляковъ «родственными» айнамъ (стр. 52). Равно грубую и совсѣмъ непонятную ошибку мы находимъ на стр. 63-й, гдѣ г. Коропчевскій смѣшиваетъ Индѣйскую территорію и штатъ Индіану. На стр. 97-й мы встрѣчаемъ такую фразу: «Зулусы распространяли свои набѣги по восточному берегу Африки довольно далеко на сѣверъ, но тамъ имъ пришлось столкнуться съ другими пастушескими народами, не уступавшими имъ въ воинственности. Изъ этихъ народовъ особенно извѣстны масаи, галласы и вагумы». Неужто г. Коропчевскій дѣйствительно думаетъ, что Зулусы проникали такъ далеко на сѣверъ, что сталкивались съ масаи, галла и вагума?

Digitized by Google

Встрѣчаются у г. Коропчевскаго также мелкіе, но все же нежелательные промахи, какъ включеніе берберовъ, абиссинцевъ и феллаховъ въ рубрику «азіатскіе» земледѣльческіе народы (стр. 129—131) или вогуловъ въ группу «земледѣльческіе народы восточной Европы» (стр. 151). Даваемыя имъ характеристики не всегда удобопонятны и трудно, напр., понять значеніе такой фразы: «когда лучше ознакомились съ особенностями человѣка, тогда оказалось, что многія человѣческія черты у негра развиты даже болѣе чѣмъ у насъ; таковы, между прочимъ, и его губы, подобныхъ которымъ не представляетъ ни одно животное» (стр. 117). Необходимо также отмѣтить еще одну нежелательную особенность «Первыхъ уроковъ»—несоблюденіе пропорціональности въ описаніи отдѣльныхъ народовъ. Особенно кратко описаны народы, живущіе въ предѣлахъ Россіи, и авторъ оправдывается при этомъ тѣмъ соображеніемъ, что литература объ этихъ народахъ доступнѣе его читателямъ, чѣмъ литература о другихъ народахъ. Но съ этимъ соображеніемъ трудно согласиться въ виду особаго интереса, представляемаго для русскаго читателя этими народами. Во всякомъ случаѣ странно, что Кавказу со всѣми разнообразными его народами авторъ не нашелъ возможнымъ удѣлить болѣе двухъ страничекъ (стр. 148—150), тогда какъ эскимосамъ отведена цѣлая глава въ семь страницъ (стр. 33—40).

По внѣшности «Первые уроки» изданы хорошо и снабжены довольно большимъ количествомъ удовлетворительныхъ рисунковъ.

А. Максимовъ.

Графиня Уварова. Кавказъ. Рача, Горійскій уѣздъ, горы Осетіи, Пшавія, Хевсуретія и Сванетіи. Путевыя замѣтки, съ 18 таблицами. *Часть III.* М. 1904.

Эта изящно изданная книга содержитъ дневникъ путешествій, совершенныхъ въ перечисленныя въ заглавіи области Кавказа графиней Уваровой въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Подробное знакомство съ съ исторіей Кавказа, обширныя свѣдѣнія въ археологіи вообще и глубокое изученіе вещественной археологіи Кавказа, обнаруженное авторомъ въ его другихъ спеціальныхъ монографіяхъ, вошедшихъ въ серію «Матеріаловъ по археологіи Кавказа», издаваемыхъ И. М. Археологическимъ Обществомъ, свѣдѣнія по геологіи, ботаникѣ, этнографіи, живая наблюдательность—все это придаетъ особый интересъ «путевымъ замѣткамъ» графини Уваровой и дѣлаетъ ея новую книгу важнымъ вкладомъ въ научную литературу по Кавказу. Преслѣдуя на первомъ планѣ археологическія цѣли, авторъ однако не оставляетъ безъ вниманія ничего интереснаго, встрѣчающагося на его пути: описанія древнихъ вещественныхъ памятниковъ и произведенныхъ раскопокъ чередуются съ картинами дивной кавказской природы, упоминаніями мѣстныхъ обычаевъ и народныхъ преданій, наблюденіями геологическими и ботаническими, описаніемъ встрѣчъ съ мѣстными жителями разныхъ классовъ

Digitized by Google

и проч. Въ областяхъ Закавказья, населенныхъ картвельскимъ племенемъ и особенно богатыхъ памятниками церковнаго зодчества, главное вниманіе сосредоточивается на послѣднихъ. Отличный знатокъ церковной архитектуры и древностей, авторъ тщательно описываетъ въ путешествіи по Горійскому уѣзду старинныя церкви и монастыри, отмѣчая сохранившуюся въ нихъ церковную утварь, иконы, фрески, кресты и проч., при чемъ автору нерѣдко приходится провѣрять и исправлять мнѣнія, высказанныя о нихъ прежними путешественниками (Бакрадзе, Дюбуа де Монперё) и приводить данныя изъ географіи Вахушты. Въ путешествіи 1890-го года въ горахъ Осетіи авторъ занимается главнымъ образомъ обильными могильниками этой интересной области Кавказа, нѣкоторые изъ которыхъ (Комунта, Галіата, Камбулта) пріобрѣли европейскую извѣстность трудами Вирхова, Шантра и друг. Раскопки графини въ могильникахъ Задалиска, Махческа, Фаскау, Архона, Дэргафса, Санибы, Фардыгдона, Лаца и друг. дали обильный матеріалъ, дополняющій существенно наши свѣдѣнія по археологіи территоріи, населенной осетинами. Объѣхавъ Дигорію, Тагаурію и Куртатію, обслѣдовавъ всѣ до сихъ поръ извѣстные тамъ могильники, гр. Уварова (стр. 159—161) дѣлаетъ нѣкоторыя общія заключенія относительно прошлаго Осетіи, насколько этому можетъ содѣйствовать могильный инвентарь. Могильники Осетіи принадлежатъ весьма различнымъ народностямъ и вѣроятно столь же различнымъ эпохамъ, при чемъ древнѣйшіе, по мнѣнію графини и Вирхова, могутъ восходить за 1000 лѣтъ до Р. Х. Кромѣ могильниковъ, въ Осетіи обращаютъ на себя вниманіе древнія святилища Майрэм'ы, посвященныя нынѣ Богоматери, но имѣвшія, повидимому, въ языческій періодъ другое значеніе, развалины замковъ и городища, связанныя съ родовыми преданіями высшаго сословія среди осетинъ (Бадилятъ, Царгосатъ, Гагуатъ). Не менѣе интересны замѣтки автора о древностяхъ и населеніи малодоступныхъ долинъ, населенныхъ Пшавами и Хевсурами. На ряду съ описаніемъ мѣстныхъ памятниковъ старины мы находимъ здѣсь изображеніе костюмовъ, типовъ, нѣкоторыхъ обычаевъ. Изъ послѣднихъ отмѣтимъ, напримѣръ, что новобрачная приноситъ въ даръ святилищу шелковое верхнее платье, что къ языкамъ церковныхъ колоколовъ привязываются куски пожертвованныхъ матерій, за которые берутся, чтобы звонить во время празднествъ (стр. 225). Въ этихъ областяхъ, какъ и въ другихъ на Кавказѣ, мы находимъ въ полной силѣ двоевѣріе, смѣшеніе христіанскаго съ языческимъ. Хранителями святилищъ съ ихъ христіанской церковной утварью являются не священники, а т. наз. хевисберы (у осетинъ дзуарлаги), съ которыми православное духовенство спокойно уживается; такъ напр., по словамъ автора, на празднествахъ хевисбери собираютъ народъ, закалываютъ жертвенныхъ барановъ, молятся по своему обычаю, но допускаютъ православнаго священника, который приноситъ въ святилище крестъ изъ церкви, молится Богородицѣ и получаетъ часть закланнаго животнаго (стр. 226). Приведемъ здѣсь кстати сцену, которой свидѣтельницей была графиня въ хевсурскомъ селеніи Гудани: «Въ Гудани

Digitized by Google

насъ ожидала интересная картина: на горной площадкѣ подъ нависшими старыми ясенями, около святилищъ (ихъ здѣсь три) насъ ожидали хевисбери, народъ и латники, которыхъ собралъ старшина, такъ какъ я наканунѣ высказала желаніе видѣть сокровища, сохраняемыя въ святилищѣ и древнее вооруженіе. Старшій хевисбери стоялъ съ жезломъ — *аваржани*, второй имѣлъ въ рукахъ *дроша*, а два *дастура* (служителя святилища) держали въ рукахъ всѣ сосуды святилища. *Аваржани* ничто иное, какъ высокій жезлъ съ серебряной рукоятью, напоминающій своей формой древніе епископскіе жезлы съ рукоятью въ видѣ змієвъ. *Дроша* родъ значка или знамени, составленнаго изъ высокаго древка съ серебряными позолоченными яблоками на верхушкѣ съ водруженнымъ наверху крестомъ: подъ крестомъ привѣшены нынѣ вмѣсто знамени простые бумажные платки. Кресты, имѣющіеся на двухъ *дроша* въ Гудани, серебряные, позолоченные, украшены Распятіемъ и очень плохого дѣла» (234—235). Замѣтимъ, что въ самыхъ названіяхъ священныхъ предметовъ и должностей сохраняются слѣды древняго вліянія религіи Агурамазды, которую исповѣдовали персы при Сасанидахъ, на закавказскія религіозныя представленія. Служители Агурамазды (Ормузда) у персовъ до сихъ поръ называются *дастурами* (какъ у хевсуровъ), названіе *дроша* (знамя) персидское *дэрэфш* въ томъ же значеніи. Что касается типовъ хевсуровъ, то графиня, какъ и другіе путешественники, отмѣтила ихъ сходство съ запорожскими. То же замѣчено относительно сванетовъ, въ области которыхъ, насколько помнится, были найдены даже могилы съ русскими надписями погребенныхъ запорожцевъ. Мужчины-хевсуры носятъ чубы, головной уборъ хевсурскихъ женщинъ и дѣвушекъ, по словамъ графини (стр. 246), напоминаютъ уборъ малороссіянокъ. Интересно, что между утварью въ хевсурскомъ святилищѣ въ селеніи Хахмати оказалась серебряная братина русскаго дѣла съ обыкновенной славянской надписью вязью: «братина добраго человѣка, пити на здоровіе (стр. 238).

Особенно обильна результатами была поѣздка въ Сванетію, которой святилища, трудно-доступныя, наполнены старинными вещами, иконами, крестами, церковными книгами съ миніатюрами, чашами, ковшами, подсвѣчниками и проч. Авторъ имѣлъ случай осмотрѣть, описать и сфотографировать множество интересныхъ для исторіи искусства предметовъ, которыхъ не удалось видѣть прежнимъ путешественникамъ. Вотъ что, напр., сообщаетъ графиня про сокровища монастыря свв. Кирика и Ивлиты: «Монастырь состоитъ въ вѣдѣніи не приходскаго священника, а сельскаго общества, которое при немъ содержитъ хевисбера или *папи* и двухъ сторожей, живущихъ въ немъ, имѣющихъ ключи отъ церкви и сокровищницы и безъ воли которыхъ нельзя осмотрѣть или дотронуться до чего-либо. Мы были первыя женщины, которыя переступили черезъ порогъ святилища и передъ которыми открылись церковь и сундукъ драгоцѣнностей; намъ удалось осмотрѣть, описать и снять все то, что намъ хотѣлось, и хотя на первыхъ порахъ мы могли усмотрѣть подозрѣніе и неудовольствіе на лицахъ пристав-

Digitized by Google

ленныхъ стражниковъ, но, относясь къ духовнымъ вещамъ съ должнымъ уваженіемъ и избѣгая необходимости дотрогиваться до нихъ, мы очень скоро перемѣнили отношенія къ намъ стражи, а когда, прощаясь, пожертвовали на церковь и отплатили людямъ за трудъ, понесенный ими въ продолженіе дня при переноскѣ на церковный дворъ предметовъ для фотографированія, сердце этихъ дикарей окончательно смягчилось, и мы разстались съ ними совершенно друзьями». (стр. 274). Не имѣя возможности даже вскользь остановиться на множествѣ интересныхъ предметовъ, видѣнныхъ путешественницей, упомянемъ только, что въ церквахъ Ушкульскаго общества и вообще въ его селеніяхъ графиня отмѣтила присутствіе въ значительномъ числѣ деревянной рѣзной мебели, чего нѣтъ въ остальной Грузіи: кресла, диваны, аналои и сундуки. Рѣзаны также двери въ церквахъ, перила лѣстницъ и даже глухія стѣнки, отгораживающія балконы и переходы въ домахъ и башняхъ (стр. 279). Характерны для мѣстнаго искусства также фресковыя изображеніи въ одной церкви въ селеніи Лаштхаръ, представляющія, по мнѣнію мѣстныхъ жителей и покойнаго Бакрадзе, народныя сказанія о борьбѣ богатыря Амирана, столь извѣстнаго въ грузинскомъ и осетинскомъ эпосѣ, съ чудовищами (стр. 293). Содержаніе фресокъ поясняется надписями, напр.: «Когда Амиранъ, поглощенный чудовищемъ, убилъ и вышелъ изъ него». Такое проникновеніе фольклора въ церковную живопись представляетъ само по себѣ уже крайне интересый фактъ.

Въ заключеніе приведемъ нѣкоторыя, повидимому, вѣрныя соображенія путешественницы объ исторической судьбѣ Сванетіи: «Описываемыя драгоцѣнности, равно какъ и многочисленность древнихъ церквей, большей частью изъ тесаннаго камня, расписанныхъ фресками и богато одаренныхъ иконами, присутствіе въ мѣстности нѣсколькихъ значительныхъ замковъ, какъ въ Ушкулѣ и въ Адышѣ— все говоритъ о болѣе блестящемъ положеніи края и въ былое, далекое время. Очень вѣроятно, что князь Татарханъ-Дадешкеліани (мѣстный знатокъ Сванетіи), правъ, говоря, что въ XI и XII вв. въ долинѣ Ингура населеніе пользовалось большимъ просвѣщеніемъ и лучшими путями сообщенія, чѣмъ теперь. Заглохла Сванетія, по мнѣнію князя, въ то время когда исторія Грузіи спуталась, когда власть царская раздѣлилась и стала падать, давая возможность иноплеменнымъ воспользоваться этой слабостью, грабя и расхищая край. Въ это время, можетъ быть, и стали смотрѣть на Сванетію, какъ на болѣе замкнутое, неприступное ущелье, которому и дали названіе «убѣжища» или *Саване* по-грузински, откуда со временемъ, по мнѣнію грузинъ, образовалось наименованіе Сванетіи» (стр. 290).

Разставаясь съ интересной и богатой содержаніемъ книгой графини Уваровой, отмѣтимъ нѣкоторыя поправки осетинскихъ названій, неточно переданныхъ путешественницей: такъ, вмѣсто Стердигорія слѣдуетъ писать Стырдигорія, т.- е. большая (стыр) Дигорія (стр. 116); вмѣсто Суйхохъ слѣдуетъ Саухохъ, т.-е. *черная* (сау) *гора* (хох) стр. 136; вмѣсто Капукъ Тимассукъ (стр. 108) слѣдуетъ читать: Ка-

Digitized by Google

пукти (*Кануковыхъ*, род. пад. множ. число) масугъ (*башня*). Осетинское названіе Ма при Майремъ (стр. 160) мнѣ не встрѣчалось: обыкновенно такіе памятники называются Мады Майремъ, т.-е. мать (мады) Марія (Мейремъ).

Вс. М.

Московская Церковная Старина. Труды коммиссіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и Московской епархіи, издаваемые *подъ редакціей* предсѣдателя коммиссіи *А. И. Успенскаго*. Т. I т. III. Москва 1904 г. 1905 г.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1902 г. при Отдѣлѣ церковной археологіи при Об. Л. Д. П. [1]) была учреждена коммиссія для осмотра и изученія памятниковъ церковной старины г. Москвы и Моск. епархіи. Члены этой коммиссіи издали въ текущемъ году два тома своихъ двухлѣтнихъ трудовъ, и изданіе это нельзя не встрѣтить безъ привѣтствія. Москва богата стариною, особенно стариною церковною, и изученіе ея открываетъ предъ изучающимъ картину той далекой Москвы, которая съ каждымъ годомъ исчезаетъ, уступая мѣсто совершенно новому городу. Съ церковнымъ строеніемъ, съ украшеніемъ храма, связывалось въ древности многое. Событія жизни внѣшней, внутреннія переживанія русскихъ людей въ огромномъ большинствѣ случаевъ влекли за собою созданіе храма, пожертвованіе иконы, постановку часовни, креста. Жизнь государства, общества, отдѣльнаго человѣка отпечатлѣвалась вовнѣ въ памятникахъ религіозныхъ; за стариннымъ храмомъ, древнею иконою, полустертымъ могильнымъ камнемъ стоитъ русскій человѣкъ съ его внутреннимъ складомъ, съ его нравственнымъ воззрѣніемъ, съ его художественными стремленіями. Поэтому и дорога старина, какъ отпечатокъ русской души, дороги ея памятники—эти издѣлія давно истлѣвшихъ рукъ—эти созданія неумирающей творческой силы.

Первый томъ Трудовъ содержитъ въ себѣ описанія многихъ московскихъ церквей, причемъ описанія эти снабжены фотографическими снимками со старинныхъ иконъ и утвари, хранящихся въ описываемыхъ храмахъ. Такъ, при описаніи храма пр. Сергія въ Рогожской помѣщено XLVI таблицъ съ рисунками. Въ исторію той или другой церкви авторами вносятся иногда очень интересныя свѣдѣнія, знакомящія съ бытовыми особенностями древней Руси. Такъ, въ статьѣ св. Н. А. Скворцова о церкви Нерукотвореннаго Образа Спасителя на Божедомкѣ сообщается объ убогихъ домахъ начала 17 в., основанныхъ въ различныхъ частяхъ Москвы.

Интересный и довольно подробный очеркъ посвященъ храмамъ на Крутицахъ Успенскому и Крестовому. Резиденція Сарскихъ и Подонскихъ митрополитовъ, расположенная на крутомъ берегу Москвы рѣки (откуда и названіе Крутицы), съ начала 14 в. представляла собою

[1]) Общество любителей духовнаго просвѣщенія.

Digitized by Google

пунктъ, гдѣ кипѣла жизнь, благодаря живому участію Крутицкихъ митрополитовъ въ общественной жизни Москвы. Храмы украшались и привлекали богомольцевъ. Съ упраздненіемъ Крутицкой митрополіи началось запустѣніе этой прекрасной мѣстности, а въ настоящее время Крестовый храмъ, гдѣ находится усыпальница митрополитовъ, закрытъ и пустуетъ. На наружной сторонѣ этого храма на сѣверной сторонѣ вдѣлана каменная плита съ слѣдующей надписью: «По узаконенному живыхъ и мертвыхъ Бога предѣлу представившійся азъ рабъ его Ѳеодоръ, почивая на семъ мѣстѣ мимоходящихъ умильно прошу оставленій грѣховъ моихъ ко Господу Богу помолитися и сподобитъ мя въ вѣчной нынѣ радости быти». Кто этотъ Ѳеодоръ—неизвѣстно, но въ началѣ 19 в. раскольники не разъ пытались доказать, что это могила дьякона Ѳеодора, и желали ее сдѣлать своей святыней, распространяя слухи о чудесахъ, отъ нея совершающихся. Кромѣ московскихъ церквей описаны церкви нѣкоторыхъ подмосковныхъ селъ: Измайлова, Косино и др. Въ концѣ I т. помѣщенъ перечень литературныхъ новинокъ по описанію памятниковъ московской церковной старины.—III томъ главнымъ образомъ состоитъ изъ рисунковъ—снимковъ древнихъ иконъ (икона св. Сисинія и Мароя—цѣлителей отъ трясовичнаго недуга), крестовъ и утвари.

Заканчивается III т. указателемъ изданій журнальныхъ статей, замѣтокъ и матеріаловъ по исторіи Москвы и Моск. губ., напечатанныхъ въ 1903 г. Изданные томы составлены очень тщательно и интересно. Къ сожалѣнію, ограниченное число экземпляровъ и высокая цѣна изданія (I т. 45 р; III—15) дѣлаетъ его рѣдкостью, доступною для пользованія лишь въ Публичной Библіотекѣ. Несмотря однако на это обстоятельство, Труды вышеназванной коммиссіи представляютъ собою цѣнный вкладъ въ современную научную литературу.

Е. Е.

М. Н. Хангаловъ. Балаганскій сборникъ.

Сказки, повѣрья и нѣкоторые обряды у сѣверныхъ бурятъ. Подъ редакціей Г. Н. Потанина. (Труды Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Т. V.) Томскъ 1903.

Труды М. Н. Хангалова, отличнаго знатока сѣверныхъ бурятъ, давно извѣстны въ этнографической литературѣ преимущественно по изданіямъ Восточно-сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва [1]). Настоящій сборникъ содержитъ главнымъ образомъ обильные образцы сѣверно-бурятскаго фольклора—сказки, повѣрья и проч,— записанные М. Н. Хангаловымъ отъ бурятъ Унгинскаго вѣдомства Балаганскаго уѣзда, Иркутской губерніи. Владѣя вполнѣ бурятскимъ и русскимъ языкомъ, г. Хангаловъ въ своемъ

[1]) „Бурятскія сказки и повѣрья“ (Записки т. I, в. 1) Иркутскъ 1889; „Новые матеріалы о шаманствѣ у бурятъ“ (т. I, в. 2); „Зэгэтэ-аба“, облава на звѣрей у древнихъ бурятъ. (Извѣстія Отдѣла т. XIX, в. 3); „Нѣсколько данныхъ для характеристики сѣверныхъ бурятъ“. (Этнограф. Обоз. 1891, кн. X).

Digitized by Google

русскомъ переводѣ сумѣлъ передать своеобразный характеръ бурятскаго разсказа съ его эпическимъ стилемъ, шаблонными картинками и выраженіями. Главное содержаніе сказокъ—богатырское: феноменальная борьба разныхъ богатырей съ врагами—людьми и чудовищами. Немалое мѣсто въ сказкахъ занимаетъ сказанье о знаменитомъ Гэсэръ-ханѣ и преданія о Чингисъ-ханѣ. Буряты не утратили еще наивной вѣры въ возможность самыхъ фантастическихъ похожденій своихъ богатырей. По увѣренію собирателя (стр. 193), они считаютъ сказки за дѣйствительность; по ихъ мнѣнію, сказочные герои и богатыри когда-то дѣйствительно жили на землѣ. Эта наивная вѣра поддерживается и религіей, буддизмомъ, принесшимъ съ собою множество мотивовъ изъ классической страны сказки—Индіи. За бурятскихъ богатырей вступаются небесные духи, а отголоски священнаго писанія выродились въ какія-то волшебныя книги, изъ которыхъ богатыри, между прочимъ, вычитываютъ, гдѣ находится душа (иногда три души) ихъ врага. Такъ, въ одной сказкѣ, тѣснимый врагомъ Абай-Тэхэръ-Богдо-ханъ призываетъ съ неба на помощь старшаго своего брата тэнгэрина Ами-Сахидака, и тотъ, спустившись съ неба, изъ «своего священнаго писанія» узнаетъ, что его истощенному борьбою брату остается жить только полтора часа (стр. 37). Въ другой—два бьющіеся богатыря, не одолѣвъ другъ друга, прерываютъ бой, берутъ другъ у друга «желтую книгу Заяннишара-худоръ» и узнаютъ, что они братья (стр. 89—90). Священное писаніе можетъ служить даже орудіемъ въ борьбѣ: одинъ богатырь «материнскимъ желтымъ священнымъ писаніемъ» бьетъ по головѣ врага и обращаетъ его въ осла (стр. 7). Бурятскіе богатыри не только силачи, но и волшебники, превращающіе и себя, и другихъ въ разные предметы (серебряный рубль, осу, стр. 139). Вслѣдствіе вмѣшательства чаръ борьба получаетъ колоссальные размѣры: она длится иногда три года и больше, и сопровождается разными чудесами. Такъ, разрубленный врагомъ на восемь частей Абай-Тэхэръ-Богдоханъ поднимается съ земли живымъ (разрубленныя части сами собой соединились) и съ усмѣшкой говоритъ противнику: «Думаешь ли, что у мужчины нѣтъ столько волшебства и таинственной силы»? (стр. 34). У другого богатыря пронзившая его насквозь стрѣла вылетѣла наружу съ намотавшимися на нее сердцемъ и легкими. Тогда онъ схватилъ стрѣлу, «сердце съ легкими обратно вложилъ себѣ въ грудь на старое мѣсто, доставши изъ кармана красный, шелковый платокъ, потеръ имъ по ранѣ и вылѣчилъ ее совсѣмъ; стала грудь какъ прежде» (стр. 86). Богатыри борются также съ бабами, колдуньями и великаншами, при чемъ не знающая предѣловъ фантазія доводитъ все до колоссальныхъ размѣровъ. Три года бился одинъ богатырь (Алтанъ-Жоло-мöргöнъ) съ такой бабой, наконецъ повалилъ ее и распоролъ ей брюхо; «черезъ распоротое брюхо изъ нутри ея вышли во множествѣ звѣри, птицы и люди, ѣдущіе въ телѣгахъ, верхомъ на коняхъ и пѣшіе. Звѣри убѣжали въ лѣсъ, птицы улетѣли и люди разъѣзжаются въ разныя стороны и говорятъ между собою: «я такого-то царя подданный»! «я въ такой-то мѣстности живу!» И всѣ они благодарятъ Алтанъ-

Digitized by Google

Жоло-мöргöпа» (стр. 141). Главный помощникъ бурятскаго богатыря — конь — отличается также чудесными свойствами. Вотъ какъ, напр., описывается бѣлый, бѣлоротый конь богатыря Ута-Саганъ-батара: «бѣлоротый быстрый бѣлый конь бѣжитъ рысью, а изъ его носа выходитъ дымъ; между ушами его козелъ и баранъ, бодаясь, играютъ; на шеѣ хорекъ и горностай, бѣгомъ-бѣгая, играютъ; на шеѣ передъ сѣдломъ разведенъ костеръ; на кострѣ повѣшенъ котелокъ, въ котелкѣ кипитъ вода, на крестцѣ растетъ большой кедръ, на кедрѣ гнѣздятся семьдесятъ разныхъ птицъ; птицы поютъ и играютъ; на хвостѣ левъ и медвѣдь борются, играютъ; съ колѣнъ заднихъ ногъ огненная лава течетъ и съ колѣнъ переднихъ ногъ ключи текутъ, въ которыхъ рыбы харюзы играютъ. Ута-Саганъ-батаръ, сидя на конѣ, удитъ жирныхъ харюзей; варитъ въ котлѣ и ѣстъ» (стр. 47).

Этихъ образчиковъ достаточно, чтобы дать нѣкоторое понятіе о характерѣ бурятскаго творчества, наложившаго свою печать на разные бродячіе сказочные сюжеты. Въ видѣ эпизодовъ бурятскихъ богатырскихъ сказаній встрѣчаются широко-распространенныя сказки, напр., формулы Амирана-Зохака (стр. 19), царевны-лягушки (стр. 76), волшебницы превращаютъ людей въ животныхъ (131), о завладѣніи землей, посредствомъ бычьей шкуры. Послѣдняя «всемірная» сказка [1]), пріуроченная, какъ обычно, къ столкновенію двухъ народностей, заслуживаетъ быть переданной дословно. Она называется въ сборникѣ «Гора Мöнгöтö-ула» (стр. 186). «Унгинскіе буряты разсказываютъ: когда въ первый разъ проводили границу между русскимъ и китайскимъ государствами, со стороны Россіи былъ такъ называемый бурятами Гунъ-Сава [2]), а со стороны китайцевъ Сэсэнъ-уганъ [3]). Когда провели границу, гора Мöнгöтö ула (по-русски «серебряная гора») осталась за русскимъ государствомъ. Сэсэнъ-уганъ, желая взять гору Мöнгöтö-ула себѣ, придумалъ обмануть Гунъ-Саву. Онъ попросилъ Гунъ-Саву отдать ему участокъ земли величиною съ кожу быка; Гунъ-Сава, не подозрѣвая хитрости, согласился. Тогда Сэсэнъ-уганъ выбралъ самую большую кожу быка, разрѣзалъ ее на тонкіе ремни и обтянулъ ими всю гору Мöнгöтö-ула; вслѣдствіе этого гора Мöнгöтö-ула отошла въ китайскую землю. Гора эта должна бы отойти къ русской землѣ, такъ какъ, по преданію, на ней явилась печать русскаго государства; китайцы вытесываютъ гору, чтобы снять печать, но печать снова является». Если въ этомъ преданіи хитрость Дидоны приписана китайцамъ и обманутой стороной являются русскіе, то (замѣтимъ кстати) и русскіе не обижены въ исторіи пріуроченія этой сказки къ международнымъ столкновеніямъ. Въ одной версіи, записанной у зырянъ Шёгреномъ, русскіе посредствомъ того же пріема пріобрѣли отъ туземцевъ мѣсто, на которомъ построили Москву, что будто бы видно и изъ названія Москвы *мöс* (по-

[1]) См. мою статью: Всемірная сказка въ культурно-историческомъ освѣщеніи. Русская мысль 1893 г. кн. XI.

[2]) Графъ Савва Рагузинскій.

[3]) Вѣроятно, монгольскій Цзцэнъ-ханъ.

Digitized by Google

зырянски значитъ «корова, а *ку*—шкура»). Такъ какъ прикрѣпленіе сказки нерѣдко основывается на народной этимологіи названій мѣстностей, городовъ и проч., интересно бы знать точное значеніе имени горы «Мöнгöтö-ула».

Сношенія бурятъ съ русскими отражаются въ нѣкоторыхъ преданіяхъ. «Русскій Богъ» св. Никола извѣстенъ бурятамъ подъ именемъ Никола-бурханъ. Онъ научилъ людей жать хлѣбъ серпомъ, тогда какъ ранѣе люди вырывали хлѣбъ съ корнемъ и перевязывали снопы волосяными веревками (стр. 186—187). Кромѣ богатырскихъ сказокъ, сборникъ содержитъ много интересныхъ преданій, повѣрій объ атмосферическихъ явленіяхъ, мірозданіи, звѣряхъ, птицахъ, рыбахъ, насѣкомыхъ, растеніяхъ, винѣ, домашнемъ скотѣ, душѣ, покойникахъ, сновидѣніяхъ, людоѣдахъ и проч. Глубокой стариной вѣетъ, напр., отъ преданія о человѣкѣ-рыбѣ (хўн загахан): «Въ морѣ есть человѣкъ-рыба, у которой передняя половина тѣла рыбья, задняя половина человѣчья. Увидѣвъ человѣка, эта рыба высовываетъ изъ воды голову и кричитъ по-человѣчески, а потомъ опять уходитъ въ воду» (стр. 215). При всей краткости разсказа, можно думать, что человѣкъ-рыба существо миѳическое, расположенное къ людямъ. По древнему халдейскому преданію, сообщаемому Беросомъ, изъ водъ Чермнаго моря выходилъ человѣкъ-рыба Оаннесъ къ людямъ и научалъ ихъ всему полезному для культуры. Ассиріологи видятъ въ беросовомъ Оаннесѣ древне-вавилонскаго морского бога Эа-ханъ (Эа-рыба), представителя водяного начала и мудрости. Человѣкъ-рыба хорошо извѣстенъ въ скульптурныхъ изображеніяхъ ассирійцевъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что цѣнность «балаганскаго сборника» г. Хангалова увеличивается примѣчаніями (стр. 255—277), которыми снабдилъ его извѣстный знатокъ и изслѣдователь ордынскаго фольклора Г. Н. Потанинъ, указывающій интересныя параллели бурятскимъ сказкамъ въ славянскомъ сказаніи о Вавилонскомъ царствѣ, въ русской сказкѣ о Бормѣ и во многихъ другихъ восточныхъ и западныхъ сказаніяхъ.

Вс. М.

М. Г. Халанскій. Матеріалы и замѣтки по исторіи древне-русскаго героическаго эпоса. *I. Сказаніе о взятіи в. кн. Ольгой Царяграда. II. Плачъ в. кн. Юрія Всеволодовича († 1238).* (Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и слов. И. Акад. Наукъ 1903 г. Т. VIII, кн. 2-я).

Приводя отрывки изъ двухъ лѣтописныхъ сборниковъ XVII в., авторъ выражаетъ надежду построить мостъ между старо-кіевскимъ героическимъ эпосомъ (отразившимся въ Повѣсти временныхъ лѣтъ) и былинами. Отмѣчая въ памятникахъ XV—XVII вв. особенныя комбинаціи именъ и мотивовъ стараго эпоса, г. Халанскій старается увидѣть въ этихъ комбинаціяхъ посредствующія звенья, связывающія современныя записи былинъ съ ихъ источниками, отразившимися въ ста-

Digitized by Google

рой кіевской лѣтописи. Но вопросъ въ томъ, насколько можно видѣть въ сказаніяхъ лѣтописи XVII в. отраженіе народнаго поэтическаго творчества?

Сказаніе о взятіи Царьграда авторъ приводитъ по двумъ лѣтописнымъ сборникамъ XVII в. Въ немъ не находится ни одной новой черты сравнительно съ Повѣстью временныхъ лѣтъ. Все сказаніе представляетъ собою чистую компиляцію книжника, сдѣланную на основаніи старыхъ сказаній: 1) о взятіи Царьграда Олегомъ (уговоръ относительно русской торговли въ Царьградѣ), 2) о взятіи Искоростеня Ольгой (дань по три голубя и по три воробья), 3) объ испытаніи вѣръ (великолѣпіе греческаго служенія) и 4) о крещеніи Ольги. Конечно, для исторіи русскихъ былинъ это сказаніе ничего не даетъ, и если оно и представляетъ интересъ, то—лишь для характеристики лѣтописныхъ компиляцій, составлявшихся въ XVI—XVII вв. въ московской области, чуждой старо-кіевскимъ преданіямъ. Можетъ быть поставленъ вопросъ о причинахъ, заставившихъ лѣтописца неестественно комбинировать старыя сказанія, но источникъ этихъ комбинацій—налицо.

Преувеличиваетъ авторъ и значеніе плача Юрія Всеволодовича, называя этотъ плачъ «замѣчательнымъ памятникомъ русской лирики XIV или XV в.» (стр. 175). Весь плачъ содержится въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: «Камо зайде свѣт очію моею, гдѣ отошли есте, сокровище живота моего, цвѣтъ мой прекрасный?.. Кому приказываете меня? Солнце мое драгое, мѣсяцъ мой прекрасный, почто рано зашли есте? Гдѣ, господіе, честь и слава ваша? Многимъ землямъ государи были есте, а нынѣ лежите на земли пусте, и зрак лица вашего изменися! Не слышасте ли, господіе, словес моих бѣдных? О земле, земле, о дубравы, дубравы! вси плачите со мною!» И здѣсь трудно отыскать народно-поэтическій элементъ. Высокопарное обращеніе къ землѣ и дубравамъ свидѣтельствуетъ, что этотъ плачъ представляетъ собою довольно позднюю вставку, сдѣланную какимъ-нибудь книжникомъ, въ извѣстную въ болѣе старыхъ лѣтописяхъ «Повѣсть о приходѣ Батыевой рати на Рязань».

А. Марковъ.

В. Нарбековъ. Южнорусское религіозное искусство XVII—XVIII вв. Казань. 1903 г.

Религіозное искусство на Руси получило права гражданства раньше свѣтскаго и долгое время оно одно служило художественнымъ стремленіямъ русскаго народа. Представляя собою вѣтвь византійскаго, русское искусство подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій и индивидуальнаго (хотя довольно слабо выраженнаго) творчества пріобрѣтало свои особенности и стало отклоняться отъ своего образца.

На Руси религіозное искусство процвѣтало тамъ, гдѣ сосредоточивалась общественная жизнь, т. е. въ крупныхъ городахъ, постоянно

Digitized by Google

украшаемыхъ святыми храмами. Съ 17 в. начинается заселеніе такъ наз. Половецкой степи (нынѣ между прочимъ Харьковская губ.) казаками черкасами и русскими выходцами. Разселяясь на новыхъ мѣстахъ, пришельцы создаютъ храмы и украшаютъ ихъ—религіозное искусство развивается и въ своемъ развитіи подпадаетъ подъ вліяніе западно-европейское, вслѣдствіе чего отливается въ иныя формы, нежели тѣ, которыя уже существовали въ это время на сѣверѣ Руси.

Авторъ вышепоименованной книги представилъ въ своемъ трудѣ перечень тѣхъ памятниковъ южнорусскаго религіознаго искусства, которые были собраны на выставкѣ XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ въ 1902 году и которые могутъ служить прекраснымъ матеріаломъ для исторіи русскаго религіознаго искусства. Описывая иконы со стороны ихъ содержанія и исполненія авторъ отмѣчаетъ вліяніе на нихъ Западной Европы, вліяніе иногда очень ярко выраженное. Нѣкоторыя иконы близки итальянской живописи 14 и 15 вв., именно картинамъ Перуджино, другія живо напоминаютъ живопись испанскую (Мурильо), наконецъ третьи представляютъ собою копировку нѣмецкихъ картинъ 16 в. Вліяніе Западной Европы на русское религіозное искусство проявилось не только въ простомъ копированіи чуждыхъ образцовъ, но и въ томъ, что пріемы художниковъ пріобрѣли большую свободу, композиціи ихъ стали болѣе разнообразными и смѣлыми.

Кромѣ вліянія западно-европейскаго, авторъ обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что въ 18 в. художники Петербургской Академіи Художествъ замѣтно повліяли на направленіе южнорусской религіозной живописи, и сравниваетъ нѣкоторыя иконы по техникѣ съ картинами нѣкоторыхъ русскихъ художниковъ-академистовъ. Затѣмъ авторъ указываетъ на нѣкоторыя особенности описываемыхъ иконъ—результатъ вкуса мѣстныхъ художниковъ—это золотой или гладкій рельефный фонъ, или украшенный цвѣточнымъ орнаментомъ, тщательно выписанныя детали, яркое сочетаніе цвѣтовъ, типы лицъ византійскіе, смягченные западнымъ вліяніемъ. Авторъ довольно подробно останавливается на иконахъ, стараясь выяснить ихъ генетическую связь съ западнымъ художествомъ, затѣмъ переходитъ къ описанію образцовъ рѣзьбы, шитья золотомъ, архитектуры, однимъ словомъ даетъ довольно обстоятельно составленный сборникъ матеріала для исторіи южнорусскаго искусства, снабдивъ его нѣкоторыми выводами, на основаніи представленныхъ данныхъ. Благодаря тщательному описанію матеріала книга В. Нарбекова представляетъ собою цѣнное подспорье для занимающихся русскимъ искусствомъ, да и каждымъ, интересующимся этимъ вопросомъ, прочтется не безъ пользы.

Е. Е.

Труды Троицкосавско-Кяхтинскаго отдѣленія Приамурскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. *т. VI, выпускъ II.* СПБ. 1904 г., стр. 145.

Digitized by Google

Въ недавнемъ отчетѣ о предыдущемъ выпускѣ «Трудовъ» Кяхтинскаго отдѣленія (см. «Этн. Обозр.» 1904 г. № 2) мы говорили объ интересномъ собраніи бурятскихъ легендъ и сказокъ, печатаемыхъ Я. С. Смолевымъ. Г. Смолевъ продолжаетъ печатаніе своихъ матеріаловъ, и во II выпускѣ VI тома помѣстилъ «Сказаніе о Бигармацзиди-ханѣ». Бигармацзиди-ханъ (иначе Багармацзади, Бикармичжиди, Бэгэръ-Меджитъ = санскр. Vikramaditya)—очень популяренъ въ сказаніяхъ монголовъ и бурятъ. Впрочемъ, сказанія о немъ чаще носятъ имя другого персонажа, тѣсно связавшаго свою сказочную исторію съ именемъ Бигармацзиди: Арчжи-Бурчжи.

Въ сказаніи, записанномъ г. Смолевымъ, очень мало отступленій отъ извѣстныхъ уже записей, тѣмъ не менѣе оно имѣетъ значительный интересъ, такъ какъ прежнія изданія, заключавшія въ себѣ это сказаніе, представляютъ теперь библіографическую рѣдкость. Таковъ, напримѣръ, оттискъ изъ 1-го номера журнала «Общезанимательный Вѣстникъ» за 1858 г., гдѣ помѣщено сказаніе объ Арджи-Бурджи въ переводѣ Г. Гомбоева. Этимъ переводомъ, а также переводомъ Jülg'a на нѣмецкій языкъ пользовался академикъ А. Н. Веселовскій въ «Славянскихъ сказаніяхъ о Соломонѣ и Китоврасѣ». Въ 1903 г., въ XV томѣ Записокъ Вост. Отд. Императ. Русскаго Археологич. Общества, А. Д. Рудневъ помѣстилъ замѣтку: «Три сборника разсказовъ о Бикармичжидѣ», но въ этой замѣткѣ авторъ предполагаетъ извѣстнымъ содержаніе сказанія объ Арчжи-Бурчжи.

Эти редакціонныя библіографическія примѣчанія къ записи г. Смолева мы позволимъ себѣ дополнить, указавъ на то, что сказаніемъ объ Арджи-Бурджи широко пользовался Г. Н. Потанинъ въ своемъ трудѣ «Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейскомъ эпосѣ», гдѣ оно введено въ кругъ восточнаго и европейскаго фольклора: Аржэ-Буржэ-ханъ» встрѣчается еще въ сказаніи о «Шоно-баторѣ» (см. «Сказанія бурятъ, записанныя разными собирателями», Записки Вост.-сибирскаго отдѣла И. Р. Г. О. по этнографіи, т. I, вып. 2., Иркутскъ, 1890).

Н. М—нъ.

Пругавинъ А. С. Религіозные отщепенцы (очерки современнаго сектантства). *Вып. I и II.* СПБ. Изд. Т-ва «Общественная Польза» 1904 г.

Подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ извѣстный своими работами по расколу авторъ соединилъ въ 2-хъ выпускахъ свои статьи, которыя помѣщались имъ въ 80-хъ годахъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, статьи, касающіяся различныхъ сектъ, возникающихъ среди русскаго народа подъ вліяніемъ психологическихъ, общественныхъ, бытовыхъ и этнографическихъ причинъ.—Секты эти (немоляки, медальщики, бѣлоризцы, сютаевцы и др.) раціоналистическія, нѣкоторыя изъ нихъ весьма не многочисленныя и сущность ихъ сводится главнымъ образомъ

Digitized by Google

къ исканію или созданію такихъ условій жизни, которыя способствовали бы развитію среди людей любви и мира.

Авторъ при составленіи своихъ очерковъ руководился свѣдѣніями, частью лично собранными, частью извлеченными изъ мѣстныхъ архивовъ и изъ литературы предмета. Свѣдѣнія эти въ большинствѣ случаевъ были скудны и поверхностны, откуда краткость и неясность очерковъ, Но, несмотря на это обстоятельство, работа г-на Пругавина представляетъ интересъ не только для людей, изучающихъ расколъ, но и для каждаго, кто желалъ бы познакомиться съ современнымъ состояніемъ духовной жизни русскаго народа, съ запросами, поднимающимися у него въ душѣ, и мыслями, занимающими его сознаніе.

Е. Е.

Мих. Лемке. Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Біографическій очеркъ (къ десятилѣтію со дня кончины). *Съ 8 иллюстр. и введеніемъ И. И. Попова. Изданіе редакціи газеты «Восточное Обозрѣніе"*. СПБ. 1904. Стр. 219+XIV.

7 іюля 1904 г. исполнилось десять лѣтъ со дня безвременной кончины Н. М. Ядринцева. Редакція «Восточнаго Обозрѣнія», храня признательную память объ основателѣ и первомъ редакторѣ этого изданія, рѣшила ознаменовать десятилѣтіе его смерти изданіемъ біографическаго очерка, поручивъ составленіе его В. К. Лемке и опредѣливъ чистую прибыль отъ изданія на образованіе фонда при одномъ изъ просвѣтительныхъ обществъ г. Иркутска для устройства школы имени Ядринцева въ какомъ-нибудь инородческомъ селеніи.

Благодаря такимъ добрымъ побужденіямъ, появился очеркъ г. Лемке.

Работа г. Лемке—именно очеркъ, легкій абрисъ оригинальной и сильной личности покойнаго Н. М. Ядринцева. Кто-то назвалъ его однажды сибирскимъ Ломоносовымъ, и въ этихъ словахъ большая доля истины. Одаренный крупнымъ литературнымъ талантомъ, силой большого нервнаго подъема, выдающейся работоспособностью, рѣдкимъ образованіемъ,—Ядринцевъ остался навсегда въ исторіи Сибири, какъ публицистъ, поэтъ, археологъ, этнографъ, статистъ... Охватить вполнѣ всѣ стороны этой замѣчательной личности—дѣло очень нелегкое. Какая, напримѣръ, трудная (и вмѣстѣ благодарная!) задача—выяснить зарожденіе и развитіе у Ядринцева идеи областничества, которая дала тонъ его дѣятельности во всемъ ее громадномъ объемѣ. Въ очеркѣ г. Лемке рѣшеніе этой задачи лишь намѣчено.

Дѣлая это замѣчаніе и вообще указывая на то, что работа г. Лемке представляетъ лишь легкій очеркъ біографіи Ядринцева, мы далеки отъ мысли дѣлать какіе-либо упреки автору біографіи или, тѣмъ болѣе, ея издателю. Мы не можемъ этого сдѣлать хотя бы потому, что въ распоряженіи г. Лемке было сравнительно мало біографическихъ матеріаловъ, а на призывъ редакціи «Восточнаго Обозрѣнія»—подѣлиться письмами Ядринцева, воспоминаніями о немъ, откликнулись очень и очень

Digitized by Google

немногіе. Къ тому же архивъ Ядринцева еще не разработанъ, а г. Лемке не могъ имъ пользоваться, такъ какъ архивъ находится не въ распоряженіи редакціи «Восточнаго Обозрѣнія». Наконецъ, полнотѣ біографіи помѣшало и то обстоятельство, что многія замѣтки и матеріалы какъ самого Ядринцева, такъ и лицъ къ нему близкихъ, не могутъ быть опубликованы въ настоящее время: для дѣятелей русскаго просвѣщенія и науки «исторія» наступаетъ обыкновенно съ значительнымъ запозданіемъ.

Сдѣлавъ эти оговорки, объясняющія эскизный характеръ работы г. Лемке, мы должны признать, что составленная имъ біографія Н. М. Ядринцева заслуживаетъ полнаго вниманія всѣхъ интересующихся личностью покойнаго. Г. Лемке съ достаточной полнотой исчерпалъ всѣ имѣвшіеся у него печатные матеріалы, а рукописи Ядринцева, бывшія въ распоряженіи редакціи «Восточнаго Обозрѣнія», и письма, которыми подѣлились съ г. Лемке нѣкоторыя частныя лица, вносятъ кое-что совсѣмъ новое для характеристики Ядринцева. Несомнѣнно и то, что при всей своей эскизности, книга г. Лемке значительно облегчитъ работу будущаго біографа Н. М. Ядринцева. Кстати сказать, намъ извѣстно, что лицами, близкими къ покойному Н. М. Ядринцеву и хранящими главные матеріалы для его біографіи, почти тотчасъ послѣ его смерти задумано ея составленіе. Надо надѣяться, что миновавшее десятилѣтіе со дня смерти Н. М. Ядринцева ускоритъ появленіе задуманной біографіи, основанной на обширныхъ и цѣнныхъ матеріалахъ, оставшихся недоступными г. Лемке... Пока же нельзя не привѣтствовать отъ души изданія редакціи «Восточнаго Обозрѣнія»: большая заслуга напоминать о такихъ людяхъ, какъ Ядринцевъ, обществу, забывчивому и часто равнодушному.

Н. М—нъ.

Digitized by Google

ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ.

„Восточное Обозрѣніе“—1904 г. № 129. „Нохоръ“ (другъ)—очеркъ изъ бурятской жизни, *А. И. Д.* Прекрасно написанный очеркъ вводитъ въ психологію старика-бурята, не мирящагося съ новымъ укладомъ жизни, созданнымъ подъ русскимъ вліяніемъ. Этнографическое значеніе очерка увеличивается хорошо переданнымъ русско-бурятскимъ жаргономъ.—Корреспонденція съ низовья Колыма, *М. С.* Рѣчь идетъ о правовомъ положеніи чукчей и ламутовъ Приводится рядъ юридическихъ дѣлъ, очень запутанныхъ, благодаря тому, что ламуты уже вошли въ сферу дѣйствія русскаго уголовнаго закона, а чукчи судятся по обычному праву и суду русскому подлежатъ только въ случаѣ убійствъ, совершенныхъ ими внѣ предѣловъ своего постояннаго жительства.—**132.** Въ корреспонденціи изъ Красноярска сообщается о двухъ предполагаемыхъ экспедиціяхъ въ Туруханскій край. Одна изъ нихъ займется собираніемъ и этнографическихъ свѣдѣній.—**146.** *Таежные разсказы.* Старикъ-звѣроловъ передаетъ между прочимъ разсказъ о лѣсовикѣ слѣдующаго содержанія. Съ зимовья охотника вихрь нѣсколько разъ сносилъ крышу. Охотникъ „смѣтилъ, что это лѣсовикъ гадитъ“, и однажды, когда лѣсовикъ, „обернувшись вихремъ“, несся на избу, выстрѣлилъ въ него Въ лѣсу раздался крикъ, а на утро передъ охотникомъ явился лѣсовикъ: „на человѣка похожъ, только большой: съ лѣсину будетъ“. По требованію великана, охотникъ идетъ „на совѣтъ“ лѣсовиковъ. Оказывается, охотникъ вчера отстрѣлилъ палецъ у одного лѣсовика. „Вашъ товарищъ мнѣ крышу портилъ, я въ него и выстрѣлилъ“, отвѣчаетъ охотникъ. „Совѣтъ“ рѣшаетъ такъ: избу охотника снести, какъ стоящую на дорогѣ, по которой ходитъ лѣсовикъ, а въ видѣ вознагражденія выдать охотнику столько золота, сколько онъ унесетъ. Жена лѣсовика, похожая на обыкновенную бабу („краденая, должна быть“), учитъ охотника не брать золота, а взять углей. Жадный мужикъ не исполнилъ совѣта лѣсовихи и остался въ накладѣ: зимовье снесено, а золото превратилось въ угли.—**171.** Въ корреспонденціи изъ Кондуя (Забайкалье) подробно описывается мѣстное овцеводство. Приведено много мѣстныхъ техническихъ терминовъ.—**175.** Перепечатка изъ „Новостей“ статьи г. Соломина о дѣятельности католическихъ миссіонеровъ въ Тибетѣ. Приведены параллели между христіанскимъ и буддійскимъ вѣроученіями.—**180.** Въ корреспонденціи изъ Нерчинска сообщается о слѣдующихъ обычаяхъ: чтобы остановить градъ, выставляютъ на улицу чугунный горшокъ, покрытый сковородкой; для той же цѣли ставятъ въ сѣняхъ за дверьми метлы. **184.** Китайцы на Амурѣ, какъ торговцы и рабочіе. *А. Тейковца.* Въ корреспонд. изъ села Баэроновки (Иркутской губ.) разсказывается слѣдующее о „порчѣ“ посредствомъ „хомута“. Дѣлается кольцо изъ конскаго волоса, обвивается суровой ниткой и съ наговоромъ бросается подъ ворота того лица, которому хотятъ повредить; человѣкъ или скотина, перешагнувшая подброшенное кольцо), получаетъ „хомутъ“; заболѣвшій хомутомъ падаетъ въ припадкѣ, а на томъ мѣстѣ, на которое попалъ хомутъ, появляется опухоль. Отъ хомута лѣчатъ особыя знахарки; дѣло ограничивается тѣмъ, что на больного надѣваютъ хомутъ, снятый съ вспотѣвшаго коня.—**186.** Въ корреспонденціи съ Алтая сообщается о любопытномъ движеніи среди „монголовъ“. Алтайскій инородецъ (или монголъ, татаринъ,—какъ они извѣстны больше среди живущихъ здѣсь

Digitized by Google

русскихъ), по имени Четъ, прибывшій недавно изъ китайской Монголіи, началъ пропагандировать среди своихъ сородичей-шаманистовъ новые религіозные взгляды. Четъ проповѣдовалъ уничтоженіе старыхъ религіозныхъ обычаевъ и порядковъ (но не только ихъ, какъ увидимъ дальше), послѣдователямъ своимъ онъ приказывалъ уничтожать всѣ предметы, имѣвшіе прежде какое-либо религіозное значеніе,—какъ-то, божковъ, бубны, служившіе при камланіи и проч., и вмѣсто этого вводилъ особый культъ, состоявшій въ привязываніи къ березѣ бѣлыхъ тряпочекъ и окропленіи ихъ молокомъ, произнося при этомъ какія-то прошенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Четъ требовалъ, чтобъ его послѣдователи не носили русскаго платья, отказались отъ всякаго обращенія съ русскими (и тѣ, которые уже приняли православную вѣру, поскорѣе отказались бы отъ нея), не употребляли бы русскихъ денегъ, словомъ—постарались бы стать по отношенію къ русскимъ въ совершенно независимыя условія, такъ какъ „у васъ-де все равно скоро будетъ другой владыка,—не Апкашъ-ханъ, а Японаханъ, „который скоро-де явится къ намъ и прогонитъ русскихъ“.

Дѣйствія этого пропагандиста не ограничились тѣмъ участкомъ, гдѣ онъ жилъ (Кырлыкъ, недалеко отъ Усть-Кана), но онъ разсылалъ еще гонцовъ и по окрестностямъ, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣйствовали въ его пользу довольно успѣшно.

Четъ въ качествѣ проповѣдника оставался недолго; скоро онъ сталъ во главѣ той религіи, которую пропагандировалъ, сказавъ, что онъ-то и есть тотъ богъ, которому монголы должны поклоняться въ приведенныхъ выше внѣшнихъ формахъ; но и въ этой новой роли Четъ оставался также недолгое время, въ концѣ-концовъ онъ объявилъ, что онъ также и царь. Въ число прозелитовъ попали инородцы не только шаманисты, но также нѣкоторая часть православныхъ, хотя можетъ быть, и противъ своей воли, такъ какъ многихъ, не желавшихъ примкнуть къ этому движенію, Четъ жестоко наказывалъ. Около этого бога-царя собралось до четырехъ тысячъ послѣдователей. Они были разогнаны русской властью, а самъ Четъ съ женою, дочерью и съ 30 горячими сторонниками былъ арестованъ и отправленъ въ Томскъ.—**197.** Изъ бумагъ сибирскаго патріота. Приведена неапечатанная до сихъ поръ статья *Н. М. Ядринцева* „Буддизмъ, какъ религія несчастія“.—**210.** Перепечатка изъ „Царицынскаго Вѣстника“ сообщаетъ о старинномъ приволжскомъ обычаѣ наказывать невѣрную жену, надѣвая на нее хомутъ, опутывая талью возжами и гоняя ее въ такомъ видѣ по улицѣ. При этомъ женщина должна быть въ одной сорочкѣ, простоволосая и съ расплетенной косой.

Естествознаніе и Географія. Подъ ред. *М. П. Вараввы.* **1904. 5.** *Романовскій, В.* Сванетія и сваненъ. Очеркъ составленъ по слѣд. соч—іямъ: Стояновъ—„Путешествіе по Сванетіи“ (X кн. Запис. Кавк. Отд. И. Р. Г. О.), Долгушинъ—„Черезъ Сванетію къ Эльбрусу“ (Сборникъ мат. для опис. м. и пл. Кавказа, вып. XXVIII), кн. Эристовъ—„Записки о Сванетіи“.—**7** и **8.** *Шульце Францъ,* Исторія развитія родиповѣдѣнія. Перев. *Е. С.*—**7.** *Th.* Городское и сельское населеніе въ С.-Ам. Соед. Штатахъ. (Статист. свѣдѣнія).—**8.** Смѣсь: Пять важнѣйшихъ положеній антропогеографіи (По д-ру Шёне въ „Päd“. Bl. für Lehrerberufe, 1903, Mai).

Землевѣдѣніе. Періодическое изданіе Географическаго Отдѣленія И. О. Л. Е., А. и Э. Подъ ред. *Д. Н. Анучина.* **1904 г. кн. I—II.** *Адлеръ. Б.* Музей этнографіи и антропологіи имени Императора Петра Великаго при Императорской Академіи Наукъ. Авторъ даетъ краткій очеркъ исторіи развитія музея изъ петровской „кунсткамеры“, при чемъ попутно дѣлаетъ указанія на многія поступившія въ музей коллекціи.—*А., Д.* Литература по Японіи. Помѣщенъ длинный списокъ названій. (См. „Этн. Обозр.“ 1904, № 2, стр. 203—206).—Географія и соприкасающіяся съ ней науки въ нѣмецкихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ лѣтній семестръ 1904 г. Данъ очеркъ курсовъ, которыми представлена географія въ большей части нѣмецкихъ университетовъ и въ нѣсколькихъ техническихъ школахъ. Нѣкоторые имѣютъ непосредственное или ближайшее отношеніе къ этнографіи, какъ напр.: 1) въ Берлинѣ—

Digitized by Google

Sieglin: Географія Италіи и важн. провинціи римской имперіи, *Oncken*: Нѣмецкая колонизація на востокѣ въ 12 и 13 вѣкахъ, *Streck*: Передняя Азія и клинообразныя надписи, *v. Luschan*: Народовѣдѣніе Океаніи, *v. d. Steinen*: Полинезійская миѳологія, *Его же*: Этн. упражненія въ этн. музеѣ, *Seler*: Исторія открытія и завоеванія Мексики, *Его же*: Религія мексиканцевъ, *Ehrenreich*: Исторія первоб. культуры (эргологія—оружіе, орудіе, посуда) съ демонстраціями въ этн. музеѣ, *Vierkand*: Психологія народовъ, *Vacha*: Исторія и географія Персіи, *Lange*. Религія японцевъ, *Velten*: Географія восточной герм. Африки, *Lippert*: Географія Судана, *Его же*: Герм. зап.-африк. колоніи; 2) во Фрейбургѣ—*Neumann*: Общая антропогеографія, *Grusse*: Этнологическія упражненія; 3) въ Геттитенгенѣ—*H. Wagner*: Общая антропогеографія; 4) въ Галле—*Herzberg*: Географія Италіи въ древности; 5) въ Кенигсбергѣ—*Krauske*: Истор. географія Германіи; 6) въ Марбургѣ—*Niere*: Истор. географія древней Греціи, *Drevermann*: Первоб. исторія человѣка; 7) въ Лейпцигѣ—*Ratzel*: Пространство и время въ исторіи земли и народовъ, *Weule*: Введеніе въ изученіе народовѣдѣнія, *Его же*: Этнографія Океаніи; 8) въ Мюнхенѣ—*Ranke*: Курсъ антропологіи и антропологич. психологіи; 9) въ Тюбингенѣ—*Koken*: Происхожденіе и первобыт. исторія человѣка; 10) въ Вѣнѣ—*Hoernes*: Антропологія съ введеніемъ въ первоб. исторію человѣка, *Haberland*: Этнографія Стараго Свѣта; 11) въ Инсбрукѣ—*v. Wieser*: Путешествія Марко Поло; 12) въ Бернѣ—*Brückner*: Страна и народовѣдѣніе Азіи, *Его же*: Народовѣдѣніе, *Brunnhofer*: Историко-географическое изложеніе и критика путешествій Геродота; 13) въ Цюрихѣ—*Stoll*: Общ. этнологія, *Его же*: Страновѣдѣніе Австраліи и Полинезіи, *Его же*: Страновѣдѣніе Сѣв. и Сред. Америки, *Martin*: Введеніе въ общ. антропологію, *Frey*: Основы антропогеографіи и друг — Въ „Протоколахъ" Геогр. Отдѣленія И. О. Л. Е. А. и Э. перечислены доклады, сдѣланные на засѣданіяхъ отдѣленія; изъ нихъ нѣкоторые имѣютъ отношеніе къ этнографіи., а именно *Д. Н. Анучинъ*—О Мангазеѣ и мангазейской землѣ, *А. М. Остроуховъ*—Изъ поѣздки въ сѣв.-зап. Монголію: Урянхайцы и ихъ страна, *М. К. Барсовъ*.—О природѣ и населеніи горнаго Алтая, *А. В. Андріановъ*—О доисторическихъ могилахъ Минусинскаго края. Приложеніе: По Азіатской „Европейской Турціи". Изъ книги Gugo Grothe: „Auf turkischer Erde") Перев. О. Романовой, подъ ред. С. Григорьева. Съ рисунками. (Не оконч.).

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1904. Янв. *С. П. Розановъ*. Замѣтки по вопросу о русскихъ хронографахъ. Авторъ примыкаетъ къ мнѣнію ак. Шахматова о происхожденіи хронографа (составленъ въ Россіи южнымъ славяниномъ), подкрѣпляя этотъ взглядъ подробнымъ разборомъ болѣе поздняго мнѣнія ак. А. И. Соболевскаго. Въ дальнѣйшемъ авторъ излагаетъ нѣкоторыя собственныя замѣтки по вопросу объ источникахъ хронографа.— *В. И. Ламанскій*. Славянское житіе св. Кирилла какъ религіозно-эпическое произведеніе и какъ историческій источникъ. XXIV—XXV (первыя главы въ Ж. М. Н. Пр. 1903 г., см. „Этн. Об." кн. LX). Въ основу изслѣдованія авторъ кладетъ тотъ взглядъ, что „Житіе" не простая лѣтопись или вѣрная запись всего слышаннаго отъ близкаго человѣка и отчасти очевидца, а прежде всего литературное, религіозно-эпическое произведеніе, частью сотканное изъ узоровъ собственнаго измышленія автора на канвѣ нѣсколькихъ изъ слышанныхъ имъ фактовъ историческихъ и лишь въ концѣ своемъ основанное на личныхъ воспоминаніяхъ автора и вообще болѣе или менѣе точныхъ свѣдѣніяхъ; дошло оно до насъ въ спискахъ, не болѣе раннихъ, чѣмъ второй половины XV вѣка. Изъ сравненія житія съ другими источниками авторъ выводитъ, что Кириллъ и Меѳодій были посланы патріархомъ Фотіемъ къ Руси славянской въ 861 г. при Аскольдѣ и Дирѣ; это именно надо понимать подъ хазарской миссіей (Gardhariki-Хазарія или Газара). Въ это время Константинъ Философъ привезъ съ собою славянскія книги и письмена. Результатомъ этой проповѣди въ землѣ полянъ было основаніе христіанской общины, появленіе славянскаго богослуженія и слав. грамоты, сохраненіе до позднихъ временъ и во многихъ спискахъ исключительно у насъ бесѣды и наставленія Констан-

Digitized by Google

тина Философа, или даже Кирилла Философа, или просто Философа. Эта бесѣда редакторомъ нашего лѣтописного свода была внесена въ нашу первоначальную лѣтопись и приписана неизвѣстному философу греку, современнику кн. Владимира. Владимирово крещеніе смѣшивается съ первымъ крещеніемъ (861 г.) и миссіонеру греческому у Владимира приписывается то, что входило въ первоначальный текстъ житія Константина, при разсказѣ объ его хъзарской (т.-е. русской) миссіи, и что въ дошедшемъ до насъ текстѣ житія именно и отсутствуетъ—*И. Н. Смирновъ.* Окончаніе подробнѣйшаго разсмотрѣнія матеріаловъ, представляемымъ тт. I—XVIII болгарскаго изданія „Сборник за народни умотворения, науки и книжнина". (см. дек. „Ж. М. Н. Пр. 1903 г.) —*И. Толстой*, гр. Культъ Аполлона на Воспорѣ и въ Ольвіи.— **Февр.** *В. М. Истринъ.* Изъ области древне-русской литературы. IV. Эта глава посвящена вопросу о редакціяхъ Толковой Полеи.—*И. И. Соловейчикъ.* О значеніи загадочныхъ словъ „Мани, Ѳекелъ, Фаресъ" въ книгѣ Даніила. Разобравъ и отвергнувъ различныя гипотезы для объясненія этихъ словъ, авторъ присоединяется къ мнѣнію *Ch. Clermont—Ganneau* съ небольшой поправкой; загадочныя слова означаютъ: „мина вѣситъ два фараса", толкованіе же Даніиломъ этой простой фразы, которую не могли прочесть халдейскіе мудрецы, основано исключительно на аллитераціи, парапомасіи и игрѣ словъ, что свойственно восточному вкусу.—*А. Н. Веселовскій.* Къ вопросу о родинѣ легенды о св. Граалѣ. Эта статья является продолженіемъ прежнихъ работъ академика о св. Граалѣ; здѣсь онъ сближаетъ легенду западную съ эѳіопской легендой о сынѣ Соломона и царицѣ Савской.-Отчетъ о книгахъ: 1) *Труды* Владимирской ученой архивной комиссіи. Кн. V. съ прилож. 21 рис. и 3 плановъ. Владиміръ. 1903 г. ц. 3 р. 50 к. 2) *Нарбековъ.* Южно-русское религіозное искусство XVII—XVIII вв. Казань. 1903.—*А. С. Архангельскій.* Труды ак. А. Н. Пыпина въ области исторіи русской литературы.

Міръ Божій 1904. 6. *Рожковъ Н.* Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. (Продолженіе также въ №№: 7, 8, 9, 10 (не ок.)—*Зѣлинскій, Ѳ. проф.* Изъ древнеримскихъ бытовыхъ отношеній. Дана яркая характеристика этихъ отношеній по работѣ М. И. Ростовцева: „Римскія свинцовыя тессеры", 3 ч. ч. СПб. 1903. Тессеры—небольшіе вылитые изъ свинца круглые значки съ различными на нихъ изображеніями животныхъ, фигуръ и предметовъ. (Тессеры—отъ греч. *τεσσαρα*—четыре: четвероугольная табличка).—На родинѣ: Вымирающіе лопари (изъ „Русс. Вѣд."), Прокаженные въ арханг. губ. (оттуда же).—7, 8, 9, и 10 *Богдановичъ, Татьяна.* Очерки изъ прошлаго и настоящаго Японіи.—7. *Кондурушкинъ, С.* Печать и культура въ Сиріи. (Корреспонденція изъ Дамаска).—9, 10. *Кауфманъ, Александръ.* Въ среднеазіатскихъ степяхъ. Изъ лѣтнихъ впечатлѣній (Не оконч.).

Правительственный Вѣстникъ. 1904. 87. Въ Русск. Археол. обществѣ. (Засѣд. 11 апрѣля). Представленъ проектъ *Н. И. Веселовскимъ* о раскопкахъ въ Волоколамскомъ уѣздѣ. Докладъ *Н. И. Привалова.* „О музыкальныхъ инструментахъ русскаго народа въ историческомъ и археологическомъ отношеніи" (съ иллюстраціей инструментовъ и исполненіемъ музыкальныхъ мелодій). Между прочимъ, отмѣченъ „хоръ гусляровъ, играющихъ на инструментахъ, типа эпохи удѣльнаго княжескаго періода".— **88.** *Малченко.* Двадцатилѣтіе губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій. Указаны только общія положенія о „комиссіи".—**111.** Южная Манчжурія. (Фельетонъ. Изъ доклада Я. С. Эдельштейна въ Геогр. о-вѣ).—**121.** Археологическія изслѣдованія въ Бахмутскомъ уѣздѣ (о докладѣ Городцова въ Моск. Археол. о-вѣ, 12 апрѣля). **125.** Современная Индія. (Изъ доклада въ Русск. Геогр. о-вѣ санскритолога бар. А. А. Сталь-фонъ-Гольштейна, путешествовавшаго по Британской Индіи въ 1903 г.).—**127.** Печерскіе эсты (Фельетонъ. См. здѣсь „Смѣсь").—**144** и **145.** *Овсянниковъ, Н.* Историко-археологическія чтенія въ Твери (фельетонъ). Съ 29 мая по 8 іюня читали лекціи проф. С. Ѳ. Платоновъ, проф. Н. В. Покровскій, проф. И. Я. Гурляндъ, ак. А. И. Соболевскій, В. В. Майковъ. Приведено краткое изложеніе лекцій.—**161.** Имп. Публ. Библіотека въ 1899 году.

Digitized by Google

(Фельетонъ). По отчету б-ки, приведены свѣдѣнія о наиболѣе цѣнныхъ пріобрѣтеніяхъ: многія изданія и рукописи имѣютъ большую цѣну и для этнографіи.—173. *Д. П.* Каѳедры русскаго языка въ Японіи, Китаѣ и Кореѣ. (Фельет.). Въ Японіи—15 каѳедръ: 12 въ Токіо, 1 въ Осаки, 1 въ Хаккодате, 1 въ Нагасаки; въ Китаѣ—21; въ Кореѣ—2. Для просвѣщенія Кореи много дѣлаетъ директоръ казанской инородческой учительской семинаріи Н. А. Бобровниковъ (семинарія печатаетъ русско-корейскій словарь). Въ Сеулѣ дѣйствуютъ въ области распространенія русск. языка русск. диплом. агентъ К. И. Веберъ и кап. Н. Н. Бирюковъ.—174, 177, 179 и 185. Нѣкоторые итоги изслѣдованія степныхъ областей. (Фельетонъ разработанъ по слѣдующимъ изданіямъ: „Матеріалы по киргизскому землепользованію. Изд. М. З. и Г. И. т. I Акмол обл. Кокчетавскій уѣздъ, 1898; т. II, Атбасарскій уѣздъ 1902 г.; Семипал. обл. Павлодарскій уѣздъ т. IV. 1903 г., Тург. обл. Кустанайскій у. т. V 1903 г.; Актюбинскій у. т. VII 1903 г.; Акмол. обл. Омскій у. т. XI 1902 г.).—188 и 189. Изслѣдованіе живого русскаго языка, (Фельетонъ).—195, 196, 197, 198, *Гъ*, *К.* Къ исторіи славянскаго самосознанія и славянскихъ сочувствій въ русскомъ обществѣ. (Изъ 40-хъ годовъ XIX столѣтія). Фельетонъ.—200. Даръ харьковскому Университету, а именно: приводимый въ порядокъ архивъ харьк. духов. консисторіи за 200 лѣтъ, интересный въ историко-бытовомъ отношеніи.—Статистика Японіи. (См. „хронику").

Русскій Антропологическій журналъ. Изданіе Антропологическаго Отдѣла. И. О. Л. Е., А. и Э. подъ ред. *А. А. Ивановскаго* Кн. XV—XVI. 1903. № 3 и 4. [1]) *Гершельманъ Э.* Формы грудной железы у эстоновъ. Эта спеціальная тема разработана авторомъ съ нѣкоторыми подробностями, важными для этнографіи. Указавъ, что формы женскаго тѣла наиболѣе изучены у представительницъ неевропейскихъ расъ (напр., Плосс'омъ-Бартельсомъ, Stratz'емъ, Монтегацц'ей и др.), авторъ высказываетъ соображенія, по которымъ онъ сталъ заниматься изслѣдованіемъ формъ грудной железы у европейской женщины. Въ образованіи послѣдней здѣсь вліяютъ не только физическія свойства расы, но также экономическое и соціальное положеніе женщины, костюмъ, обычаи и пр. Разсмотрѣвъ разные „типы" груди, авторъ указываетъ, что сдавливаніе одеждою нижней части грудной клѣтки благопріятствуетъ опусканію грудныхъ железъ. Лифляндскія нѣмки почти всѣ поголовно носятъ корсетъ; эстонки завязываютъ юбку тесьмами вокругъ таліи и часто носятъ корсетъ; русскія съ береговъ Цейпуса не знаютъ корсета и носятъ свободныя сарафаны. Сообразно съ этимъ хуже всего развиты груди у лифляндскихъ нѣмокъ, потомъ слѣдуютъ эстонки, наиболѣе же развиты груди у русскихъ.—*Дзержинскій, И. Э.* Поляки Ново-Александрійскаго уѣз. Люблинской губерніи. Три гмины уѣзда населены малополянами, къ которымъ Закржевскій причисляетъ еще краковянъ, польскихъ горцевъ карпатскихъ, сандомирянъ, нелецкихъ горцевъ, привислянъ, боровяковъ, людъ тарновскій, людъ ржешовскій и др. Эти люблинскіе малополяне сосѣдятъ съ малороссами на востокѣ, съ мазурами на сѣверѣ. Большого вліянія малорусской культуры здѣсь однако не было; наоборотъ, мазуры оставили значительные слѣды. Мазуры, примѣшавшись къ ляхамъ-собственно или къ бѣлымъ хорватамъ, кореннымъ жителямъ, образовали этническую группу теперешнихъ малополянъ съ своеобразными физическими чертами. Давъ подробную антропологическую характеристику малополянъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что преобладающій типъ среди большинства славянства, занимающій центръ славянства, постепенно измѣняется къ окраинамъ, пріобрѣтая черты сосѣднихъ народностей. Въ составъ населенія Ново-Александрійскаго у. вошли, по всей вѣроятности: 1) высокіе брахицефалы темнаго типа (м. б. представители славянъ кельтской расы), 2) высокіе брахицефалы свѣтлаго типа (не представители ли финно-тюркскихъ племенъ), 3) высокіе долихоцефалы свѣтлаго типа (скандинавской расы) и 4) низкорослые брахицефалы (тоже, вѣр., финно-тюркскихъ племенъ). Преобладающее значеніе имѣетъ первый типъ,

[1]) См. „Этн. обозр." Кн. LVII.

Digitized by Google

такъ какъ, по всей вѣроятности, распространяясь съ Дуная, а потомъ съ Карпатъ на сѣверъ и востокъ, онъ все больше вытѣснялъ или скорѣе растворялъ въ себѣ первоначально жившій на славянскихъ земляхъ длинноголовый типъ. Послѣдній, покидая большую часть Европы, уступилъ ее въ борьбѣ за существованіе короткоголовому типу славяно-кельтской расы.—*Витунскій, С.* О ростѣ населенія Кирилловскаго уѣзда Новгородской губерніи. На сѣверѣ Евр. Россіи жили когда-то, сталкивались и смѣшивались лопари, разные финскіе народцы, югра и ильменскіе славяне, покорившіе ихъ и объединившіе культурно. Пропорція смѣшенія была различна, и потому на сѣверѣ сейчасъ нѣсколько антропологическихъ типовъ смѣшаннаго населенія. Въ Кирилловскомъ у. авторъ выдѣляетъ высокорослый и малорослый типы. Высокорослое населеніе пришло въ Новгородскую губ. съ юга по р. Ловати (дается подробный маршрутъ его движенія до С. Двины и Онеги); этотъ типъ принадлежитъ ильменскимъ славянамъ, а не „чуди бѣлоглазой", которыхъ нѣкоторые также считаютъ племенемъ высокорослымъ. Малорослый типъ принадлежитъ не славянскому племени; онъ рѣзко выраженъ въ глухихъ мѣстахъ, удаленныхъ отъ главнѣйшихъ путей сообщенія В. Новгорода; туда инородцевъ оттѣсняли славяне.—*Воробьевъ, В. В.* Нѣсколько данныхъ по антропологіи великорусской женщины. Онѣ ростомъ ниже великорусскихъ мужчинъ, болѣе круглоголовы, по степени ширины лица одинаковы съ мужчинами; онѣ также болѣе свѣтловолосы, болѣе темноглазы; среди женщинъ больше сохранился чистый типъ (свѣтлый и темный), чѣмъ среди мужчинъ (больше смѣшанныхъ).—*Ивановскій Ал.* Опытъ антропологической классификаціи населенія Россіи. Работа А. А. Ивановскаго представляетъ огромный интересъ не только для антрополога, но и для этнографа. Этнографія очень часто безсильна разрѣшить вопросъ объ историческихъ процессахъ сложенія того или другого этническаго типа. Съ бо́льшею положительностью это можно сказать объ этническихъ типахъ, обитающихъ въ Европ. и Аз. Россіи. А. А. Ивановскій своимъ „опытомъ антропологической классификаціи" открылъ вѣрный путь къ рѣшенію вопроса. Мы сейчасъ судимъ о великоруссахъ по языку, по скуднымъ историческимъ и географическимъ указаніямъ, по антропометрическимъ безотносительнымъ характеристикамъ. Но вѣдь языкъ или отдѣльные факты его перенимаются и чуждымъ племенемъ; геогр. названія мѣняются прихотливо: одни забываются, другія искажаются, третьи вновь нарождаются; истор. свѣдѣнія, при отсутствіи письменности, и науки, гадательны. А. А. Ивановскій подошелъ къ этому вопросу во всеоружіи сравнительнаго метода, примѣненнаго къ антропологическимъ даннымъ. Разобравъ каждый изъ антропологическихъ признаковъ (цвѣтъ волосъ и глазъ, ростъ, головной указатель, лицевой указатель и т. д.) для всѣхъ народностей, живущихъ въ Россіи, авторъ даетъ таблицу своей классификаціи и объясненія къ ней. Въ таблицѣ выдѣлены группы различныхъ степеней сходства, а потомъ по этимъ степенямъ проведены сближенія между отдѣльными этническими группами. Самъ авторъ оговаривается, что чаще всего сближенія неполны, въ далекихъ степеняхъ; что классификація эта довольно условна, что достовѣрна она безусловно только тогда, когда „всѣ десять признаковъ" совпадаютъ. Тѣмъ не менѣе получаются многіе интересные выводы какъ частные, такъ и общіе. Изъ частныхъ выводовъ укажемъ: свѣтлый типъ распространенъ среди населенія Россіи очень мало, подавляющее большинство—смѣшанный типъ и особенно брюнетическій Въ восточной части Евр. Россіи ростъ населенія понижается сравнительно съ зап. частью ея. Населенія Кавказа самое высокорослое во всей Россіи; ему уступаетъ населеніе Средней Азіи; ростъ населенія Сибири самый низкій; въ общемъ—чѣмъ свѣтлѣе типъ, тѣмъ выше ростъ. Во всей Россіи населеніе попреимуществу брахицефалическое. Изъ болѣе общихъ выводовъ укажемъ слѣдующіе: Славянская группа, т. е. группа племенъ съ преобладаніемъ слав. племени, является значительно смѣшанной; сюда входятъ: всѣ в.-руссы, б.-руссы, м.-руссы (за исключеніемъ м.-руссовъ Кіевской губ. и кубанскихъ казаковъ), поляки, литовцы, зыряне, казанскіе и касимовскіе татары и башкиры. Къ этой группѣ ближе, чѣмъ къ другимъ, стоятъ астрах.

Digitized by Google

калмыки и калмыки вообще. (Интересны также выводы и относительно всѣхъ этихъ племенъ въ отдѣльности). Совершенно обособились отъ всѣхъ народностей евреи, образовавъ еврейскую антропологическую группу. Армянская группа состоитъ изъ армянъ разн. мѣстъ Кавказа, къ нимъ приближаются кабардинцы, айсоры, люли, крымскіе татары. Въ осетинскую группу, кромѣ осетинъ, входятъ малороссы-казаки. Особое пока мѣсто занимаютъ кумыки. Также обособились лезгины-кюринцы. Вопросъ о происхожденіи малочисленнаго племени удинъ остается открытымъ. Курды, персы, азербейджанскіе татары, мезлеганцы и иштигардцы составляютъ группу курдо-персидско-азербейджанскую. Въ группу среднеазіатскую входятъ киргизы, таранчи, авганцы, дунгане, сарты, сибо-шибинцы, китайцы. Одиноко стоятъ каракиргизы; одиноки и туркмены. Въ монгольскую группу входятъ: арбунсумуны, калмыки-чахары, турфанскіе калмыки, кульджинскіе и тарбагатайскіе торгоуты, халхасцы, самоѣды, телеугеты, буряты (не всѣ) и тунгусы. Въ якутскую группу входятъ: якуты, къ нимъ близки сѣв. тунгусы и астрах. калмыки. Буряты стоятъ одиноко, тоже и остяки. Вся эта статья А. А. Ивановскаго является краткимъ изложеніемъ недавно вышедшей его диссертаціи „Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи". М. 1904. 4°. VI+287 стр. (въ Трудахъ Антропологическаго Отдѣла Имп. Об-ва Люб. Естествознанія, томъ XXII).—*Косоротовъ*, *Д.* О ритуальныхъ поврежденіяхъ у скопцовъ. (По даннымъ одного скопческаго дѣла). Автору и прив.-доц. Масловскому, въ качествѣ экспертовъ по судебному дѣлу, пришлось освидѣтельствовать около 100 человѣкъ, изъ нихъ 52 (24 муж. и 28 жен.) съ скопческими поврежденіями. По происхожденію сектанты оказались преимущественно финнами, по вѣроисповѣданію—лютеранами (русскихъ православныхъ было только 5). Главарями были однако русскіе—отецъ и сынъ Овчинниковы. Ритуальныя скопческія поврежденія являются въ двухъ видахъ—„малой" и „большой печати"; для первой терминъ—„посадить на пѣгаго коня", для второй—„посадить на бѣлаго коня". Выраженіе „чистота", „убѣленіе" относятся къ тому же ритуалу. Характерна пѣсня: (въ записи): „О Господи благослови царску песеньку намъ спѣть намъ святого Духа въстрѣть Просимъ милости поди добро пожаловать кати глаголаетъ Господь Самъ сы Покровомъ сойду къ вамъ съ небесною съ высотою живагласною трубою Живагласная труба приняла много труда Изъ малинова куста летитъ птица не пуста у ней золоты уста Изъ крутова бережка быстра рѣчка протѣкла насъ матушка съберегла на свои ручки взяла и глаголывала сама быть ты дитѣтко смѣла хочу *сажать на коня На коня тебя посажу* путь дорожку провожу да блаженнаго рая судъ и воля свѣтъ твоя Богу слава честь держава во вѣки вѣковъ Аминь." Отрывокъ изъ поученія: „Любезная душа стремись всегда на прекрасную свадьбу агнца и на небесный пиръ... купи себѣ вѣчное счастье, вымѣняй *бѣлаго коня*; тотъ конь привезетъ тебя къ чести, садись на него скорѣе, поѣзжай" (Переводъ съ финской записи). Далѣе приводятся медицинскія свѣдѣнія о ритуальныхъ поврежденіяхъ. Приведена и одна „радѣльная" пѣсня, въ которой упоминается о *печати* (она спросится на Страшномъ Судѣ), объ отреченіи отъ *слабой плоти*, о необходимости *узаконить* себя. (Запись русская, но многія слова искажены финскимъ произношеніемъ). Члены скопческой общины („дѣти Божіи") держатся сплоченно, ведутъ воздержную жизнь, весьма трудолюбивы и добросовѣстны другъ съ другомъ. Половыя стремленія у нихъ однако не совсѣмъ угасаютъ. Главарей своихъ скопцы обожаютъ. Нѣкоторые фанатики, по изслѣдованію въ психіатрической больницѣ, оказались душевно-больными.—*Адлеръ*, *Б.* Луки и стрѣлы. Сѣверной Азіи. (Сокращенное изложеніе двухъ работъ того же автора на нѣмецкомъ языкѣ: 1) Der nordasiatische Pfeil. и 2) Die Boden Nordasiens (обѣ въ Internat Archiv für Ethnograph. 1901, 1902). Авторъ считаетъ сѣверно-азіатскій лукъ „сложнымъ"; возможно, что онъ произошелъ изъ „усиленнаго", родина котораго въ этомъ случаѣ была или въ сѣв.-вост. Азіи или въ сѣв.-зап. Америкѣ.—*А. А. Ивановскій*, Д А. Коропчевскій (некрологъ).—Критика и библіографія.—Извѣстія и замѣтки.

Digitized by Google

Русскій Архивъ. 1904. 1—5. *Ѳ. А. Гиляровъ.* Воспоминанія (Любопытны по описанію быта духовенства, начиная съ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія).— **3.** Грамота царя Алексѣя Михайловича кіевскому воеводѣ боярину Василію Борисовичу Шереметеву (1659 г.).—**4.** *Ѳ. М. Уманецъ.* Князь Константинъ - Василій Острожскій. — *А. А. Титовъ.* Острожскіе архіереи былого времени (XVIII в.). Изложеніе изслѣдованія *Н. Чернавскаго,* помѣщеннаго въ Трудахъ Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи (Вып. VII и X, Оренбургъ 1903 г.).—**5.** *А. В. Баловъ.* Понедѣльникъ и понедѣльничанье. Историко-этнографическій очеркъ. Чествованіе понедѣльника авторъ объясняетъ тремя причинами: 1) князь Владиміръ по понедѣльникамъ подвергалъ наказанію людей, не являвшихся къ богослуженію въ воскресные дни; 2) церковью понедѣльникъ посвященъ безплотнымъ силамъ; 3) вліяли западныя астрологическія сочиненія, въ которыхъ понедѣльникъ являлся днемъ тяжелымъ, какъ посвященный лунѣ (die lunae), приносившей несчастіе людямъ (ссылки на статью *Н. Петрова,* народныхъ праздникахъ, въ т. IV Трудовъ Кіевской Духовной Академіи за 1871 г.).—**9.** *М. Успенскій.* Японія и Корея по сочиненіямъ XVIII столѣтія.

Русскія Вѣдомости, 1904, 146, 148, 177, 180 и 184 (см 108), *Танъ,* Русскіе въ Канадѣ (*прод. и оконч.*).—**156,** *Sh.,* „Сіонъ-Сити" и его пророкъ. Авторъ посвящаетъ статью подвигамъ извѣстнаго Джона - Александра Дауи или пророка Иліи, пророчествующаго среди англичанъ и американцевъ, которыхъ грубо эксплоатируетъ для обогащенія своей казны.—**167.** *Хахановъ А.* Памяти Умикова. Покойный грузинскій писатель былъ любителемъ древней грузинской письменности, памятники которой издавалъ и комментировалъ.—**183, 210, 241,** *Анучинъ. Д.* Къ характеристикѣ японцевъ. Какъ бы ни были различны тѣ элементы, изъ которыхъ сложилась японская нація, они слились въ теченіе вѣковъ въ одно этническое цѣлое и притомъ, повидимому, болѣе однородное по языку, обычаямъ, традиціямъ, чѣмъ это можно сказать о другихъ націяхъ Азіи и Европы. На этой однородности настаиваютъ многіе наблюдатели, основательно ознакомившіеся съ населеніемъ Японіи. Персиваль Лауэль приписалъ даже японцамъ „отсутствіе индивидуальности" (lack of personality),— именно въ ихъ психикѣ и во внѣшнемъ habitus'ѣ. Тенъ-Кате замѣчаетъ, что, проѣзжая по Японіи, путешественникъ всюду видитъ одно и то же. „Тѣ же некрасивыя, гримасничающія физіономіи и коротко остриженные волосы у мужчинъ, тѣ же улыбающіяся лица съ кокетливыми прическами у женщинъ; тотъ же костюмъ и та же обувь, та же походка, тѣ же манеры, тѣ же пріемы разговора. Среди сотни китайцевъ, японцевъ, арабовъ и европейцевъ одного и того же соціальнаго класса можно, несомнѣнно, и по отношенію къ психикѣ, и къ внѣшнему виду встрѣтить бо́льшія индивидуальныя различія, чѣмъ у японцевъ. Жилища и домашняя обстановка, утварь и прочія принадлежности быта представляютъ то же самое". Разумѣется, есть различія, стоящія въ связи съ общественнымъ положеніемъ, степенью достатка, образованіемъ, наконецъ, съ антропологическими, расовыми и индивидуальными особенностями, но послѣднія, по Тенъ-Кате, менѣе выражены у японцевъ, чѣмъ у какого-либо другого народа. Необходимо, впрочемъ, оговорить, что другіе наблюдатели не раздѣляютъ такого взгляда, и, напримѣръ, д-ръ Бэльцъ замѣчаетъ, что различіе физіономій у японцевъ не меньше, чѣмъ у европейцевъ, да и различіе въ костюмѣ, особенно въ настоящее время, когда начинаютъ распространяться и европейскія моды, не только не уступаетъ, но даже превосходитъ встрѣчаемое въ Европѣ. Извѣстная доля правды, однако, въ утвержденіи Тенъ-Кате, повидимому, есть; областныя и мѣстныя различія выражены въ Японіи во всякомъ случаѣ слабѣе, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ.

Для характеристики народа важны въ особенности его психическія качества. Прежде всего важно указать тѣ характерныя черты японцевъ, которыя обратили на себя вниманіе уже первыхъ европейцевъ, вступившихъ съ ними въ сношеніе. Древнѣйшія извѣстія объ Японіи, основанныя не на слухахъ только, добытыя не изъ вторыхъ рукъ, а изъ личнаго знакомства съ народомъ, отно-

Digitized by Google

сятся къ XVI вѣку. Первыми европейцами, попавшими въ Японію, были португальскіе матросы Мендецъ Пинто съ товарищами. Японцы, получивъ отъ нихъ ружье, черезъ полгода сами сдѣлали 600 такихъ ружей. Вмѣстѣ съ подражательностью развиваются заимствованія ихъ у разныхъ народовъ вплоть до нашего времени. Въ 1870-хъ годахъ подражательность достигла апогея, но потомъ появилась реакція.

Вообще подражательность японцевъ и усвоеніе ими иностраннаго сдерживались факторами, проходящими черезъ всю исторію развитія японской культуры. Однимъ изъ факторовъ была живучесть исконныхъ національныхъ началъ, которыя, хотя и затушевывались временами вліяніемъ иной культуры, но не подавлялись имъ и вызывали рано или поздно реакцію. Другимъ факторомъ былъ складъ японской психики, ума и чувства, что будетъ пояснено въ дальнѣйшемъ изложеніи. Реакція національныхъ началъ сказалась, напр., въ томъ, что, несмотря на сильное вліяніе китайской культуры, японцы не усвоили себѣ китайскаго взгляда на военную службу, какъ на низшее занятіе, а, напротивъ того, признавали ее благороднѣйшимъ дѣломъ, и военное сословіе—самураи—играло въ японскомъ обществѣ всегда выдающуюся роль. Соціальный строй Японіи не былъ передѣланъ по китайскому образцу, а выработалъ собственныя системы: феодализма съ его владѣтельными князьями (дайміо) и сіогуната—съ фактическимъ управленіемъ сіогуна при номинальномъ верховномъ владычествѣ священнаго императора, сына Неба, микадо. Своеобразные рыцарскіе нравы, знаменитое харакири или сеппуку (самоубійство разрѣзомъ живота),—все это было самобытнымъ японскимъ. Сильное развитіе національной гордости и патріотизма составило также характерную черту японцевъ, рѣзко отличающую ихъ отъ китайцевъ. Это національное чувство вызывало сильное противодѣйствіе всякій разъ, когда усиленіе иностраннаго вліянія угрожало національнымъ основамъ. Реакція послѣдовала и въ новѣйшее время, съ 80-хъ годовъ. Она выразилась въ томъ, что съ 1880 года во всѣхъ начальныхъ и среднихъ школахъ было снова введено преподаваніе морали Конфуція, признанной устарѣвшею тринадцать лѣтъ тому назадъ. Европейское знаніе продолжало усвоиваться, но на европейцевъ стали смотрѣть какъ на соперниковъ, которыми можно пользоваться, но которые сами по себѣ не заслуживаютъ уваженія, тѣмъ болѣе что японцы въ состояніи усвоить всѣ ихъ знанія и даже достигать еще бо́льшихъ успѣховъ.

Началось сильное движеніе націоналистическое. Основалась большая партія,—Ниппонъ-шуги-то („японская партія") съ участіемъ въ ней многихъ выдающихся общественныхъ дѣятелей—въ цѣляхъ поддержанія началъ націонализма противъ европеизма. Торговая палата въ Токіо высказалась противъ введенія европейскаго торговаго законодательства, японскій парламентъ заявилъ себя противъ метрической системы, яко бы несовмѣстимой съ честью націи. Учителя въ народныхъ и среднихъ школахъ, по свидѣтельству бывшаго президента совѣта министровъ графа Окумы, являются поборниками самаго яраго шовинизма; неудивительно поэтому, что школьники гордятся тѣмъ, если имъ удастся гдѣ-нибудь на улицѣ нанести оскорбленіе иностранцу. Токійскій университетъ, по словамъ Вёлерса, сталъ въ послѣдніе годы школой крайняго націонализма, на что указалъ въ одной изъ своихъ рѣчей даже маркизъ Ито. „Эта реакціонная тенденція,—замѣчаетъ онъ, направленная противъ иностранцевъ, особенно нелѣпа въ настоящее время, когда нація готовится вступить на путь распространенія своей дѣятельности въ сосѣднихъ странахъ". „Для меня глубоко прискорбно,—говорилъ тотъ же Ито въ концѣ 1899 года,—видѣть въ Токіо, на улицахъ, дамъ-иностранокъ, подвергающихся грубымъ толчкамъ на тротуарахъ со стороны невоспитанныхъ молодыхъ людей (студентовъ), которые считаютъ, повидимому, дѣломъ чести такое непристойное поведеніе относительно иностранцевъ". Но голоса благоразумныхъ людей не въ состояніи остановить стихійнаго проявленія яраго шовинизма, воспитаннаго вѣками. Еще въ XIV вѣкѣ одинъ изъ японскихъ государственныхъ людей и ученыхъ, Цикафуса, восклицалъ: „Великая Ямато—божественная страна! Только одной

Digitized by Google

нашей странѣ положено было основаніе божественнымъ предкомъ. Единственная она была передана богиней солнца длинному ряду ея потомковъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ чужеземныхъ странахъ". Тѣ же идеи повторяются и въ настоящее время во всѣхъ японскихъ школахъ. Императорскій рескриптъ 13-го октября 1890 г., установившій принципы моральнаго обученія, заключаетъ въ себѣ такое указаніе: „Наши предки положили прочныя основы государству, въ которомъ были глубоко вкоренены добродѣтели, и наши подданные единодушною своей лояльностью и сыновнею преданностью развили ихъ въ совершенствѣ въ теченіе вѣковъ. Такова сущность національной политики, и таковъ истинный принципъ нашей системы образованія" (въ дѣйствительности же микадо былъ, какъ извѣстно, еще въ древнія времена игрушкой въ рукахъ соперничавшихъ знатныхъ фамилій, а впослѣдствіи игралъ роль своего рода далай-ламы, тогда какъ фактическая власть принадлежала сіогуну). „Наша священная книга,—говорится въ начальныхъ японскихъ учебникахъ морали,— есть наша исторія, святая и совершенная, образецъ нравственности для всѣхъ временъ". „Слово нашихъ императоровъ, основанное на указаніяхъ, оставленныхъ императорскими предками, той же природы, что небо и земля. Составляя законъ для всѣхъ поднебесныхъ и великое правило для всѣхъ вѣковъ, оно не подлежитъ обсужденію, какъ догматы, установленные людьми" (повидимому, намекъ на христіанство; извѣстно, что въ теченіе ряда вѣковъ „слово" микадо ничего не значило, не могло даже раздаваться, и все подчинялось власти сіогуновъ). „Нашъ великій Ниппонъ, управляемый мудрымъ императоромъ, стоитъ выше всѣхъ странъ міра. Въ чужеземныхъ странахъ являлись пророки, чтобы проповѣдовать людямъ нравственность, но люди оставались жестокими, подобными дикимъ звѣрямъ. Въ Японіи не было пророковъ; народъ въ ней добръ по природѣ, ибо наша почва и нашъ климатъ предрасполагаютъ людей къ добротѣ" (!). „Японецъ руководствуется любовью къ добродѣтели, тогда какъ низкій европеецъ ищетъ только физическаго и чувственнаго удовольствія". Въ средней школѣ проходится исторія Японіи, въ которой доказывается, что происхожденіе Японской имперіи совершенно отличное отъ другихъ государствъ. „Оно не обязано завоеванію; изъ всѣхъ странъ одна Японія не испытала позорной побѣды чужеземцевъ... Съ того времени, какъ великая богиня солнца Аматерасу послала съ неба на землю своего сына Нинигн-но-Микото, одинъ непрерывный рядъ императоровъ изъ вѣка въ вѣкъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе управлялъ нашею страной... Наша имперія представляетъ изъ себя какъ бы великую семью, развившуюся въ націю... Отношеніе между императоромъ и его подданными есть въ одно и то же время отношеніе отца къ дѣтямъ и господина къ слугамъ. Императорская фамилія есть семья предковъ нашей націи, и всѣ семьи народа составляютъ только ея развѣтвленія". Профессоръ токійскаго университета Инуйе, ярый націоналистъ, развивалъ ту же идею въ публичной лекціи, прочитанной имъ передъ громаднымъ числомъ слушателей 5-го ноября 1898 г. „Во всѣхъ другихъ странахъ,—говорилъ профессоръ,—государь происходитъ изъ народа, въ Японіи же народъ имѣетъ честь происходить отъ императора, а императоръ является потомкомъ боговъ. Другія страны хотя и знаютъ сыновнее почтеніе и патріотизмъ, но это—не то почтеніе и не тотъ патріотизмъ, что мы видимъ въ Японіи!"...

Извѣстные японскіе писатели Ноте и Нитобе тоже доказываютъ, что любовь къ родинѣ, лояльность и вообще рыцарская доблесть должны считаться исключительно японскими качествами. „Японцевъ, — замѣчаетъ Тенъ-Кате, — за послѣднія двадцать лѣтъ (особенно послѣ успѣшной для нихъ китайской войны) обуяла манія величія, они считаютъ себя самымъ интеллигентнымъ, самымъ храбрымъ и самымъ могущественнымъ народомъ въ мірѣ, забывая, что всею своею культурой они обязаны либо китайцамъ, либо европейцамъ".

Японская интеллигенція стала доказывать, что Японія, какъ передовое государство Азіи, способна открыть новый періодъ развитія для азіатскаго Востока и что ея нація обладаетъ такими духовными силами, съ помощью

Digitized by Google

которыхъ она можетъ обогнать въ цивилизаціи передовыя націи Запада и даже начать новую эру въ исторіи человѣчества...

Въ одной „руководящей“ статьѣ журнала *The Far East* (англійское изданіе японскаго журнала *Kokumin-no-Tomo*) за 1897 г. были высказаны такія мысли: „Цивилизація, возникшая на берегахъ Нила и Евфрата и развившаяся на берегахъ Средиземнаго моря и Атлантическаго океана, нынѣ распространяется на страны, окружающія Тихій океанъ. Такъ называемая западная цивилизація встрѣтила здѣсь другую расу и другую культуру, совершенно особенныя по ихъ природѣ и происхожденію... Развѣ есть другая раса въ свѣтѣ, столь промышленная и столь выносливая, какъ китайцы? Столь прогрессивная и столь сильная духомъ, какъ японцы? Китайцы встрѣчаются теперь во всѣхъ портахъ Тихаго океана и вездѣ составляютъ важный элементъ пришлаго населенія. „Для нихъ жизнь значитъ торговля и дѣятельность; они не могутъ дня оставаться безъ дѣла. Они въ состояніи жить при самой скудной пищѣ, совершенно недостаточной для всякой другой національности. Они въ состояніи работать за самое низкое вознагражденіе,—столь малое, что никакой другой народъ не можетъ съ ними въ этомъ конкурировать. Исключительные законы американцевъ противъ азіатовъ наглядно доказываютъ, какъ боятся западныя націи китайскаго труда. Мы, японцы, не можемъ жить такъ бѣдно, какъ наши сосѣди, не можемъ и работать такъ упорно, какъ они, но мы обладаемъ стремленіемъ искать лучшаго. Если мы находимъ что-либо передовое или лучшее, чѣмъ у насъ, мы не колеблемся откинуть свое и усвоить чужое. Въ Европѣ намъ завидуютъ. Анти-японское настроеніе начинаетъ проявляться съ разныхъ сторонъ и по разнымъ поводамъ. Но несомнѣнно, что міръ не предназначенъ быть ареной исключительно бѣлыхъ актеровъ. Создатель,—если онъ былъ,—не сотворилъ другія расы только для того, чтобы быть вѣчными слугами или рабами бѣлыхъ. Важнѣйшая миссія для сыновъ страны Восходящаго Солнца—доказать, что міръ созданъ для всѣхъ, а не для ограниченнаго числа расъ и націй“.

Проф. Укита въ статьѣ „Объ изученіи исторіи съ восточной точки зрѣнія“ (въ томъ же журналѣ), указавъ на односторонность взглядовъ европейскихъ историковъ, по которымъ только арійскіе народы могутъ считаться историческими и исторія человѣчества есть въ сущности исторія бѣлой расы, развиваетъ мысль, что предметъ исторіи есть все человѣчество, что нѣтъ такого варварскаго народа, исторія котораго не могла бы интересовать ученаго историка, что противоположеніе Запада Востоку, христіанства—язычеству, цивилизаціи — варварству теологично и ненаучно, что терминъ „раса“ не въ состояніи ничего объяснить въ исторіи. „Если азіаты первые двинули впередъ цивилизацію и передали ее Европѣ, этимъ они не были обязаны превосходству своей расы. Точно также, если европейцы высоко развили заимствованную ими съ Востока цивилизацію, то это не было слѣдствіемъ божественнаго предопредѣленія ихъ расы. Все это произошло подъ вліяніемъ обстоятельствъ и благопріятныхъ естественныхъ условій. Если новѣйшая Европа не въ силахъ создать общеевропейскаго союза, надъ нею будетъ произнесенъ тотъ же приговоръ исторіи, какъ и надъ Греціей,—она потерпитъ крупное фіаско въ великой миссіи, порученной ей Провидѣніемъ...

„Какъ солнце восходитъ на востокѣ и заходитъ на западѣ, такъ и свѣтъ цивилизаціи нынѣ возвращается въ области его зарожденія. Западъ, унаслѣдовавшій его отъ Востока три тысячи лѣтъ тому назадъ и снова въ средніе вѣка, нынѣ уплачиваетъ Востоку свой долгъ съ крупными процентами. Взамѣнъ трехъ открытій, сдѣланныхъ въ Китаѣ,—компаса, пороха и книгопечатанія,—Западъ посылаетъ теперь пароходы, желѣзныя дороги, телеграфы. За финикійскій алфавитъ, индійскія цифры, арабскую науку, мануфактуру шелка и бумаги и другіе начатки искусства и промышленности, полученные съ Востока, Европа уплачиваетъ теперь безцѣнными продуктами новѣйшихъ знаній и искусствъ. Мы убѣждены, что въ будущемъ Востокъ начнетъ снова реагировать на Западъ и тѣмъ подготовитъ новую эру культурнаго развитія, болѣе

Digitized by Google

полнаго, богатаго и благороднаго, чѣмъ какое когда-либо видѣло человѣчество... Новѣйшая исторія не есть конецъ, а скорѣе начало новаго періода,— періода человѣчества, въ которомъ всѣ люди будутъ признаваться членами одной расы и въ сравненіи съ которымъ вся древняя, средняя и новая исторія померкнетъ въ своемъ значеніи..."

Далѣе, слѣдуя девизу „Азія для азіатовъ", японская интеллигенція проповѣдуетъ борьбу съ европейскими колоніями въ Азіи.

Сопоставляя различныя характеристики японцевъ, сдѣланныя иностранцами, легко убѣдиться, что очень многое написано о нихъ оптимистически. Неблагопріятный, но интересный отзывъ о японцахъ даетъ д-ръ Тенъ-Кате. По его словамъ, у японцевъ слабо развита личная индивидуальность, сильно преобладаютъ стадныя чувства; простонародье не способно къ усиленному вниманію, медленно въ ассоціаціи идей. Они податливы къ внушенію и гипнозу. Идеализмъ и философское умозрѣніе не соотвѣтствуютъ ихъ складу ума. Нѣтъ глубокихъ религіозныхъ концепцій. Они непрактичны („недѣловые правы"); простосердечіе и правдивость у нихъ рѣдкость. Отзывъ Тенъ-Коте вызвалъ рѣзкія возраженія со стороны д-ра Бельца. Онъ считаетъ изученіе народной психики дѣломъ труднымъ. Онъ различаетъ различные слои японскаго народа, по которымъ нельзя дать общей характеристики: есть тупые, безчестные, но много примѣровъ и обратнаго характера. Ихъ хорошими качествами Бельцъ считаетъ храбрость, смѣлость, презрѣніе къ опасности, жизнерадостность, стремленіе къ прогрессу, отсутствіе скупости и жадности, веселый юморъ.

Приведенные два отзыва могутъ служить образчиками двухъ противорѣчивыхъ взглядовъ на японцевъ. Такое противорѣчіе не должно считаться удивительнымъ; если сопоставить характеристики различныхъ европейскихъ народностей,—французовъ, англичанъ, нѣмцевъ, русскихъ,—то можно найти среди нихъ не менѣе противорѣчивыя; одни наблюдатели подмѣчаютъ по преимуществу отрицательныя и несимпатичныя качества, другія выставляютъ особенно на видъ положительныя и благопріятныя. По отношенію же къ японцамъ такое противорѣчіе объясняется еще тѣмъ, что въ народѣ этомъ много парадоксальнаго до такой степени, что даже лучшіе знатоки его колеблются въ составленіи опредѣленнаго о немъ мнѣнія; съ другой стороны, это—народъ особой расы, т. е. особаго физическаго и психическаго типа,—народъ, который по исторіи развитія своей многовѣковой культуры не имѣетъ ничего общаго съ европейскими народностями. Неудивительно поэтому, что пониманіе его духа должно представлять для европейца значительныя трудности.—**203**. *Кауфманъ, А.* Уголокъ бывшей дикой Башкиріи. Изъ лѣтнихъ впечатлѣній. Изображены неурядицы въ поземельномъ устройствѣ новыхъ поселенцевъ на башкирскихъ земляхъ.—**210** *Макс; А. Ф.* Ратцель (некрологъ).

С.-Петербургскія Вѣдомости 1904. 104. Прокаженные въ Архангельской губерніи. (Докладъ *Орнатскаго* изъ „Русс. Вѣдом.").—**108.** Экспедиція въ Монголію. Русское Геогр. О-во намѣревалось лѣтомъ 1904 г. снарядить статистико-экономическую экспедицію, а также и дополнительную для естественно-историч. изслѣдованій (съ В. В. Сапожниковымъ во главѣ дополнительной).—**127.** Наша печать. Свѣдѣнія о сектѣ іоаннистовъ (изъ статьи *Шебуева* въ „Руси"). Секта проповѣдуетъ близкую кончину міру, т. кк. уже пришелъ прор. Іоаннъ (о. Іоаннъ Кронштадскій). Секта распространяется въ Астраханской губ.—**132.** Въ Археологическомъ Обществѣ. Годичное засѣданіе 14-го мая. По порученію русскаго отдѣленія о-ва, въ отчетномъ году были произведены раскопки и изслѣдованія кургановъ, въ Демянскомъ и Крестецкомъ уз. Новгор. губ., близъ Стар. Ладоги и обслѣдованы нѣкот. городища въ древней Суздальской области. При о-вѣ возникло 4-е отдѣленіе—нумизматическое. Награждены: 1) больш. золот. медалью В. В. Стасовъ за „Миніатюры нѣкоторыхъ рукописей византійскихъ, болгарскихъ, русскихъ джагатайскихъ и персидскихъ" и 2) серебр. медалью П. К. Симони за „Опытъ сборника свѣдѣній по техникѣ и исторіи книгопереплетнаго художества на Руси". Затѣмъ слѣдовалъ докладъ

Digitized by Google

Б. В. Формаковскаго о раскопкахъ близъ г. Николаева. На мѣстѣ гор. Ольвіи обнаруженъ склепъ II—III в. по Р. Х.—**136.** *Соколовскій, Л., д-ръ.* Куцовлахи въ Македоніи. Долго эти интеллигентные валахи считали себя греками; теперь же, проникнувшись національнымъ самосознаніемъ, они доказываютъ, что многіе герои греческой освободительной войны были валахами. Эта идея встрѣчаетъ поддержку въ Румыніи.—**137.** *Соколовскій, Л.* Правовое положеніе женщины въ Японіи (фельетонъ).—**151.** *Врадій, В. П.* Одна черта японскаго характера. (Японецъ будто бы „надмененъ, пока его не проучишь", а потомъ дѣлается „подобострастно льстивымъ"). Авторъ основывается на личн. наблюденіяхъ. **152.** *Его же.* Характеръ корейцевъ. Они нетребовательны къ жизни, лѣнивы, сонливы, падки къ наркотикамъ, наивны, привязчивы, добры. Эта характеристика, какъ и предыдущая, основана на единичныхъ фактахъ, которые были извѣстны автору.—**155.** *Яковлева-Ланская, Н.* Талашкино. Авторъ даетъ очеркъ этого культурнаго уголка (подъ Смоленскомъ), гдѣ подъ покровительствомъ кн. М. К. Тенишевой возрождается древне-русское искусство, колленціонируются русскія древности, изучается народный бытъ, который при этомъ поддерживается въ его разумныхъ и живучихъ элементахъ.—**188.** *П.* Бичъ инородцевъ Вост. Сибири (введена винная монополія).—**200.** Описаніе Манчжуріи (Геологія и флора въ изданіи Русс. Геогр. О-ва.).—**220.** *Заливанскій, М.* Фридрихъ Ратцель. **236.** *Катановъ, Н.* „Asien". Organ der Deutsch-Asiatischen Gesellschaft und der Münchner Orientalischen Gesellschaft. Berlin. 1902—1904. Авторъ знакомитъ съ содержаніемъ этого журнала. За три года напечатано до 150 статей. Среди нихъ отмѣтимъ: Аракелянъ—„Бабизмъ въ Персіи", Находъ—„Воспоминанія объ японской оцѣнкѣ западной науки и западнаго письма 30 лѣтъ тому назадъ", Сорре—„Нѣмецкія раскопки въ Азіи", Варбургъ—„Еврейскія земледѣльческія колоніи", Виртъ—„Эпохи азіатской исторіи", Цепелинъ—„Изъ Центральной Азіи", „Къ изслѣдованію средней Азіи", „Экспедиція ш.-к. Козлова въ Тибетъ", Цеммереръ—„Арменія", Вильчеръ—„Скиѳы и персы", Виртъ—„Развитіе Кореи", Крамеръ—„Отношенія Россіи къ Монголіи", Гротэ—„Къ литературѣ о Персіи", Геннингъ—„Записки русскаго посольства 1693—1694 г. г. при пекинскомъ дворѣ", Клейстъ—„Населеніе Индокитая и французская колонизація", Вегенеръ—„Тибетъ, Лхаса и пути къ нимъ".—**247.** *К-инъ, Ал.* Переселенцы въ Ферганской области.—**253.** *N.* Изъ Удинскаго округа (русско-сойотскія осложненія).—**254.** *Рудневъ, Андрей.* Троицкосавско-Кяхтинское отдѣленіе Русскаго Географическаго. Общества. (За 10 лѣтъ существованія).—**261.** Сектанты въ Тавридѣ (изъ газ. „Салгиръ"). Даны общія свѣдѣнія о раскольникахъ (бѣглопоповщинцахъ, австрійцахъ безпоповщинцахъ), штундистахъ, штундобаптистахъ, молоканахъ, прыгунахъ (смѣсь молоканства, хлыстовщины и „жидовства"). Мѣстные прыгуны поддерживаютъ общеніе съ прыгунами амурскими, отъ которыхъ они иногда получаютъ и духовныя пѣсни—**265.** К. К. Случевскій. (Некрологъ † 25 сент.). (Изъ „Нов. Врем."). Поэту принадлежатъ, между прочимъ", очерки 1886—1888 гг. подъ заглавіемъ „По сѣверу Россіи" и „Балтійская сторона".—**306.** Религіозное движеніе на Алтаѣ. (Сообщеніе *Д. А. Клеменца*, 5 ноября 1904 г. въ Русс. Геогр. о-вѣ. Изъ лѣтней поѣздки). Среди алтайскихъ калмыковъ началось броженіе, вызвавшее подозрѣнія у русской администраціи. Оказывается, что калмыкъ Чета Чолпановъ, бѣднякъ, исходившій Алтай и Монголію, объявилъ войну шаманизму. Онъ проповѣдовалъ молитву съ колѣнопреклоненіемъ и съ безкровными жертвами. 14-лѣтняя краснорѣчивая дѣвочка помогала ему убѣждать калмыцкій народъ, что если онъ не послѣдуетъ за проповѣдникомъ, то наступятъ грозныя времена. Къ нему возами стали возить разные предметы шаманства. Къ Четѣ Чолпанову стекались поклонники на молитву. Начальство рѣшило прекратить эти сборища. Ихъ переловили и вмѣстѣ съ Чолпановымъ отправили въ Бійскъ. Дальнѣйшая судьба ихъ неизвѣстна. Свое сообщеніе г. Клеменцъ иллюстрировалъ фотографіями, костюмами и предметами религіознаго культа калмыковъ.—**309.** Наша печать. О преступности у эстовъ и латышей (свѣдѣнія проф. *В. Ѳ. Чижа* и *А. Клоссовскаго*).—

Digitized by Google

310. *Р. И. Б.*, Китайцы-колонисты (Сингапурскіе типы). Изъ путевыхъ замѣтокъ Андре Зигфрида.

Чтенія въ И. О. Ист. и Др. Росс. 1904. 1. *А. А. Шахматовъ.* О такъ называемой Ростовской лѣтописи.—Лѣтописный сводъ, носящій ошибочное названіе Ростовской лѣтописи извѣстенъ только по списку XVIII вѣка. Моск. Главн. Архива Иностранныхъ Дѣлъ; время и мѣсто составленія этого свода неизвѣстны (ничего ростовскаго въ немъ нельзя замѣтить). Въ основу его положенъ московскій лѣтописный сводъ, доведенный до—1479 года (значитъ, болѣе древній, чѣмъ всѣ до сихъ поръ обнародованные московскіе лѣтописные своды); его сводчикъ дополнялъ систематически по Новгородскому своду, составленному въ 1542—1548 гг. Къ изслѣдованію приложенъ тщательно изданный текстъ „Ростовскаго" лѣтописца.—*Н. Оглоблинъ.* Бытовыя черты XVIII вѣка. (Выписки изъ дѣлъ Сибирскаго приказа). Наиболѣе любопытны: челобитье татаръ о разрѣшеніи продавать дѣтей по случаю голода, отзывы служилыхъ людей о картахъ (игральныхъ), вызовъ самоѣдскихъ шамановъ въ Москву, „видѣніе" крестьянина (направленное противъ новшествъ Петра Великаго).—2—3. *Е. Е. Голубинскій.* Исторія русской церкви. Т. I. Періодъ первый Кіевскій или домонгольскій. Вторая половина тома. Трудъ акад. Голубинскаго издается вторымъ изданіемъ (I-е изд.—1881 г.). Для этнографа особенно важна здѣсь VIII глава о вѣрѣ, нравственности и религіозности народа въ изучаемый періодъ.

Digitized by Google

Новости этнографической литературы.

Абрамовъ, И. „Царь-Максимиліанъ". (Святочная кумедія). Спб. 1904. 33 стр. (Извѣстія Отд. Р. Я. и Сл. Имп. Ак. Н., IX, 3).

Арепьевъ, Н. Ѳ. Первый областной археологическій съѣздъ въ Россіи. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Астанъ, В. Г. Исторія японской литературы. Перев. съ англ. Владивостокъ. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

Беконъ, Алиса. Женщина въ Японіи. Перев. съ 10-го америк. изд. Спб. 1904. Ц. 1 р. 30 коп.

Бессаробя, И. Матеріалы для этнографіи Сѣдлецкой губерніи. Спб. 1904.

Брокгаузъ-Ефронъ. Японія и ея обитатели. Корея и корейцы. Изд. ред. „Вѣстникъ и Библіот. самообраз". Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Буличъ, Н. Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета (1805—1819). Разсказы по архивнымъ документамъ. Часть I. Изд. 2-е. Спб. 1904. Ц. 3 р.

Бѣлоконскій, И. П. Какъ живутъ японцы. Ростовъ на Дону. 1904.

Бѣлоконскій, И. П. Корея. Ростовъ на Дону. 1904.

Василенко, Н. П. О. М. Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи. Кіевъ 1904. 226 стр.

Вермишевъ, Х. А. Матеріалы для исторіи грузино-армянскихъ отношеній. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Весновскій, В. Путеводитель по Уралу. Ек-бургъ. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Виноградовъ, Н. О народномъ говорѣ Шунгенской волости Костромского уѣзда. Ч. I. Фонетика. Спб. 1904. 80 II+100 стр. (Изъ „Извѣстій отд. Р. Яз." т. LXXVII).

Гамильтонъ, А. Корея. Перев. съ анг. Спб. Изд. А. Суворина. 1904 г.

Гаринъ, Н. 1) По Кореѣ, Манчжуріи и Ляодунскому полуострову. Карандашемъ съ натуры. Спб. 1904 стр. 384. Ц. 1 р; 2) Корейскія сказки. Стр. 193. Ц. 60 к. Изд. т-ва „Знаніе".

Гельмольтъ, Г. Исторія человѣчества. Всемірная исторія. Составлена профессорами-спеціалистами. Т. II. Составленъ М. Брандтомъ, проф. д-ромъ К. Вейле, проф. Э. Шмидтомъ и д-ромъ Г. Шурцемъ. Пер. Б. Ф. Адлера и Л. Я. Штернберга подъ ред. акад. В. В. Радлова. Изд. т-ва. „Просвѣщеніе". Вып. 1-й. Ц. 50 к.

Генкель, Германъ. Боги Японіи. Изданіе Сойкина. 1904. 52 стр.

Глаголевъ, С. Религія въ Японіи и Кореѣ. Харьковъ. 1904 Ц. 30 к.

Голубевъ, П. А. Историко-статистическія таблицы по Пермской губ. Пермь. 1904. Стр. XX+156. Ц. 1 р.

Григорьевъ, А. Д. Архангельскія былины и историческія пѣсни, собранныя въ 1899—1901 гг., съ напѣвами, записанными посредствомъ фонографа. Т. I. Часть 1-я: Поморье. Часть 2-я: Пинега. Изд. Имп. Акад. Наукъ. М. 1904. 8⁰. больш. LX+708 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Григорьевъ В. Ю. Перемѣны въ условіяхъ экономической жизни населенія Сибири (Енисейскій край). Красноярскъ. 1904. Стр. 104.

Гуковскій, К. П. Городъ Ковна. Краткій историко-статистическій очеркъ. Ковна. 1904 г. Стр. 120.

Digitized by Google

Гумайюнъ-Намэ. Басни и притчи Востока,--въ переводѣ С. М. С.-Петербургъ. 1904 г. Изданіе редакціи „Новаго Журнала Иностранной Литературы". Стр. 184.

Дальній Востокъ. В. І. Саратовъ. 1904.

Дорошенко, Д. Указатель источниковъ для ознакомленія съ южной Русью. Спб. 1904. Стр. 57, Ц. 40 к.

Дудоровъ, П. Въ странѣ маріонетокъ. Восп. объ Японіи. Спб. 1904.

Записки Отдѣленія руской и славянской археологіи Императорскаго русскаго археологическаго общества. Т. V. Выпускъ 2-й. Подъ редакціей управляющаго отдѣленіемъ С. Ѳ. Платонова. 1904.—Т. VI. 1903.

Ивановскій, А. А. Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи 4⁰. VI+287 стр. М. 1904. Ц. 3 р.

Истоминъ, В. А. Всеобщая исторія. Вып. І. Чтенія изъ исторіи западныхъ и южныхъ славянъ. М. 1904. 116+VIII стр. Ц. 50 к.

Іоллесъ, А. Мѣсто человѣка во вселенной. Пер. съ англ. Л. Лакіера. Изд. О. Поповой. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Катенкампъ-Сѣткова, А. П. Собраніе народныхъ разсказовъ. Спб. 1904 Ц. 75 к.

Коваленскій, М. Н. Японія. Очерки японской культуры. М. 1904.

Корелинъ, М. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. IV. Ассирійскій народъ и его боги покровители. Изд. 2-е. М. 1904. Ц. 30 к.

Кнорингъ, Ѳ. Черезъ Америку и Японію. Спб. 1904.

Крецмеръ, М. Отличительныя черты еврейской націи. Двинскъ. 1904. Ц. 15 к.

Кривощековъ, Ив. Матеріалы для изученія Пермскаго края. Географическій очеркъ Пермской губерніи. П. 1904 г. 8⁰. Стр. съ 33 по 70. („Сборникъ Перм. Земства", 1904, № 2. Приложеніе къ составленной авторомъ картѣ Пермской губерніи).

Крымскій, А. Филологія и Погодинская гипотеза. Даетъ ли филологія малѣйшія основанія поддерживать гипотезу г. Погодина и г. Соболевскаго о галицко-волынскомъ происхожденіи малоруссовъ? I—IV. (Изд. „Кіев. Стар."). Кіев. 1904. 8⁰. XXXVI+113 стр.

Лемке, Мих. Н. М. Ядринцевъ, Біограф. очеркъ. Съ 8-ю иллюстр. и съ введеніемъ И. И. Попова. Изд. ред. газ. „Восточн. Обозр. Спб." Стр. XIV+219. Ц. 1 р. 50 к.

Лисенко, С. И. Очерки домашнихъ промысловъ и ремеслъ Полтавской губ. Вып. III. Полт. 1904.

Лобода, А. М. Русскія былины о сватовствѣ. Кіевъ 1904. Стр. II+293.

Лонгиновъ, А. В. Мирные договоры русскихъ съ греками, заключенные въ X. в. Историко-юридическое изслѣдованіе. Одесса. 1904. Стр. 161.

Лоузль, П. Душа Дальняго Востока. Пер. съ англ. Спб. 1904.

Мечниковъ, И. И. Этюды о природѣ человѣка. Изд. ред. журн. Научное Слово. Стр. 218. Ц. 2 р. 50 к.

Михайловъ, А. В. Къ вопросу о литературномъ наслѣдіи свв. Кирилла и Меѳодія въ глаголическихъ хорватскихъ миссалахъ и бревіаріяхъ. Варшава. 1904. Стр. 145.

Модестовъ, В. И. (проф.). Введеніе въ римскую исторію. Вопросъ до-исторической этнологіи и культурныхъ вліяній въ доримскую эпоху въ Италіи и начало Рима. Часть II. Этруски и Мессаты. Спб. 1904. Ц. 3 р.

Носиловъ, К. Д. У вогуловъ. Очерки и наброски. Съ 41-мъ рис. въ текстѣ Изд. А. С. Суворина. Спб. 1904, 255 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Ончуковъ, Н. Печорскія былины. Зап. геогр. Общ. по отд. этногр. Спб. Стр. XLV+424.

Остроумовъ, И. Г. Вогулы-манси. Историко-этнографическій очеркъ. Съ приложеніемъ: 1)словаря вогульскихъ словъ и 2) списка русской литературы о вогулахъ. Пермь. 1904. 8⁰. 50 стр.

Пермскій. Научно-Промышленный Музей. Выпускъ I. Матеріалы для изученія Пермскаго края II. 8⁰. II+247 стр. Ц. 1 р.

Пилипенко, Г. М. На Дальній Востокъ. Спб. 1904.

Погодинъ, А. Л. проф. Боги и герои Эллады. съ 15 рис. Ц. 1 р.

Digitized by Google

Привалов, Н. И. Гудокъ, древне-русскій народный музыкальный инструментъ, въ связи съ смычковыми инструментами другихъ странъ („Зап. Отд. русс. и слав. арх. И. Р. Арх. О. т. V"). Спб. 1904.

Пругавинъ, А. С. Старообрядчество во второй половинѣ XIX. вѣка. Очерки изъ новѣйшей исторіи раскола. Изд. Сытина. М. 1904. 8⁰. 280 стр. Ц. р.

Ратцель, Ф. Земля и жизнь. Перев. Г. Клуге, подъ ред. проф. Кротова. Съ рис., табл. и картами въ краскахъ. Т. I, вып. 1—7. Изд. т-ва. „Просвѣщеніе". Спб. 1904. Ц. по 50 к. вып.

Реклю, Э. и О. Срединная имперія. Перев. съ франц. О. Косаговской. Изд. Гершунина и К⁰. Спб. 1904. Ц. 90 к.

Рунинъ, С. Въ Манчжуріи. Спб. 1904.

Саратъ Чандра Дасъ. Путешествіе въ Тибетъ. Перев. съ анг. под. ред. В. Котовича. Спб. 1904. Ц. 4 р. (Книга этого ученаго индуса интересна для знакомства съ населеніемъ, бытомъ, культомъ и т. д.).

Соколовская, Тира. Микенская керамика. Форма и орнаментъ сосудовъ микенскаго типа. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Стетсонъ, Шарлотта. Экономическое рабство женщины (Women und economies). Изслѣдованіе экономическихъ взаимоотношеній мужчинъ и женщинъ, какъ фактора въ соціальной эволюціи. Перев. съ англ. М. 1903. Ц. 1 р. 75 к.

Труды Саратовской ученой архивной комиссіи. Вып. 23-й. Саратовъ. 1903. Ц. 3 р.

Уваровъ П. С. Типы и нравы Сахалина. М. Изд. Д. И. Ефимова. Стр. 344. Ц. 1 р. 25 к.

Ядыкъ, Л. Исторія угорской Руси. Съ двумя картами. Варшава. 1904.

Яцимирскій, А. И. Григорій Цамблакъ. Очеркъ его жизни, административной и книжной дѣятельности. Изданіе Императорской академіи наукъ, съ 14-ю снимками. С.-Петербургъ. 1904. Стр. 501.

Abboff, G. F. Macedonian Folklore. London, Cambridge. 1903.

Baring-Gould, S. A. Book of North-Wales. London, Methuen, 1903.

Belval, Challan de. Au Tonkin. 1884—85. 1904. 8.

Bernard, F. A travers Sumatra de Batavia à Atjeh. 1904. 12.

Bishop, Isabella. Among the Tibetans. With illustrations.

Бобчевъ. Старобългарски правни паметници (помогало при изучване историята на старобългарското право). Ч. I. София 1903. VII+176 стр. Ц. 2. 50 лева.

Bonvalot, G. L'Asie inconnue. A travers le Thibet et la Chine. 1904. 8.

Brinton, D. G. The basis of social relations. A study in ethnic Psychology. Lond. a. N. I. Putnanu 1902.

Burgt, F. M. van der. Dictionnaire Français—Kirundi. Bois le Duc. (Hollande) 1904. Много этногр. данныхъ и рисунковъ, относящ. къ быту варундовъ.

Caland, W. Over de „Wenchoffers". Bijdrage fot de Kennis van den Veda. Vol. I. Amsterdam, 1902. 8.

Chamberlain, A. F. Primitive Woman as Poet. отт. изъ Journ. of American. folk-lore. 19 3. X—XII.

Chamberlain, A. F. The Contribution of the American Indians to Civilization. отт. изъ Proceed. of the American Antiquarian Society. 1903., X.

Chavannes, Ed. Dokuments sur les Tou-Kiue (Turcs) occidentaux. СПБ. 1903. 378 стр, Ц. 3 р. (Изд. Ак. Наукъ).

Cvijic, J. Niederlassungen im serbischen Lande. Leipzig. 1903.

Dietrich, A. Eine Mithras Liturgie. Leipzig. 8.

Dorsey, G. A. The Arapaho Son Dance. Chicago, 1903.

Droeber, W. Kartographie bei den Naturvölkern, Erlangen, 1903. брош.

Durham, Mory, E. Through the Lands of the Serb.

Dussaud, R. Notes de mythologie Syrienne. Paris. 1903. 8. брош.

Digitized by Google

Dvorak, R. Chinas Religionen. Münster Aschendorff. 1903. 8. Darstell. aus d. Gebiete d. nichtchristlichen Religionen. XV.

Eisler, R.. Soziologie. Die Lehre von der Entstehung u. Entwickelung d. menschlichen Gesellschaft. Leipzig. Weber, 1903.

Engström, Th. Öland, dess historia, land och folk. Kalmar. 1903. (о. Эландъ).

Gilebous, A. S'. H. Africa from South to North. (Особенно хорошо описана область Замбезе).

•Гнатюк, Володимир. (зібрав.) Знадоби до галицько-руської демопології („Етн. Збірник", Наук. Тов. Ім. Шевч., т. XV) Льв. 1904. 8⁰ 2+272 стр.

Gravier, Gabriel. Madagaskar, les Malgaches, origines de la colonisation française, la conquête.

Gunkel, H. Israel u. Babylonien. Der Einfluss Babyloniens auf d. israelitische Religion. Göttingen, 1903. 8. брош.

Günther, S. Ziele, Richtungen u. Methoden d. modernen Völkerkunde. Stuttgart, Enke, 1904.

Halbfass, W. Eine Wanderung durch die deutschen Sprachinseln in Piemont. Neuhaldensleben. 1903.

Hamilton, A. Korea, das Land des Morgenröthe. Leipzig, Spamer, 1904. перев. съ англ.

Hertz, F. Moderne Rassentheorien. Wien, Stern, 1904.

Hogarth, D. G. The Penetration of Arabia.

Jegerlehner, J. Das Val d'Anniviers (Eivischtal) Führer durch Landschaft, Geschichte, Volk u. Sage eines Walliser Hochtales. Bern. 1904.

La Nézière, J de. L'Extrême Orient en images. Corée, Mandchourie, Japon. Album—4. 1904.

Lefèvre, A. Germains et Slaves. Paris. 1903.

Лесевич, Володимир (зібрав), Оповиданя **Р. Ф. Чмихала.** (Етнографічный збірник. Вид. Етн. Комісия Наук. Тов. Ім. Шевченка, т. XIV). Льв. 1904 8⁰. IV+340 стр.

Louis de la Vallée Ponssin. Mulamadhyamakakarikas (Madhyamikasutras) de Nagarjuna avec la Prasannapada Commentaire de Candrakirti. СПБ. 1903. 112 стр. Ц. 1 р. (Bibliotheca Buddhica IV).

Lumholtz, C. Unknown Mexico. London, 1903. 8. 2. v.

Lynch, G. Corée, Chine et Mandchourie. Les convoitises russes et japonaises. Tr. de l'anglais. 1904. 12.

Marchi, A. de. Il Culto privato di Roma Antica. II. Milan, 1903. 4.

Martonne, E. de. Recherches sur la distribution de la population en Valachie. Paris, Colin, 1903.

Mazzarella, G. Studi di Etnologia giuridica. v. I, 2. Catania.

Meyer, Christian. Die Ehre im Lichte vergangener Zeit. München. 1904.

Moret, A. Le rituel du culte divin journalier en Egypte. Paris. 1902. 8.

Negelein, J. v. Das Pferd im arischen Alterthum. Königsberg, 1903.

Pinet, E. Le culte de St. Geneviève à travers les siècles. Paris, 1903. 8.

Pfungst, Arthur. Aus der indischen Kulturwelt. (Очерки по инд. философіи, религіи, кастовому устройству, фольклору, легендамъ и т. д.).

Reich, H. Der Mimus. Ein literar-entwickelungsgeschichtlicher Versuch. B. I. Berlin, 1903.

Report of the Cambridge Anthropological Expedition to Torres Straits. V. Sociology, Magic a. Religion of the Western Islanders. Cambridge, 1904.

Reuschel, K. Volkskündliche Streifzüge. Leipzig. 1903. 8.

Ribbe, Karl. Zwei Jahre unter den Kannibalen der Solomo-Inseln.

Richter, P. Bilder aus Ost-asien. I Japan, II Mandschurei u. Korea. III. Kiautschou. Güterlsloh, Bertelsmann. 1904.

Rijks, Ethnographisch Museum te Leiden. Verslag van den Directeur's Gravenhage, 1904.

Robertson, J. M. Pagan Christs. Studies in comparative hierology. London, Watts, 1903, 8.

Digitized by Google

Rouse, W. H. Greek Votive Offerings. Cambridge. 8.

Sandbery, Graham. The Exploration of Tibet.

Schinz, H. Schweizerische Africareisende u. d. Antheil d. Schweiz an d. Erschliessung u. Erforschung Afrikas überhaupt. брош. 1904.

Schirmeisen, K. Die Entstehung d. germanischen Göttergestalten. Brünn, Winiker, 1904.

Sergl, G. Gli Arii in Europa e in Asia. Torino, Bocca, 1903.

Speyer, J. S. Avadanaçataka a century of edifying tales, belonging to the hinayana. II. 1903. Ц. 1 p. (Bibliotheka Buddhica).

Stevens, Willaw. The Slave in history, his sorrows and his Emancipation.

Stratz, C. H. Was sind Juden? Eine ethnographisch-anthropologische Sludie. Wien. Leipzig, 1903. брошюра.

Wilser, L. Die Germanen. Beiträge z. Völkerkunde. Eisenach u. Leipz. 1904.

Wyon, Reginald. The Balkans from Within.

Digitized by Google

ХРОНИКА.

Отчетъ о дѣятельности Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. и состоящей при немъ Музыкально-Этнографической Комиссіи за 1903—1904 годъ.

Бюро Этнографическаго Отдѣла, согласно выборамъ 23 ноября 1903 года, составляли: Предсѣдатель — поч. чл. *В. Ѳ. Миллеръ*, Товарищъ Предсѣдателя—непр. чл. *Н. А. Янчукъ*, Секретарь—непр. чл. *В. В. Богдановъ*, Библіотекарь—дѣйств. чл. *А. А. Борзовъ*, Помощникъ библіотекаря—дѣйств. чл. *Е. Н. Елеонская*.

Этнографическій Отдѣлъ въ отчетномъ году имѣлъ 14 засѣданій, изъ нихъ 3 публичныхъ, соединенныхъ съ музыкальной комиссіей, и 11 закрытыхъ. На этихъ засѣданіяхъ сдѣлано было 23 сообщенія:

I. *В. Ѳ. Миллеръ*: 1) Историческія пѣсни изъ Сибири. 2) Неизданныя историческія пѣсни объ Иванѣ Грозномъ.

II. *Н. А. Янчукъ*: Вл. Ѳ. Одоевскій и его отношеніе къ русской музыкѣ—церковной и народной. (Съ демонстраціями на экранѣ).

III. *Д. И. Аракчіевъ*: Сравнительный обзоръ грузино-имеретинской музыки. (Гурійская вѣтвь). (Съ демонстраціями фотографій на экранѣ и иллюстраціями мелодій solo, хоромъ и фонографомъ).

IV. *Н. Л. Бродскій*: Слѣды профессіональныхъ сказочниковъ въ русскихъ сказкахъ.

V. *А. М. Завадскій*: Народцы Андійскаго Койсу. (Доложилъ В. Ѳ. Миллеръ).

VI. *И. Н. Глушковъ*: Украшенія у туркменскихъ женщинъ.

VII. *В. Копыловъ*: Очеркъ быта и религіи сѣверобайкальскихъ бурятъ. (Доложилъ А. Н. Максимовъ).

VIII. *С. К. Кузнецовъ*: 1) Болѣзнь и смерть черемиса. 2) Поминки умершаго въ 7-й и 40-й день. 3) Поминки у черемисъ на Страстной недѣлѣ и въ Троицу. 4) Загробныя вѣрованія черемисъ. 5) Общинные порядки у вотяковъ.

IX. *Е. Э. Линева*: 1) Задачи музыкантовъ-этнографовъ. (Съ демонстраціями мотивовъ solo, хоромъ и фонографомъ. 2) Малорусскія народныя пѣсни и ихъ собиратели. По поводу лѣтней поѣздки въ Малороссію. (Съ музык. иллюстраціями).

X. *А. В. Марковъ*: 1) Къ былинѣ о князѣ Глѣбѣ Володьевичѣ. 2) По сѣверу Россіи. Впечатлѣнія изъ этнографическихъ экскурсій. (Съ

Digitized by Google

иллюстраціями фотографій на экранѣ и мелодій solo, хоромъ, фонографомъ).

XI. *Б. В. Рудинъ*: Народная свадьба, наговоры и пѣсни въ Кинешемскомъ и Костромскомъ уѣздахъ.

XII. *В. И. Рѣзановъ*: Къ вопросу о новѣйшихъ наслоеніяхъ въ русской народной пѣснѣ. (Доложилъ Н. А. Янчукъ).

XIII. *Н. Н. Соколовъ*: Изъ лѣтнихъ діалектологическихъ изысканій.

XIV. *С. К. Шамбинаго*: Къ литературной исторіи старинъ о Вольгѣ.

XV. *А. К. Шемшединовъ*: Изъ кумыцкихъ сказаній.

XVI. *А. С. Якубъ*: Къ былинѣ о Суханѣ.

Отдѣлъ продолжалъ выпускать свое періодическое изданіе «Этнографическое обозрѣніе» подъ редакціей Вс. Ѳ. Миллера и Н. А. Янчука. Съ 1904 года журналъ вступилъ въ 16-й годъ изданія.

Музыкально-Этнографическая Комиссія, состоящая при Отдѣлѣ, имѣла въ отчетномъ году слѣдующее бюро: Предсѣдатель Комиссіи *Н. А. Янчукъ*, Товарищъ Предсѣдателя *А. Т. Гречаниновъ*, Секретарь *Е. Э. Линева*, казначей *А. В. Марковъ*, библіотекарь *В. В. Пасхаливъ*.

Комиссія имѣла 10 засѣданій, въ томъ числѣ 7 закрытыхъ и 3 публичныхъ (соединенныхъ съ засѣданіями Отдѣла). Одно изъ публичныхъ засѣданій было посвящено памяти кн. В. Ѳ. Одоевскаго по случаю столѣтія со дня его рожденія.

Сдѣлано было 13 сообщеній; изъ нихъ пять названы выше: Д. И. Аракчіева, А. В. Маркова (второе), Е. Э. Линевой (оба) и Н. А. Янчука. Остальныя—на слѣдующія темы:

1. *Д. И. Аракчіевъ*: О духовномъ пѣніи грузинъ (предварительный отчетъ).

2. *Е. Э. Линева*: Опытъ фонографическихъ записей въ Полтавской губерніи.

3. *А. И. Листопадовъ*: Народная пѣсня на Дону.

4. *А. Л. Масловъ*: а) О духовныхъ стихахъ и каликахъ. б) О задачахъ музыкальной этнографіи. в) О фотофонографѣ.

5. *В. В. Пасхаловъ*: а) Князь Одоевскій о собраніи русскихъ пѣсенъ Прача, б) О гармонизаціи одной русской пѣсни у Ю. Арнольда.

25-го февраля 1904 года отъ имени Комиссіи въ пользу фонда на ея изданія почетнымъ членомъ Общества, академикомъ Ѳ. Е. Коршемъ, была прочитана платная публичная лекція на тему: «Русская народная пѣсня и ея значеніе для науки». (Лекція сопровождалась демонстраціями народныхъ мелодій.)

Комиссіей въ послѣднее время обращено было особенное вниманіе на духовные стихи, менѣе всего изучавшіеся съ музыкальной стороны. Кромѣ фонографическихъ записей, сдѣланныхъ членами Комиссіи во время лѣтнихъ экскурсій, записи производились также въ закрытыхъ засѣданіяхъ Комиссіи отъ хорошихъ исполнителей при помощи графофона. Получена фонографическая коллекція изъ 70 фонограммъ отъ А. М. Завадскаго съ Кавказа.

Digitized by Google

Въ текущемъ году Высочайше дарованы средства въ суммѣ 2000 р., отпущенныя изъ Государственнаго Казначейства въ единовременное пособіе Муз.-Этнограграфической Комиссіи на изданіе «Трудовъ». Комиссія считаетъ обезпеченнымъ выходъ въ свѣтъ двухъ томовъ «Трудовъ». 1-й томъ уже печатается, 2-й подготовляется. Кромѣ того, законченъ печатаніемъ «Школьный сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ» въ качествѣ пособія при обученіи пѣнію въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; пособіе это разсчитано также на то, чтобы содѣйствовать сохраненію въ народѣ лучшихъ народныхъ старинныхъ пѣсенъ и любви къ нимъ въ образованномъ обществѣ.

На средства члена Комиссіи П. Д. Самарина готовятся къ изданію нѣкоторые изъ трудовъ покойнаго члена О-ва Ю. П. Мельгунова, а именно: 1. «Учебникъ ритмики», составленный имъ и издаваемый подъ ред. ак. Ѳ. Е. Корша, 2) «Общая теорія ритмики Руд. Вестфаля въ переводѣ Ю. П. Мельгунова и съ его добавленіями».

Музыкально-Этнографическая Комиссія ходатайствовала передъ отдѣломъ о представленіи къ награжденію золотой медалью *Е. Э. Линевой* за ея выдающіеся труды въ области русской музыкальной этнографіи и серебряною медалью *А. М. Листопадова* за изслѣдованіе донскихъ пѣсенъ. Означенныя награды были присуждены Обществомъ въ засѣданіи 11-го октября. Комиссіей была представлена въ Отдѣлъ слѣдующая мотивировка по поводу этихъ наградъ:

Въ послѣдніе годы одной изъ важнѣйшихъ задачъ Этнографическаго Отдѣла было изслѣдованіе русской пѣсни и народной музыки. Для этой цѣли Отдѣломъ учреждена и спеціальная Музыкально-Этнографическая Комиссія. Несомнѣнно, что это явленіе стоитъ въ связи съ общимъ оживленіемъ въ наукѣ интереса къ народному творчеству не только въ области словесности, но и вообще художественныхъ проявленій народнаго духа. Этотъ интересъ къ народному творчеству въ настоящее время вступилъ въ иныя фазы, чѣмъ прежде: на мѣсто простого любопытства, курьеза или сентиментальной идеализаціи выступаютъ на первый планъ требованія точнаго знанія. Научная оцѣнка того, что было сдѣлано раньше разными собирателями и изслѣдователями, привела къ прискорбному выводу о недостаточности достовѣрныхъ данныхъ, собранныхъ съ знаніемъ дѣла, а въ связи съ этимъ явилось неизбѣжнымъ недовѣріе и къ тѣмъ выводамъ и обобщеніямъ, какіе дѣлались на основаніи неточныхъ данныхъ. Въ области народной словесности такіе вопросы, какъ, напр. исчезновеніе былинныхъ пѣвцовъ, полное оскудѣніе былевого эпоса, вырожденіе и вымираніе народной пѣсни вообще, считались уже почти безповоротно рѣшенными, и самое дѣло дальнѣйшаго изслѣдованія ставилось чуть ли не на степень ненужнаго пустого занятія. Къ счастью, однако, подобныя утвержденія оказались далеко не основательными, и въ этомъ дѣлѣ немалая заслуга принадлежитъ нашему Этнографическому Отдѣлу. Изъ его среды въ послѣдніе годы выступаетъ нѣсколько лицъ, которыя своими энергичными изслѣдованіями содѣйствуютъ опроверженію ложно-установившихся мнѣній и обогащаютъ

Digitized by Google

науку новыми цѣнными данными въ области народнаго поэтическаго творчества. Изслѣдованія на берегахъ Бѣлаго моря, произведенныя членами Отдѣла А. В. Марковымъ и А. Д. Григорьевымъ, доказали живучесть былинной традиціи до настоящаго времени. Поѣздки другихъ членовъ въ разныя области Россіи дали ясныя доказательства, что и другіе виды народной поэзіи далеко не исчезли и не выродились, а только ждутъ серьезныхъ изслѣдователей. При этомъ Отдѣлъ въ лицѣ своихъ отдѣльныхъ членовъ обратилъ особенно серьезное вниманіе на ту сторону пѣснотворчества, которая прежде пренебрегалась, именно—музыкальную. Цѣлый рядъ поѣздокъ членовъ Отдѣла А. Л. Маслова, И. С. Тезавровскаго, Д. И. Аракчіева и др. дали въ результатѣ цѣнный музыкальный матеріалъ, который въ настоящее время готовится къ выходу въ свѣтъ и дастъ несомнѣнное свидѣтельство о богатомъ музыкальномъ запасѣ, хранящемся въ нѣдрахъ народа. Изслѣдователи, подобные вышеназваннымъ, несомнѣнно, должны заслуживать наше уваженіе и имѣютъ полное право на нравственную поддержку со стороны Общества. Нѣкоторымъ изъ нихъ Общество уже оказало свое вниманіе, присудивъ тѣ или другія награды за ихъ научные труды. Теперь настала очередь отмѣтить выдающіяся заслуги другихъ нашихъ сочленовъ на томъ же поприщѣ, именно Е. Э. Линевой и А. М. Листопадова. Г-жа Линева, давно уже посвятившая себя дѣлу изученія русской музыки и народной пѣсни, способствовавшая ея популяризаціи у насъ и среди иностранцевъ, въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ совершила цѣлый рядъ отдаленныхъ экскурсій, главнымъ образомъ на свои средства, для научныхъ наблюденій въ той же области и для собиранія новыхъ достовѣрныхъ матеріаловъ. При этомъ особенно достойно вниманія, что г-жа Линева впервые примѣнила къ дѣлу точнаго записыванія напѣвовъ фонографъ, который устраняетъ всякія сомнѣнія въ вѣрности записей и даетъ въ высшей степени цѣнный научный матеріалъ. Результаты своихъ наблюденій г-жа Линева неоднократно излагала въ докладахъ Обществу и Отдѣлу. Наконецъ, на-дняхъ вышелъ въ свѣтъ 1-й выпускъ ея великорусскихъ матеріаловъ въ Извѣстіяхъ И. Академіи Наукъ. Всѣ эти труды даютъ ей право на золотую медаль Общества.

А. М. Листопадовъ, своими изслѣдованіями открывшій совершенно особый типъ русской пѣсни на Дону и собравшій обширный и цѣнный матеріалъ, заслуживаетъ награжденія серебряною медалью. Въ заключеніе слѣдуетъ прибавить, что значительная часть матеріаловъ Е. Э. Линевой и А. М. Листопадова вмѣстѣ съ ихъ научными статьями печатаются въ Трудахъ Музыкально-Этнографической Комиссіи Этнографическаго Отдѣла.

Лѣтнія экскурсіи членовъ Этнографическаго Отдѣла и Музыкально-Этнографической Комиссіи были совершены съ значительнымъ научнымъ успѣхомъ. А именно:

1. *Д. И. Аракчіевъ* поѣхалъ въ Терскую область, къ грузинамъ-казакамъ, живущимъ въ станицахъ Александро-Невской и Шел-

Digitized by Google

козаводской. Изъ первой станицы ему пришлось выѣхать на слѣдующій день обратно, «по независящимъ отъ него обстоятельствамъ». Во второй станицѣ онъ записалъ восемь грузинскихъ 2-х- и 3-хголосныхъ пѣсенъ и три ногайскихъ. Отсюда онъ направился въ Тифлисъ и по дорогѣ, въ вагонѣ, записалъ на бумагѣ одну армянскую пѣсню и инструментальную мелодію. Поѣздка изъ Тифлиса въ разныя деревни оказалась для г. Аракчіева неудачной, и только впослѣдствіи, въ самомъ Тифлисѣ, ему удалось вознаградить себя. Въ Тифлисѣ онъ сфонографировалъ слѣдующія мелодіи: 3 духовныхъ пѣснопѣнія (трехголосн.), 3 духовн. пѣсни со свѣтскими текстами (трехголосныхъ), 9 баяти, 1 тушинскую пѣсню, 1 пѣсню на дудкѣ казака стан. Михайловской Куб. обл., 1 гопакъ отъ него же, 1 грузино-мингрельскую пѣсню (на бумагѣ), 35 пѣснопѣній на литургію св. Іоанна Златоустаго (трехголосныя). По окончаніи этихъ записей Д. И. Аракчіевъ выѣхалъ въ Армавиръ Куб. обл. По дорогѣ ему пришлось еще записать отъ студента-болгарина двѣ болгарскія пѣсни и въ самомъ Армавирѣ одну плясовую груз. мелодію на пандури и одну пѣсню армавирскихъ армянокъ. Послѣднія тоже пришлось записать на бумагѣ. Въ общемъ ушло на запись 42 фонограммы, т.-е. все, что было взято изъ Москвы, и только недостатокъ въ послѣднихъ заставилъ прекратить работу. Такимъ образомъ всего записано 67 вокальныхъ пѣсенъ и 4 инструментальныхъ, всего 71 номеръ. Изъ вокальныхъ пѣсенъ особенно цѣнны въ научномъ отношеніи пѣсни грузинъ-казаковъ, которые, будучи оторваны отъ родного края, болѣе 150 лѣтъ сохраняли ихъ, и затѣмъ старинныя баяти, которыя теперь рѣдко кто поетъ. Духовныя пѣснопѣнія, разумѣется, сами по себѣ представляютъ тоже большую цѣнность.

2. *А. Д. Григорьевъ* въ Подольскомъ уѣздѣ Московской губерніи занимался изученіемъ мѣстнаго народнаго говора.

3. *Е. Н. Елеонская* ѣздила въ Козельскій у. Калужской губерніи, откуда ею вывезены коллекціи народной посуды, фотографическихъ снимковъ и принадлежности мѣстнаго костюма.

4. *С. К. Кузнецовъ* совершилъ поѣздку къ черемисамъ и вотякамъ Казанской и Вятской губ. Цѣль поѣздки заключалась въ пополненіи прежнихъ наблюденій, въ собираніи произведеній народнаго творчества инородцевъ и ихъ костюмовъ. С. К. Кузнецовъ изслѣдовалъ районъ вотскихъ и черемисскихъ поселеній въ предѣлахъ малмыжскаго, уржумскаго и яранскаго уѣздовъ Вятской губ., мамадышскаго и царевококшайскаго уѣздовъ Казанской губ. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ записывались пѣсни и преданія, изучались вѣрованія инородцевъ и собирались костюмы. Между прочимъ, впервые удалось записать черемисскія сказки. Отдѣлъ пѣсенъ настолько богатъ, что является полная возможность дать характеристику народной поэзіи черемисъ. Записанныя преданія касаются главнымъ образомъ отношеній черемисъ къ русскимъ и вотякамъ; можно отмѣтить здѣсь, что нѣкоторые моменты историческаго прошлаго обоихъ племенъ довольно ярко обрисовываются въ этихъ преданіяхъ. Параллельно съ собираніемъ преданій осматривались мѣста

Digitized by Google

битвъ черемисъ съ вотяками въ Уржумскомъ уѣздѣ: такъ наз. «Мертвое поле (= *Шöгарà нур*) и Ядыгаровъ городокъ (= *Ядыгàр олà*). или вотяковъ съ татарами (близъ с. Цыпья). Руководствуясь указаніями документовъ XVII в., С. К. Кузнецовъ отыскалъ потомковъ черемисскихъ князей въ предѣлахъ Марисолинскаго прихода Кузнецовской волости, Уржумскаго уѣзда; потомокъ этихъ князей до сихъ поръ называется «князенкомъ» или «царёнкомъ», а вся ближайшая мѣстность, населенная черемисами, наз. *оны̀-марѝ* — «княжескіе черемисы». Любопытно, что циклъ языческихъ праздниковъ, начинаемый весеннимъ «праздникомъ сохи» (*анà = пайрàм*), начинается обыкновенно въ этой мѣстности, при огромномъ всякій разъ стеченіи народа.

Область религіозныхъ вѣрованій черемисъ и вотяковъ изслѣдовалась наиболѣе подробно. На этотъ разъ собранъ обширный матеріалъ о кереметяхъ и изслѣдовано обиталище древнѣйшаго и наиболѣе могущественнаго черемисскаго Кереметя-*Чумбулата*, а у вотяковъ- бога *Астàш*, играющаго ту же роль. До поѣздки своей С. К. Кузнецовъ разсчитывалъ встрѣтить только жалкіе остатки язычества у вотяковъ и черемисъ, но оказывается, что язычество далеко еще отъ умиранія, напротивъ, по мѣстамъ оно значительно окрѣпло. Священныя рощи черемисъ (*кюс-óто*) и вотяковъ (*бадзы̀м луд*) строго охраняются: онѣ снабжены теперь прочною изгородью, а ворота запираются на замокъ отъ посягательства невѣрующихъ. Всѣ приспособленія для жертвоприношеній, которыя прежде дѣлались на время, теперь устроены прочно и на долгій срокъ; рощи часто осматриваются, чтобы предупредить всякое святотатство. Съ другой стороны, С. К. Кузнецову пришлось констатировать крайне своеобразное отношеніе со стороны духовныхъ и свѣтскихъ властей къ язычеству. Тѣмъ и другимъ властямъ въ большинствѣ чуждо знаніе быта, вѣрованій и особенно языка инородцевъ; все ограничивается въ этомъ вопросѣ чисто формальными, карательными мѣрами: духовенство, завидя дымъ жертвенныхъ костровъ, устраиваетъ немедля крестный ходъ, урядники и стражники составляютъ протоколы, чтобы привлечь участниковъ моленія къ отвѣственности по 29 ст. уст. о наказ., налаг. миров. судьями. Во всемъ обслѣдованномъ районѣ С. К. Кузнецовъ нашелъ всего 12 священниковъ, свободно владѣющихъ инородческимъ языкомъ (изъ нихъ 9 человѣкъ—инородцы по происхожденію); этого слишкомъ мало на громадный районъ съ населеніемъ до полу-милліона душъ. Свѣтскія власти еще безсильнѣе въ борьбѣ съ язычествомъ и примѣняютъ всего охотнѣе карательныя мѣры. Инородческій міръ раскололся на двѣ половины: одна тянетъ къ русскимъ и охладѣла къ язычеству совершенно, другая ревниво оберегаетъ свои старыя вѣрованія и уже стремится, хотя бы отчасти, привести ихъ въ систему, о чемъ заботятся нѣкоторые ревнители. Молодое инородческое поколѣніе, прошедшее школу, очутилось въ безвыходномъ положеніи: родители настаиваютъ на соблюденіи языческихъ обрядовъ, а молодежь готова бы доказать старикамъ превосходство христіанства, но ей недоступны тѣ многочисленные переводы на инородческіе языки, которые тысячами экземпляровъ выпускаетъ Брат-

Digitized by Google

ство святителя Гурія въ Казани. Положеніе этой молодежи поистинѣ жалко, и оно уже сказалось въ народной черемисской пѣснѣ. Помимо гоненія на языческіе обряды, различныя строгости направлены противъ народныхъ увеселеній. Какъ это ни странно, въ Вятской губ. пѣсня и хороводы исчезли съ улицы, откуда молодежь разгоняютъ (на основ. 29 ст. устава о наказ.) урядники и стражники. Теперь молодежь для пѣнія и плясокъ собирается на гумнахъ и въ огородахъ или въ наглухо огороженномъ дворѣ. У русскаго населенія теперь не увидите обряда «козомолья» (на Троицкой недѣлѣ), а ноябрьскія «кузьминки» если и совершаются кое-гдѣ, то подъ страхомъ полицейскаго протокола. Въ силу всѣхъ этихъ причинъ инородческій міръ сдѣлался болѣе замкнутымъ; попасть въ него этнографу, если онъ не знаетъ языка, крайне трудно. Такое печальное явленіе наблюдается со времени знаменитаго мултанскаго процесса.

Этотъ процессъ ярко раскрылъ наше невѣжество относительно быта и вѣрованій инородцевъ—съ одной стороны; съ другой стороны—онъ породилъ особый классъ любителей отыскивать у нашихъ поволжскихъ инородцевъ что-нибудь запретное, таинственное, напримѣръ—слѣды каннибализма. Въ одномъ уржумскомъ уѣздѣ, благодаря этому, съ небольшимъ годъ тому назадъ едва было не разыгрались два дѣла, аналогичныхъ мултанскому: одно по обвиненію черемисина дер. *Марй-солд* въ попыткѣ принести въ жертву своего племянника (окончилось увольненіемъ исправника), другое—по обвиненію черемиски с. *Сернуръ* въ продажѣ своей дочери для жертвоприношенія за 100 р. (окончилось внушеніемъ кому слѣдуетъ). Благодаря всему вышеуказанному, цѣлая пропасть отдѣляетъ теперь коснѣющихъ въ язычествѣ инородцевъ отъ всякаго разумнаго на нихъ воздѣйствія. Безъ знанія языка подобное воздѣйствіе невозможно, а всякое любопытство со стороны возбуждаетъ полное недовѣріе инородцевъ. Прежде черемисинъ просто молился объ избавленіи себя отъ стихійныхъ бѣдствій, голода и лютаго звѣря; теперь, заперевъ ограду жертвенной рощи и поставивъ вдоль нея караулъ, черемисы колѣнопреклоненно просятъ великаго бога (*Кугу Юмо*), чтобы онъ спасъ и избавилъ ихъ «отъ мошеника исправника, отъ мошеника попа, отъ мошеника урядника и стражника...» Далѣе идти некуда... Параллельно съ усиленіемъ язычества древняго, съ его кровавыми жертвами и вѣковыми рощами, ширится и крѣпнетъ секта «большой свѣчи» (*кугу сортà*), зародившаяся въ 1881 г. въ Яранскомъ уѣздѣ. Секта эта отвергаетъ кровавыя жертвы, признаетъ одного верховнаго бога и допускаетъ только жертву безкровную—восковую свѣчу и зерновой хлѣбъ; очищающимъ элементомъ она считаетъ не огонь, а воду, но сохранила вѣру во вмѣшательство шайтана въ человѣческія дѣйствія, котораго и изгоняютъ съ моленія деревяннымъ мечомъ. Протекло слишкомъ 20 лѣтъ со времени основанія секты, и никто не позаботился изучить ее. Ссылка въ Сибирь основателей секты не привела ни къ чему: теперь секта охватила по всѣмъ радіусамъ смежные уѣзды: царевококшайскій, уржумскій и яранскій. Духовенство наше, по незнанію языка, не только не сумѣло

Digitized by Google

воспользоваться этимъ движеніемъ среди язычествующихъ въ свою пользу, но и не сдѣлало ровно ничего для изученія секты, такъ что теперь совершенно безсильно бороться съ нею. Сектанты есть во всѣхъ почти селахъ западной части Уржумскаго уѣзда, но они мало замѣтны, такъ какъ молятся по домамъ, плотно закрывая ставни и никого къ себѣ не впуская. Въ то же время мусульманская пропаганда дѣлаетъ свое дѣло на югѣ Уржумскаго уѣзда.

Во всемъ остальномъ инородческая жизнь носитъ старую окраску. Нравы остались прежніе: снохачество процвѣтаетъ, половая свобода сохранилась попрежнему, суевѣрій среди язычествующихъ сколько угодно; во внѣшности замѣтнѣе становится русское вліяніе, сказавшееся на костюмѣ. Молодое поколѣніе, прошедшее школу и порвавшее всякую связь со стариной, чувствуетъ себя крайне одинокимъ и стремится подальше уйти отъ родной среды.

Жреческая организація черемисъ, сторонниковъ кровавыхъ жертвоприношеній, попрежнему зиждется на выборномъ началѣ, съ верховнымъ жрецомъ въ главѣ. Знаменитый сновидецъ, занимавшій этотъ постъ 20 лѣтъ и давшій нѣкогда нашему сочлену свою рекомендательную тамгу, открывавшую ему всюду доступъ, недавно умеръ. Преемникъ его, хотя и пользуется сильнымъ вліяніемъ, но далеко не имѣетъ того обаянія, которымъ славился его предшественникъ. Несчастный верховный жрецъ этотъ, организуя одно за другимъ большія моленія черемисъ, не выходитъ изъ штрафовъ: послѣдній, къ которому онъ присужденъ, достигаетъ 100 р., но это не столько отражается на его достаткахъ (такъ какъ онъ человѣкъ богатый) сколько озлобляетъ его противъ гоненій.

Собранная С. К. Кузнецовымъ коллекція костюмовъ заключаетъ много древнихъ экземпляровъ; между прочимъ, есть головные уборы, украшенные монетами Ивана Грознаго, Михаила Ѳедоровича, Алексѣя Михаиловича и Петра Великаго. Образцы древнѣйшаго шитья любопытны по богатству тоновъ цвѣтного шелка и по звѣриному орнаменту. Всего пріобрѣтено свыше 300 нумеровъ: кафтановъ, рубашекъ, фартуковъ, платковъ обыкновенныхъ и свадебныхъ, поясовъ, полотенецъ и головныхъ уборовъ, не считая различныхъ подвѣсочныхъ украшеній.

Сверхъ того, С. К. Кузнецовъ собралъ значительный матеріалъ для изученія быта вотяковъ, особенно ихъ родственныхъ отношеній, погребальныхъ и свадебныхъ обрядовъ, а также не упускалъ случая дополнить давно задуманный имъ словарь черемисскаго языка.

5. *А. Л. Масловъ* ѣздилъ за границу для изученія музыкально-этнографическихъ инструментовъ, хранящихся въ западно-европейскихъ музеяхъ.

6. *А. В. Марковъ* записалъ тексты отъ крестьянина Смоленской губ., Юхнов. уѣзда, 6 духовныхъ стиховъ: Ѳедоръ Тыринъ, Голубиная книга, Егорій Храбрый, Страшный судъ, Михайло Архангелъ и Василій Кессарійскій. Напѣвы трехъ изъ нихъ записаны В. В. Пасхаловымъ. Кромѣ того, отъ крестьянина Рязанской губ. *А. В. Марковымъ* запи-

Digitized by Google

саны 2 сказки (про царя Соломона и невѣрную жену и про Снѣгурочку) и 1 святочная обрядовая пѣсня.

7. *Б. В. Рудинъ* въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ былъ въ Костромскомъ и Кинешемскомъ уѣздахъ. Кромѣ того, ему пришлось быть провожатымъ нынѣ покойнаго В. И. Сизова въ его археологической поѣздкѣ въ с. Домнино Буйскаго уѣзда. Въ общемъ имъ сдѣланы слѣдующія записи: 14 духовныхъ стиховъ, 1 истор. пѣсня, 6 наговоровъ, 20 причетовъ или причитаній, 10 свадебныхъ пѣсенъ, 15 хороводныхъ, 18 святочныхъ игорныхъ, 16 общаго бытового характера.

8. *Н. Н. Соколовъ* ѣздилъ въ Тверскую губернію, гдѣ изучалъ мѣстные говоры сѣв.-великорус. нарѣчія и опредѣлялъ границы ихъ распространенія. Имъ представленъ слѣдующій отчетъ:

Цѣлью моей поѣздки было опредѣленіе характера и распространенія говоровъ сѣв.-великорус. нарѣчія въ предѣлахъ четырехъ уѣздовъ Тверской губ.—Старицкаго, Зубцовскаго, Ржевскаго и Осташковскаго.

Поѣздку свою я началъ отъ Твери. Будучи знакомъ предварительно съ нѣкоторыми говорами этого района по неизданнымъ еще отвѣтамъ на программы, любезно присланнымъ мнѣ II отд. Имп. Академіи Наукъ, я назначилъ себѣ для объѣзда: зап. часть Старицкаго уѣзда, юж. ч. Зубц. у., зап. ч. Ржев. у. до границы тамошней Бѣлоруссіи и весь Осташковскій уѣздъ, кромѣ крайней западной Новинской вол. Предварительно я былъ въ Торжкѣ и познакомился съ говоромъ его южныхъ окрестностей, особенно с. Загорья Сукромлинской вол. Въ Старицкомъ уѣздѣ я совершилъ круговую поѣздку отъ города на Страшевичи, Рясню, Хорошово Киселевск. вол., Луковниково и Боярники Ряснинской вол., Денежное Павликовск. вол., Мологино и ст. Панино Новоторжск. вѣтви Ник. ж. д. Въ Зубцовск. у. я шелъ на югъ на Коробино и Щеколдино, а въ другой разъ былъ въ окрестностяхъ ст. Осуга, Новоторж. ж. д., на сѣверъ же доѣзжалъ до с. Столыпина. Въ Ржевск. у. я посѣтилъ сначала сѣв. окрестности города на разст. 7—8 верстъ, а затѣмъ совершилъ переѣздъ въ Осташковъ по большому почтовому тракту, останавливаясь на почтовыхъ ст. Бахмутово, Сытьково и Ельцы. Въ Осташковскомъ уѣздѣ я былъ на слѣд. ст. того же тракта: Коша, Селижаровъ посадъ и Зехновъ, откуда пѣшкомъ прошелъ до города. Около города я посѣтилъ еще нѣкоторыя селенія Ёмшинской волости. Затѣмъ совершилъ поѣздку на пароходѣ черезъ озеро Селигеръ до ст. Полново (въ Демьянск. у. Новгор. губ.) и по дорогѣ оттуда остановился въ с. Кравотыни. Отсюда прошелъ черезъ ближайшія селенія на Нилову пустынь и, переправившись здѣсь черезъ озеро, на почт. ст. Звягино, оттуда проѣхалъ на Князево и погостъ Стертъ. Здѣсь посѣтилъ селенія по верховьямъ Волги до д. Волговерховье включительно и оттуда черезъ пароходную ст. Свапущу на пароходѣ вернулся въ городъ. Наконецъ изъ Осташкова я совершилъ поѣздку на Вышній-Волочекъ по тракту, нѣсколько отступающему отъ почтоваго, и посѣтилъ при этомъ нѣкоторыя селенія восточной части уѣзда, а именно: Крапивню, Жданово, Ѐли (Еля̀), Ивановъ дворъ и Пухтину горку. Въ эту же поѣздку мнѣ пришлось оста-

Digitized by Google

навливаться въ двухъ селеніяхъ Вышневолоцкаго уѣзда. Изъ Вышняго Волочка я проѣхалъ прямо на Москву.

Въ результатѣ этой поѣздки мнѣ удалось установить слѣдующіе типы говоровъ въ предѣлахъ указанныхъ четырехъ уѣздовъ:

1) Переходные говоры, имѣющіе сѣв.-великорус. основу и получившіе затѣмъ различныя наслоенія южно-великорус. характера, въ томъ числѣ и аканье.

2) Смѣшанные говоры, имѣющіе, повидимому, южн.-вел.-рус. основу съ различными наслоеніями сѣв.-великорус. характера.

3) Смѣшанные говоры, имѣющіе бѣлорусскую основу, съ различными наслоеніями также сѣв.-великорус. характера.

Окающихъ говоровъ въ этихъ уѣздахъ вовсе нѣтъ.

Въ говорахъ 1-й группы я различаю 2 типа, которые, можетъ быть, являются различными стадіями одного и того же развитія: a) говоры, которые можно назвать переходными лишь въ томъ смыслѣ, какъ и говоры въ районѣ Москвы, и b) говоры, основа которыхъ до сихъ поръ выступаетъ ясно, какъ типичная сѣв.-великорусская.

Мое изученіе было направлено главнымъ образомъ на говоры 1-ой группы и, въ частности, на говоры 2-го ея подраздѣленія. Здѣсь я старался опредѣлить совокупность чертъ, которыя съ достаточной ясностью обнаруживаютъ сѣв.-великорус. основу, и затѣмъ прослѣдить распространеніе и отношенія различныхъ сѣв.-великорус. чертъ между собою.

Что касается распространенія различныхъ типовъ говоровъ въ изслѣдованной мною мѣстности, то мнѣ удалось установить слѣдующее.

Въ Старицкомъ у. граница 2-хъ типовъ говоровъ 1-й группы проходитъ съ сѣв.-вос. на юго.-зап., при чемъ на сѣв. и югѣ она приблизительно совпадаетъ съ линіей жел. дороги, а въ центрѣ значительно отступаетъ отъ нея на западъ. Такимъ образомъ къ говорамъ b) здѣсь можно отнести: почти всю Страшевскую вол., Киселевскую вол. Говоры ю.-зап. части Старицкаго уѣзда можно считать приблизительно однородными и принадлежащими къ типу a).

Въ Зубцовскомъ уѣздѣ говоровъ типа в) собственно нѣтъ, но есть говоры, приближающіеся по консервативности къ этому типу. Таковъ говоръ села Столыпина и окрестностей, опис. въ прогр. Рахманиной. Они занимаютъ небольшое пространство на Волгѣ въ зап. ч. уѣзда, которая составляетъ какъ бы географическое продолженіе лѣсистой и болотистой Мологинской вол. Старицкаго уѣзда.

Въ Зубцовскомъ у. надо отмѣтить границу говоровъ съ ю.-в.-русс. основой. Они врѣзываются въ Зубц. у. изъ Ржевскаго у. Центромъ ихъ является самый городъ. На югъ отъ города ихъ, повидимому, нѣтъ вовсе. На сѣверъ они идутъ не далѣе 7—8 верстъ и дорога на Ржевъ является приблизительной границей ихъ распространенія въ Зубц. уѣз.

Въ Ржевск. у. они идутъ на сѣв.-зап. и, можетъ быть, на западъ отъ города. Къ другимъ чертамъ ихъ здѣсь присоединяется загадочное дзеканье, границей котораго на сѣверѣ я отмѣтилъ районъ Елецкой вол. Граница же говоровъ этого типа проходитъ значительно ближе, гдѣ-то

Digitized by Google

недалеко отъ ст. Сытькова. Есть такіе говоры и на югъ отъ Ржева, но здѣсь слѣдить за ними мнѣ не удалось.

Остальная часть Ржевск. у. славится своимъ цоканьемъ; но большую часть этого района занимаютъ смѣшанные бѣлорусскіе говоры, опис. у Шейна. Границу ихъ въ настоящее время можно провести приблизительно по меридіану и ст. Тереховки Виндавской ж. д. Говоры цокающіе не-бѣлорусскіе въ Ржевскомъ уѣздѣ можно, повидимому, всѣ отнести къ типу в) 1-й группы. Впрочемъ, я думаю такъ лишь на основаніи показаній небольшого числа лицъ изъ этихъ мѣстностей.

Эти говоры продолжаются и въ Осташк. у., въ которомъ вообще нѣтъ говоровъ иного типа. Здѣсь мнѣ пришлось устанавливать различныя подраздѣленія болѣе мелкаго характера, между прочимъ нѣсколько особеннымъ является говоръ Новинской (зап.) вол. этого уѣзда, лежащей на границѣ съ Смоленской и Псковск губ.

На сѣверъ и сѣв.-зап. отъ Осташк. у. появляются уже окающіе говоры. По крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстенъ окающій говоръ Ильиногорской вол. Демьянскаго у. Новгор. губ. и отдѣльные случаи оканья по дорогѣ въ Вышній-Волочекъ въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ.

Относительно бѣлорусскихъ говоровъ замѣчу еще, что, кромѣ 4—5 волостей Ржевскаго у., они встрѣчаются еще, вѣроятно, спорадически на крайнемъ югѣ Зубц. у., на границѣ съ Сычевскимъ у. Смоленск. губ. Типъ ихъ смоленскій, какъ и типъ того основного говора, на почвѣ котораго образовался цокающій говоръ с. Бобровки и окрестностей ея, опис. у Шейна. Впрочемъ, бѣлорусскихъ говоровъ я не имѣлъ возможности изслѣдовать на мѣстѣ и знаю о нихъ только по отдѣльнымъ разспросамъ.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить свою благодарность этнографическому отдѣлу О. Л. Е., А. и Э., тверскому губернатору и всѣмъ лицамъ, такъ или иначе способствовавшимъ успѣху моей поѣздки.

Н. Соколовъ.

---

9. *Д. Н. Ушаковъ* былъ въ Дмитровскомъ уѣздѣ Московской губерніи, гдѣ занимался наблюденіями надъ особенностями народныхъ говоровъ селеній Ильинской, Митинской и Озерецкой волостей.

А. Н. Пыпинъ.

(НЕКРОЛОГЪ.)

26 ноября 1904 года русская наука и русское просвѣщенное общество понесли незамѣнимую потерю въ лицѣ скончавшагося академика и почетнаго члена Общества Люб. Естеств. Александра Николаевича Пыпина.

Недавно вся мыслящая Россія и многіе западно-европейскіе почитатели чествовали полувѣковое служеніе А. Н. наукѣ въ области исторіи древней и новой русской литературы, исторіи русской этнографіи и исторіи русской общественности. За это время имъ написано болѣе

Digitized by Google

1100 статей и изслѣдованій, составляющихъ настолько опредѣленную массу знаній, настолько объединенную свѣтлымъ прогрессивнымъ міросозерцаніемъ покойнаго академика, что въ каждомъ отдѣльномъ его трудѣ непремѣнно чувствуется общая нить анализа, общія историческія перспективы, даже, можно сказать, общее бодрое настроеніе съ вѣрой въ торжество прогрессивныхъ идей.

Юбилейная литература объ А. Н. еще свѣжа въ памяти. Поэтому не къ чему еще разъ распространяться о научныхъ заслугахъ покойнаго. Ограничимся лишь нѣкоторыми общими указаніями. Интересно, что при самой кропотливой работѣ надъ какимъ-либо памятникомъ письменности у А. Н. не исключались самые широкіе взмахи обобщеній и, наоборотъ, въ работахъ на широко-задуманныя темы онъ примѣнялъ испытанные имъ пріемы самаго тщательнаго анализа фактическаго матеріала. Оттого, возьмемъ ли мы рядъ изданныхъ имъ древнихъ памятниковъ или его крупныя работы по «исторіи руской литературы», «исторіи русской этнографіи», «исторіи славянскихъ литературъ» (совмѣстно съ В. Д. Спасовичемъ), по «общественному движенію при Александрѣ первомъ», работы о Бѣлинскомъ, Пушкинѣ, масонствѣ,—вездѣ одинаково чувствуется крупная научная сила и въ то же время живой, заинтересованный судьбами своего общества человѣкъ. Совмѣщеніе этихъ двухъ чертъ какъ нельзя болѣе подтверждается еще и ближайшимъ участіемъ его въ распространеніи въ Россіи классическихъ сочиненій Геттнера, Дрепера, Лекки, Тэна, Шерера, Гюйо и другихъ, вышедшехъ подъ его редакціей, и тоже его очень виднымъ участіемъ въ русской публицистикѣ: «Современникѣ» въ 60-хъ годахъ и «Вѣстникѣ Европы» до самаго послѣдняго времени.

Въ 1861 году А. Н-чу пришлось выйти изъ состава профессоровъ Спб. университета; въ началѣ 70-хъ годовъ министръ нар. просв. не утвердилъ его избранія въ академики (вторично А. Н. былъ избранъ въ 1897 г.),—это непріятные, конечно, факты въ исторіи жизни почтеннаго ученаго, но они были прямымъ слѣдствіемъ его открытаго не идущаго на компромиссы характера.

Подробный перечень трудовъ А. Н. Пыпина данъ въ брошюрѣ Барскова, изданной Академіей наукъ. На страницахъ «Этнографическаго Обозрѣнія» съ особой благодарностью къ покойному ученому слѣдуетъ вспомнить его «Исторію русской этнографіи», по поводу которой когда-то [1]) П. Н. Милюковъ писалъ: «А. Н. Пыпинъ является однимъ изъ наиболѣе компетентныхъ посредниковъ между русской наукой и русской читающей публикой». «Онъ твердо вѣритъ, и съ нашей точки зрѣнія вполнѣ основательно, что факты, изложенные какъ они были въ дѣйствительности, сами собой сложатся въ подвержденіе тому міровоззрѣнію, которое онъ считаетъ истиннымъ». Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на рядъ журнальныхъ работъ, соединяемыхъ теперь А. Н. Пыпинымъ подъ общимъ названіемъ «Исторіи русской этнографіи». Въ этомъ трудѣ, предназначаемомъ, какъ и прежніе, для большой публики,

[1]) См. „Этн. Обозр.", кн. VII, стр. 177—178.

Digitized by Google

авторъ предположилъ, очевидно, напасть на врага въ самомъ послѣднемъ его убѣжищѣ: національный шовинизмъ долженъ быть разбитъ на самомъ основномъ своемъ понятіи, на понятіи о народности». Затѣмъ, указавъ, что въ политической программѣ «народность» развивается въ систему *народничества*, въ философско-историческомъ построеніи «народность» фигурируетъ въ смыслѣ *національности* культурно-историческаго типа, П. Н. Милюковъ опредѣляетъ далѣе, что «въ наукѣ народность можетъ быть предметомъ или *этнографическаго* или *народно-психологическаго* изученія». Въ разбираемой книгѣ А. Н. Пыпина нѣтъ ни исторіи народничества, ни исторіи національнаго вопроса, это—«исторія этнографіи», и при томъ въ ней есть «исторія взглядовъ на народность».

Отъ себя, по поводу этого общаго опредѣленія заслугъ русскаго историка этнографіи, можемъ сказать то же, что когда-то было сказано по поводу ученой этнографической дѣятельности В. Ѳ. Миллера въ адресѣ Этнографическаго Отдѣла (см. «Этн. Обозр.» XLVII, стр. 168), а именно, что, не руководствуясь никакими предвзятыми идеями, (срв. у П. Н. Милюкова: «факты, изложенные, какъ они были въ дѣйствительности») и не отдавая предпочтенія какой-либо одной этнической группѣ», А. Н. Пыпинъ явился въ этнографіи «истиннымъ ученымъ», «обезпечивая равенство передъ наукой для арійца и финна, великорусса и германца, христіанина и язычника».

Что А. Н. Пыпинъ, въ отличіе отъ другихъ этнографовъ, скорѣе «поражалъ врага», т.-е. людей съ ненаучными взглядами на народность, то это происходило не отъ свойствъ его научной дисциплины, а отъ умѣнія поставить широкую, захватывающую общество задачу и съ достойной энергіей выполнить ее до конца. *Вл. Б.*

---

† В. М. Михайловскій.

(НЕКРОЛОГЪ.)

26-го ноября скончался въ Москвѣ директоръ II-ой мужской гимназіи, бывшій Товарищъ Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія и почетный членъ Общества приватъ-доцентъ московскаго университета Викторъ Михайловичъ Михайловскій.

Покойный, по окончаніи курса въ кіевскомъ университетѣ на историко-филологическомъ факультетѣ въ началѣ 70-хъ годовъ, перешелъ въ Москву, гдѣ занялся педагогической дѣятельностью, какъ преподаватель исторіи и географіи, готовясь вмѣстѣ съ тѣмъ къ магистерскому экзамену по всеобщей исторіи, который онъ и сдалъ затѣмъ въ серединѣ 70-хъ годовъ въ кіевскомъ университетѣ. Однако дальнѣйшая академическая карьера не удалась покойному, хотя онъ продолжалъ служить наукѣ до самой смерти. Обладая большою любознательностью, В. М.

Digitized by Google

«много читалъ», и предъ нимъ все заманчивѣе и заманчивѣе вырисовывались обширные горизонты знанія. Онъ послѣдовательно переходилъ отъ одной области къ другой, не дѣлая видимыхъ скачковъ: отъ политической исторіи къ исторіи культуры, географіи, этнографіи, археологіи, археографіи, и лишь психологія съ педагогикой, которыми В. М особенно много занимался въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни, стояли какъ бы въ сторонѣ, хотя и эти области знанія до извѣстной степени связывались съ историко-культурными вопросами. Такое разнообразіе научныхъ симпаітій привело къ тому, что В. М. занятый притомъ обширной педагогической дѣятельностью, не находилъ досуга, чтобы сосредоточить свои силы на разработкѣ какой-нибудь спеціальной темы для магистерской диссертаціи по всеобщей исторіи. Остановившись сначала на исторіографіи средневѣковой Франціи, В. М. даже началъ въ концѣ 70-хъ годовъ печатать диссертацію о Филиппѣ Коминѣ, какъ историкѣ Людовика XI, но стремленіе къ библіографической полнотѣ, недостижимой при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ работалъ покойный, и крайняя добросовѣстность въ работѣ, побудили его прекратить начатое дѣло. Такая же судьба постигла другую начатую имъ работу по исторіи фландрскихъ городовъ, для которой онъ предпринималъ поѣздку за границу, и задуманную имъ впослѣдствіи монографію о Марко Поло. Не находя досуга для обработки обширныхъ монографій, В. М. однако, обладая даромъ рѣчи и искусствомъ устнаго изложенія, успѣвалъ въ теченіе многихъ лѣтъ знакомить съ результатами своихъ разностороннихъ изученій московское общество въ своихъ докладахъ въ засѣданіяхъ Этнографическаго и Географическаго Отдѣловъ И. О. Л. Е., а также Археологическаго и Педагогическаго Обществъ. Къ сожалѣнію, его сообщенія, всегда интересныя и научно-цѣнныя, оставили слѣдъ только въ краткихъ изложеніяхъ протоколовъ и газетныхъ отчетовъ,такъ какъ покойный излагалъ ихъ устно, пользуясь лишь краткой программой. Изъ такихъ докладовъ, сдѣланныхъ въ Этнографическомъ и Географическомъ отдѣленіяхъ, отмѣтимъ: «Этнографическія представленія древнихъ Египтянъ,» «О шаманствѣ у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ», «Легендарная исторія Будды», «Начало государственной жизни по этнографическимъ даннымъ», «Внушеніе и гипнотизмъ у малокультурныхъ народовъ», «Страна африканскихъ озеръ и ея обитатели», «Характеристика французскаго народа», «Христофоръ Колумбъ и открытіе Америки по новѣйшимъ изслѣдованіямъ», «Геграфическое распространеіе буддизма», «Географическое распредѣленіе англійскихъ колоній», «Объ англичанахъ и бурахъ въ южной Африкѣ», «О странѣ африканскихъ озеръ и ея обитателяхъ», «О цѣляхъ и основныхъ задачахъ торговой географіи», «Ведды, дикіе обитатели острова Цейлона», «Устная словесность южно-африканскихъ народовъ», «О происхожденіи друидизма», «Общественный бытъ австралійскихъ дикарей», «Объ Андаманскихъ островахъ и ихъ обитателяхъ», «О современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній объ Абиссиніи и абиссинцахъ», «Первобытное искусство и образное письмо (пиктографія) по этнографическимъ даннымъ» (читано на VIII Археологическомъ съѣздѣ

Digitized by Google

въ Москвѣ) и много другихъ. Изъ немногихъ печатныхъ трудовъ В. М. Михайловскаго, относящихся къ области этнологіи и исторіи древнѣйшей культуры, упомянемъ его обширную монографію «Шаманство» (вышелъ только I-ый томъ), обратившую на себя вниманіе западныхъ ученыхъ, и его статью «Древнѣйшіе центры просвѣщенія. Египетъ и Халдея» (М. 1891.). Въ Московскомъ университетѣ В. М., въ качествѣ приватъ-доцента, читалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ спеціальные курсы по исторіи востока, исторіи землевѣдѣнія и этнологіи. Въ послѣднее десятилѣтіе жизни В. М. занимался преимущественно исторіей педагогики, психологіей дѣтей, дѣлалъ доклады въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ, гдѣ состоялъ предсѣдателемъ одной изъ секцій, и вообще пріобрѣлъ извѣстность въ качествѣ знатока по педагогическимъ вопросамъ. Исторія педагогическихъ ученій сдѣлалась предметомъ и его университетскихъ курсовъ. Къ послѣднимъ же годамъ относятся доклады В. М-ча въ Археографической Комиссіи Московскаго Археологическаго Общества. Вообще, хотя научное наслѣдіе, оставленное В. М. Михайловскимъ незначительно, нельзя не отмѣтить, что его многочисленныя, полныя высокаго интереса сообщенія въ ученыхъ обществахъ принесли свою долю пользы и что въ Москвѣ, гдѣ его больше всего знали, какъ разносторонне образованнаго ученаго и даровитаго лектора, онъ пользовался вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ. Добрую память о немъ, какъ о прекрасномъ преподавателѣ и высокогуманномъ директорѣ, сохранятъ и многочисленные ученики его въ Москвѣ и провинціи. *В. М.*

---

† В. И. Сизовъ.

(некрологъ.)

19 октября 1904 года внезапно скончался членъ многихъ ученыхъ обществъ (въ томъ числѣ и О-ва Любителей Естествознанія) ученый секретарь Московскаго Историческаго Музея Владиміръ Ильичъ Сизовъ. В. И. родился въ 1840 г. Въ университетѣ (въ Москвѣ) онъ былъ ученикомъ Тихонравова, Буслаева, Ешевскаго, Соловьева и др. Поступивъ затѣмъ преподавателемъ въ кутаисскую гимназію, В. И. получилъ на Кавказѣ первое знакомство съ археологіей и этнографіей. Потомъ онъ переѣхалъ въ Москву и въ 70-хъ годахъ сталъ работать въ московскомъ археологическомъ обществѣ подъ руководствомъ гр. А. С. Уварова. Отсюда начинается рядъ археологическихъ экскурсій В. И., поѣздокъ по русскимъ городамъ и за границу, собираніе русскихъ древностей и предметовъ искусства для историч. музея. Изъ его археологическихъ изысканій особенно извѣстны раскопки въ Гнѣздовѣ подъ Смоленскомъ, которыми В. И. освѣтилъ многіе вопросы по культурѣ древняго славянскаго населенія въ Россіи, при чемъ онъ во многихъ отношеніяхъ исправилъ господствовавшіе раньше взгляды о древне-финскомъ вліяніи. Большую цѣнность имѣютъ также экспедиціи В. И. по Кавказу.

Digitized by Google

Въ области этнографіи Владиміру Ильичу былъ ближе матеріальный бытъ народа. Онъ былъ прежде всего большимъ знатокомъ въ исторіи костюмовъ, о чемъ и читалъ лекціи въ театральномъ училищѣ, а также съ этимъ вопросомъ была связана его дѣятельность въ художественномъ театрѣ Станиславскаго и въ московскомъ императорскомъ театрѣ, на сценѣ которыхъ бытовой костюмъ былъ воспроизводимъ, при участіи В. И., до тончайшихъ деталей, доступныхъ археологу и этнографу.

Въ засѣданіяхъ Этнографическаго Отдѣла В. И. былъ интереснымъ собесѣдникомъ по поводу прочитанныхъ докладовъ. Покойный Владиміръ Ильичъ былъ честнымъ, отзывчивымъ человѣкомъ, любилъ науку, вѣрилъ въ прогрессъ и до послѣднихъ дней сохранилъ бодрый взглядъ на нашу жизнь. Его всѣ хорошо знали и искренно уважали. *Вл. Б.*

---

† Н. П. Припузовъ.

(НЕКРОЛОГЪ.)

Въ «Вост. Обозр.» г. Эд. Пекарскій сообщаетъ, что недавно скончался этнографъ Николай Прокопьевичъ Припузовъ, бывшій народный учитель, крестьянинъ Покровской волости Якутск. округа, никогда не порывавшій связи съ крестьянскимъ міромъ, служившій послѣднему въ качествѣ учителя, старосты, письмоводителя и головы. Изъ печатныхъ работъ покойнаго извѣстны слѣдующія: 1) Участь бѣдныхъ дѣтей Якутской области (Извѣстія Вост.-Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. т. XV, №№ 1—2, 1884 г.), 2) Свѣдѣнія для изученія шаманства у якутовъ Якутск. окр., собраны по программѣ Н. Н. Агапитова (тамъ-же №№ 3—4). 3) Мелкія замѣтки о якутахъ (Записки Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. по этнографіи, Т. II, вып. 2. Шаманскія повѣрія инородцевъ Вост.-Сиб. Ирк. 1890). 4) Замѣтки по народ. медицинѣ якутовъ (животныя средства лѣченія) (Этнографич. Обозр. 1898 г., № 2). Въ этомъ же № «Этнограф. Обозрѣнія» помѣщена статья Н. Харузина: «Юридическіе обычаи якутовъ», составленная по матеріаламъ покойнаго Припузова. Изъ ненапечатанныхъ работъ г-ну Пекарскому извѣстны: довольно обширная статья о свадебныхъ обрядахъ приленскихъ крестьянъ, требующая, впрочемъ, солидной литературной обработки, и имѣющіяся въ его распоряженіи якутскія пѣсни съ русскимъ переводомъ, переданныя ему, какъ матеріалъ по фольклору, Д. А. Клеменцомъ. Въ послѣднее время Н. П. Припузовъ состоялъ вице-предсѣдателемъ якутскаго сельско-хозяйственнаго общества.

Покойный помѣщалъ свои корреспонденціи съ Лены въ «Восточномъ Обозрѣніи».

Былинная традиція въ Саратовской губерніи. М. Е. Соколовъ, членъ саратовской архивной комиссіи, въ своихъ изысканіяхъ по собиранію памятниковъ народнаго творчества,—по словамъ «Привол. Кр.»,—натолкнулся на слѣдующій интересный фактъ. Два уѣзда губерніи, Пе-

Digitized by Google

тровскій и Саратовскій, до сего времени въ своемъ пѣсенномъ репертуарѣ сохраняютъ былины. Такъ, напримѣръ, 19 ноября 1894 года г. Соколовъ записалъ въ с. Кутьинѣ, Петровскаго уѣзда, былины о Суханѣ-богатырѣ, Добрынѣ Никитичѣ и Иванѣ гостиномъ сынѣ. Затѣмъ, 4 января 1904 года въ Гремячкѣ, Саратовскаго уѣзда, г. Соколовъ слышалъ былину объ Иванѣ гостиномъ сынѣ, хотя здѣсь извѣстно только начало былины, но при этомъ оказалось, что какъ въ Гремячкѣ, такъ и въ Кутьинѣ поютъ ее очень сходно. Наконецъ, въ февралѣ 1904 года онъ записалъ въ подгородной дер. Сосновкѣ, Петровскаго уѣзда, сказку объ Ильѣ Муромцѣ. М. Е. Соколовъ, продолжая трудиться по собиранію народной словесности, дѣлится своими трудами съ мѣстной архивной комиссіей.

По сѣверо-западнымъ и прибалтійскимъ губерніямъ лѣтомъ текущаго года путешествовалъ докторъ философіи, членъ финляндской археологической комиссіи Гейкель. Его экскурсіи посвящены изученію народныхъ костюмовъ. *(„Телеграмма Росс. Агент.“).*

Къ вопросу о переустройствѣ Берлинск. этнографическаго Музея. Въ Globus-ѣ, B. LXXXVI № 2 Dr. Augustin Krämer помѣстилъ статью по поводу переустройства знаменитаго Берлинскаго Этнографическаго Музея. Какъ извѣстно, музей этотъ самый богатый изъ всѣхъ подобныхъ хранилищъ въ европейскихъ городахъ. Черезъ десять лѣтъ послѣ его основанія зданіе музея оказалось слишкомъ тѣснымъ. Прибывающія коллекціи приходится уже теперь держать неразобранными въ ящикахъ. Вопросъ о переустройствѣ музея горячо обсуждался заинтересованными въ наилучшей постановкѣ дѣла учеными. Нѣкоторые изъ взглядовъ, высказанныхъ Крэмеромъ, представляютъ интересъ и для русскихъ этнографовъ. Крэмеръ исходитъ изъ дѣленія человѣчества на народы культурные (Kulturvölker) и примитивные (Naturvölker), предложеннаго Ратцелемъ. Подъ словомъ «культура» онъ подразумѣваетъ «сумму всѣхъ духовныхъ пріобрѣтеній данной эпохи» —опредѣленіе Ратцеля, также и «унаслѣдованную, неутомимымъ трудомъ выработанную мощь человѣка». Хоть всякая классификація является лишь условной и отвѣчаетъ только практическимъ цѣлямъ, облегчая обзоръ народовъ земного шара, тѣмъ не менѣе отличительными признаками народовъ культурныхъ и первобытныхъ нужно считать то, что послѣдніе стоятъ въ зависимости отъ «даровъ и капризовъ природы», подчинены ей, что ихъ культурныя пріобрѣтенія быстро исчезаютъ передъ болѣе высокой культурой. Крэмеръ предлагаетъ выдѣлить изъ коллекцій музея отдѣлъ культурныхъ народовъ Азіи, произведенія буддійскаго и мусульманскаго искусства и, оставивъ для него все нынѣшнее зданіе музея, соединить его съ стоящимъ рядомъ европейскимъ Kunstgerverbemuseum. Къ этому новому музею слѣдуетъ, по мнѣнію Крэмера, отнести и отдѣлъ археологіи Востока, такъ какъ эта послѣдняя является наукой о погиб-

Digitized by Google

шихъ культурныхъ народахъ. Доисторическая же археологія, наука о исчезнувшихъ примитивныхъ народностяхъ, должна отойти къ другому музею, для котораго слѣдуетъ построить новое грандіозное зданіе, посвященное исключительно народамъ примитивнымъ. Культурные народы Америки, къ которымъ Ратцель причисляетъ астековъ, толтековъ, майя, инковъ и др., Крэмеръ относитъ къ примитивнымъ народамъ, основываясь на томъ, что они оказались не въ состояніи бороться при помощи своей культуры съ болѣе высокой европейской цивилизаціей; съ другой стороны, ихъ ближайшіе родичи, индѣйцы Сѣв. и Южн. Америки, представляютъ изъ себя типичнѣйшія примитивныя народности. Что касается до размѣщенія коллекцій, Крэмеръ даетъ нѣкоторыя не безъинтересныя указанія. По его понятію, въ современныхъ этнографическихъ музеяхъ необходимо обращать больше вниманія на географію, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ. Передъ каждымъ отдѣломъ, посвященнымъ тому или другому материку, должна быть устроена особая зала, въ которой слѣдуетъ размѣстить многочисленныя топографическія и этнографическія карты, рельефы и пр., дающія ясное понятіе о данной области. Коллекціи должны быть размѣщены свободно, чтобы можно было легко обозрѣвать ихъ; не слѣдуетъ помѣщать предметы ниже 80 ст. и выше 160 ст. отъ пола. Желательны снимки и фотографіи съ цѣнныхъ этнографическихъ коллекцій другихъ музеевъ. Наконецъ, въ благоустроенномъ музеѣ должны быть устроены аудиторіи, рабочіе кабинеты и пр.

Къ сближенію языкознанія и народовѣдѣнія. Въ Globus-ѣ B. LXXXV, № 22, извѣстный нѣмецкій этнографъ A. Vierkandt посвящаетъ сочувственный отзывъ вышедшей въ 1903 г. въ Берлинѣ книгѣ H. Reich-a, Der Mimus. Ein literar-entwickelungsgeschichtlicher Versuch. Трудъ этотъ представляетъ прекрасный примѣръ плодотворнаго сближенія двухъ научныхъ системъ, языкознанія и народовѣдѣнія, которыя, какъ извѣстно, нѣкоторое время совершенно разъединялись. Лишь за послѣднее время снова все сильнѣе раздаются голоса въ пользу ихъ сближенія. Такое направленіе ставитъ себѣ задачей новая редакція журналъ Archiv f. Religionswissenschaft. Его же, по указанію Фиркандта, проповѣдуетъ и A. Dietrich въ Ztsch. d. Hessischen Vereins f. Volkskunde. Взаимное отношеніе двухъ наукъ Дитрихъ опредѣляетъ такъ: «методъ и пособія для изслѣдованія даетъ языкознаніе; цѣль и содержаніе изслѣдованія опредѣляетъ народовѣдѣніе». Историкъ и филологъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они занимаются не единичными, но массовыми явленіями, почти всегда работаютъ въ области фольклора; также и народовѣдѣніе, которое, по выраженію Фиркандта, «преимущественно или даже исключительно работаетъ въ томъ обширномъ нижнемъ слоѣ культуры, надъ которымъ у народовъ культурныхъ имѣется еще надстройка». Въ своемъ серьезномъ трудѣ Рейхъ старался выяснить истинный характеръ древне-греческаго мима, прослѣдить его источники до мимическихъ представленій некультурныхъ народностей. Въ этихъ послѣднихъ преобла-

Digitized by Google

даетъ религіозный характеръ, хотя къ нему и примѣшивается весьма часто комическій элементъ; такъ, напримѣръ, среди дѣйствующихъ лицъ появляются путешественники европейцы въ карикатурномъ изображеніи. Рейхъ выводитъ и древне-греческій мимъ изъ представленій религіознаго характера. Затѣмъ Рейхъ прослѣживаетъ развитіе мима, его переходъ въ различныя страны, измѣненія его и мимообразныя формы, наконецъ, вліяніе его на литературу. Нѣтъ сомнѣнія, что трудъ Рейха является цѣннымъ не только для исторіи культуры, но также во многихъ отношеніяхъ и для этнографа.

Значеніе фонографа для записыванья народныхъ пѣсенъ отмѣтилъ, между прочимъ, и пр. v. Luschan въ Zeitscr. f. Ethnologie за 1904 г. B. XXXVI, Heft. 2. Имъ самимъ были записаны посредствомъ фонографа 20 №№ турецкихъ народныхъ пѣсенъ изъ сѣверной Сиріи. Фонъ-Лушанъ пользовался при этомъ дешевымъ аппаратомъ, который, однако, оказался вполнѣ пригоднымъ. Нѣмецкій ученый горячо ратуетъ за то, чтобы лица, отправляющіяся въ научныя экспедиціи, были снабжены фонографами и чтобы при этнографическихъ музеяхъ устраивались особыя отдѣленія для храненія фонографическихъ валиковъ съ записанными пѣснями. *(„Globus“.)*

Къ исторіи общиннаго землевладѣнія. Въ Geschichtsblätter f. Magdeburg, за 1903 г. помѣщена интересная работа L. Sunder-а объ общинномъ землевладѣніи въ Германіи въ средніе вѣка. Сундеръ задался главнымъ образомъ цѣлью прослѣдить, какъ древне-германское наслѣдственное право отразилось въ наименованіи мѣстностей преимущественно въ области между рр. Оре и Аллеръ и р. Схалой.

(„Globus“.)

Вопросъ о полевомъ хозяйствѣ и земледѣліи у примитивныхъ народностей освѣщенъ интересной работой, помѣщенной Dr. R. Lasch-емъ въ Zeitschr. f. Socialwissenschaft за 1904 г. №№ 1—4. Лашъ, орудуя надъ значительнымъ этнографическимъ матеріаломъ, прослѣдилъ формы земледѣлія у первобытныхъ народовъ и пришелъ къ интересному выводу, что наше современное полевое хозяйство является лишь однимъ изъ фазисовъ весьма медленной эволюціи, не потерпѣвшей въ своемъ ходѣ никакихъ перерывовъ. Новая эра въ земледѣліи лишь наступаетъ, съ развитіемъ паровыхъ и прочихъ двигателей, уничтожающихъ значеніе скота въ хозяйствѣ, какъ двигательную силу, и съ изобрѣтеніемъ химическихъ удобреній почвъ. То и другое вызоветъ крупный переворотъ въ полевомъ хозяйствѣ, разъединивъ существующее до сихъ поръ совмѣстное веденіе скотоводческаго и земледѣльческаго хозяйства.

(„Globus“.)

Digitized by Google

Записки Сигизмунда фонъ-Герберштейна, нѣмецкаго дипломата и путешественника XVI вѣка, обратили на себя вниманіе д-ра Ант. Шлоссара, который въ библіофильскомъ журналѣ *Zeitschrift für Bücherfreunde* посвящаетъ обширную, богато иллюстрированную статью ему и его извѣстному сочиненію „Rerum Moscoviticarum Commentarii". Авторъ даетъ обстоятельную біографію Герберштейна, останавливается на его путешествіяхъ въ Россію въ 1517 и 1526 гг. и подробно описываетъ первое вѣнское изданіе его описанія Россіи на латинскомъ языкѣ 1549 г., и послѣдующіе многочисленные переводы на нѣмецкій, итальянскій и англійскій языки. Шлоссаръ выражаетъ удивленіе, что замѣчательный для своего времени трудъ Герберштейна до сихъ поръ не былъ переведенъ на русскій языкъ и не снабженъ соотвѣтствующими комментаріями. Автору, очевидно, неизвѣстно, что имѣется русскій переводъ Анонимова (съ базел. изд. 1556 г.), комментарій проф. Замысловскаго («Герберштейнъ и его сочиненіе о Россіи»), а карты Герберштейна воспроизведены въ «Матеріалахъ по картографіи Россіи», изд. кіевской археогр. коммисіей 1900 г. Впрочемъ, достойнаго русскаго изданія «Записокъ» Герберштейна со всѣми ихъ варіантами, иллюстраціями, картами, съ портретами, комментаріями и т. д., дѣйствительно, еще нѣтъ.

„Русс. Вѣд.".

Новый трудъ Тэйлора. Знаменитый англійскій антропологъ Эдуардъ Тэйлоръ печатаетъ новую книгу подъ заглавіемъ „Growth and Spread of Culture".

Она будетъ служить продолженіемъ его изслѣдованія „Primitive Culture", появившагося въ 1871 г. и вышедшаго 4-мъ изданіемъ въ февралѣ текущаго года. Бо́льшая часть новой книги составилась изъ лекцій, читанныхъ въ разное время проф. Тэйлоромъ. *„Русс. Вѣд."*.

Евгеника—новая область вѣдѣнія, задача которой сводится къ тому, чтобы содѣйствовать улучшенію и развитію прирожденныхъ качествъ и способностей расы, чтобы раса была здоровѣе, крѣпче, лучше и болѣе приспособлена къ выполненію задачи своей жизни, чтобы передать бо́льшее слѣдующему поколѣнію въ цѣляхъ содѣйствія прогрессу. Недавно извѣстный изслѣдователь явленій наслѣдственности Фр. Гальтонъ прочиталъ въ лондонскомъ соціологическомъ обществѣ рефератъ о цѣляхъ и предметѣ изысканій «евгеники» (eugenics), при чемъ намѣтилъ пути, по которымъ должна слѣдовать эта наука для выработки своихъ принциповъ и для болѣе широкаго проникновенія въ массы.

„Русс. Вѣд.".

Обзоръ греческихъ миѳовъ, сдѣланныхъ варшавскимъ профессоромъ Погодинымъ въ его книгѣ «Боги и герои Эллады», отличается отъ многихъ подобныхъ работъ своей научной обстоятельностью. Не только пересказаны миѳы (отъ сказанія о міротворенія до Троянской войны), но и данъ анализъ миѳовъ, при чемъ указаны данныя сравнительной миѳологіи.

„Русс. Вѣд.".

Digitized by Google

Дорійская надпись съ гимномъ младенцу Зевесу найдена недавно англійскими археологами на Критѣ въ так. наз. Палеокастронѣ.

На островѣ Итакѣ продолжаетъ свои раскопки нидерландскій археологъ Фольграфъ, въ надеждѣ найти доказательства его тождества съ гомеровскою Итакой.

Какъ извѣстно, не всѣ археологи согласны, какой изъ Іонійскихъ острововъ нужно считать царствомъ Одиссея: Итаку или Левкадію. Дерпфельдъ, напримѣръ, высказывается за Левкадію и тамъ ищетъ подтвержденія своей теоріи. Фольграфъ стоитъ за Итаку. Въ послѣднее время онъ велъ раскопки около церкви св. Аѳанасія. Тутъ онъ нашелъ старинную, пеласгической эпохи, многоугольную ограду въ 30 м. длины съ единственнымъ зданіемъ внутри. Зданіе это—остатки храма. Внутри его развалинъ нашли мраморную статую эфеба 80 сант. высоты, съ собакой, одинъ мѣдный сосудъ небольшихъ размѣровъ съ изображеніями на немъ животныхъ, лампаду съ изображеніемъ какого-то бога, кусокъ золота, въ который вдѣланъ голубой камень съ изображеніемъ пѣтуха, серебряныя и мѣдныя монеты. Двѣ колонны съ микенскими капителями вмѣстѣ съ сосудами доказываютъ, что на островѣ было населеніе въ микенскую эпоху. Перейдя въ другое мѣсто, неподалеку отъ перваго, Фольграфъ сразу наткнулся на остатки ограды исторической эпохи, а рядомъ съ ней нашелъ слѣды гораздо болѣе древняго поселенія, но относительно возраста его онъ еще не рѣшается высказаться. Тутъ были найдены: барельефъ, изображающій женщину въ длинномъ ниспадающемъ одѣяніи около 70-ти сант. высоты II в. до Р. Х., глиняная женская голова естественной величины; мраморная голова небольшихъ размѣровъ, пьедесталъ съ остатками двухъ ногъ; каменныя плиты съ надписями, не поддающимися болѣе чтенію, много бронзовыхъ предметовъ, какъ наконечники копій и проч.; въ мусорѣ глиняныхъ черепковъ оказалось нѣсколько монетъ поздняго времени. Очевидно, все это—еще верхніе слои. Подъ ними Фольграфъ ожидаетъ найти много очень важнаго.

„Русс. Вѣд.“.

Этнографическая коллекція предметовъ изъ Чили, Боливіи и Перу поступила недавно въ этнографическій музей Императорской академіи наукъ. Коллекція пріобрѣтена въ Германіи частью путемъ покупки (за 8,000 мар.), частью въ даръ. Составитель этой коллекціи О. Менгельбиръ собиралъ ее въ теченіе 14-ти лѣтъ, и она заключаетъ въ себѣ много цѣнныхъ и рѣдкихъ предметовъ, отчасти еще нынѣ употребляемыхъ индѣйцами, отчасти добытыхъ изъ древнихъ могилъ.

„Русс. Вѣд.“.

На международномъ конгрессѣ американистовъ, состоявшемся въ нынѣшнемъ году, съ 18-го по 23-е августа н. ст., въ Штуттгартѣ, въ качествѣ делегата Императорскаго Общества любителей естествознанія,

Digitized by Google

антропологіи и этнографіи въ Москвѣ долженъ былъ выступить В. Г. Богоразъ, извѣстный изслѣдователь чукчей, бывшій участникъ американской Джезуповской экспедиціи на крайній сѣверовостокъ Сибири и авторъ издаваемаго теперь нью-іоркскимъ естественно-историческимъ и антропологическимъ музеемъ большаго иллюстрированнаго труда о чукчахъ. Кромѣ ученыхъ трудовъ (въ томъ числѣ матеріаловъ по чукотскому языку и фольклору, изданныхъ Императорской академіей наукъ), В. Г. Богоразъ составилъ себѣ почтенную извѣстность и какъ беллетристъ (подъ псевдонимомъ «Танъ»). *„Русс. Вѣд.“.*

Въ лѣсахъ Южной Америки послѣ д-ра Коха странствуетъ Эрландъ Норденшёльдъ, новый отчетъ котораго недавно появился въ печати.

Изслѣдователь отправилъ свой отчетъ съ оказіей изъ одного пункта между Синой и Пото, на границѣ Перу и Бразиліи. Норденшёльдъ изображаетъ въ очень яркихъ краскахъ свою жизнь въ первобытномъ лѣсу. Послѣ того какъ поиски за гротами и гробницами, несмотря на усиленную помощь мѣстныхъ индѣйцевъ, не дали ожидаемыхъ археологическихъ результатовъ, экспедиція-было пріуныла, но ее вознаградили отдѣльные цѣнные предметы, а главнымъ образомъ находка памятниковъ культуры древнѣйшихъ временъ. Такъ, экспедиціи удалось собрать интересную коллекцію скульптурныхъ произведеній изъ камня, которыя она нашла въ долинахъ Ріо-Туйче, Ріо-Томбопата и Ріо-Зуамбари. Вещи изображаютъ гремучихъ змѣй, ягуаровъ и леопардовъ. Теперь уже, какъ видно изъ донесенія, Норденшёльдъ покинулъ дѣвственный лѣсъ и находится въ области вѣчныхъ снѣговъ на высотѣ 17,000 футовъ надъ уровнемъ моря. По примѣру прошлыхъ лѣтъ, когда ему удавалось за снѣжною линіей горъ дѣлать цѣнныя археологическія находки, онъ ищетъ и теперь пещеръ до-историческаго времени. *„Русс Вѣд.“.*

Объ отношеніи сѣверо-азіатскихъ народностей къ сѣверо-американскимъ былъ прочитанъ интересный докладъ ассистентомъ американскаго музея естественной исторіи В. Іохельсономъ на происходившемъ въ Штутгартѣ 14-мъ международномъ конгрессѣ ученыхъ американистовъ.

На основаніи многочисленныхъ данныхъ, добытыхъ во время путешествій, Іохельсонъ пришелъ къ убѣжденію, что изученіе сибирскихъ племенъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для исторіи древнихъ обитателей Америки; имѣющійся въ распоряженіи докладчика этнологическій матеріалъ уже въ настоящее время съ достаточною ясностью устанавливаетъ тѣсную связь матеріальной и духовной культуры обитателей сѣв.-запада Америки съ уроженцами сѣв.-востока Азіи.

„Русс. Вѣд.“.

Изученіе монголо-бурятскаго языка (17 недѣльныхъ уроковъ) вводится въ программу учебнаго курса читинской духовной семинаріи, которая открывается съ значительно-видоизмѣненной программой для миссіонерскихъ цѣлей въ Забайкальѣ. *„Прав. Вѣстн.“.*

Digitized by Google

Саратъ Чандра Дасъ—изслѣдователь Тибета—недавно сталъ извѣстенъ русской публикѣ по переводу его книги. «Путешествіе въ Тибетъ».

Въ ряду ученыхъ индусовъ («пундитовъ») Саратъ Чандра Дасъ занялъ видное мѣсто. Онъ совершилъ въ 1881—1883 гг. интересное путешествіе по Тибету и собралъ тамъ много наблюденій надъ населеніемъ страны. Отчетъ его долго держался индійскимъ правительствомъ въ секретѣ, и лишь въ 1890 и 1895 гг. появились извлеченія изъ него въ англійскихъ журналахъ. Въ 1902 г. эти извлеченія съ дополненіями къ нимъ были изданы отдѣльною книгой лондонскимъ географическимъ Обществомъ подъ редакціей и съ предисловіемъ извѣстнаго путешественника по Тибету Рокхиля, и вотъ эта-то книга и издана теперь въ русскомъ переводѣ.

Къ переводу приложено введеніе г. Котвича, на 37-ми страницахъ, въ которомъ сдѣланъ обстоятельный историческій очеркъ ознакомленія съ Тибетомъ. Затѣмъ слѣдуетъ предисловіе Рокхиля. Двѣ главы посвящены административному устройству области Лхасы и сословіямъ и быту тибетцевъ. Текстъ сопровождается подстрочными примѣчаніями Рокхиля и русской редакціи и иллюстрированъ портретомъ путешественника, двумя картами, двумя планами Лхасы, четырьмя литографированными картинами (воспроизведеніемъ туземныхъ изображеній священныхъ мѣстъ) и 50-ю рисунками, изъ коихъ часть заимствована изъ англійскаго изданія, часть изъ другихъ сочиненій, а восемь воспроизведены по фотографіямъ русскаго калмыка Норзунова. Въ концѣ книги приложенъ алфавитный указатель личныхъ и географическихъ именъ, а также тибетскихъ, санскритскихъ и монгольскихъ словъ. Путешествіе Чандра Даса хотя и было совершено 20 лѣтъ тому назадъ, не могло утратить своего значенія для такой консервативной страны, какъ Тибетъ. Во всякомъ случаѣ за это время не было въ Лхасѣ и вообще въ Центральномъ Тибетѣ другого европейски образованнаго путешественника (подробный отчетъ образованнаго бурята г. Цибикова еще не изданъ), а потому болѣе обстоятельнаго сочиненія для ознакомленія съ этою страной не имѣется. Притомъ Чандра Дасъ былъ хорошо знакомъ съ санскритомъ, съ тибетскимъ языкомъ, съ буддизмомъ и могъ поэтому воспользоваться сообщеніями многихъ ученыхъ ламъ и лицъ высшаго тибетскаго общества. *„Русс. Вѣд.“*.

Къ изученію Китайскаго Туркестана. Берлинскій этнографическій музей отправилъ экспедицію въ Турфанъ (китайскій Туркестанъ) съ археологическою и лингвистическою цѣлью.

Экспедиціи удалось найти тамъ рукописи до сихъ поръ совершенно неизвѣстной въ Европѣ разновидности сирійскаго письма съ очень хорошенькими миніатюрами и прописными буквами. Что это за рукописи, объ этомъ говоритъ д-ръ Мюллеръ. По его мнѣнію, это—не буддійскіе и не несторіанскіе памятники,—это видно по характеру рисунковъ. Онъ предполагаетъ, что это—видоизмѣненный манихейцами сирійскій алфавитъ. Измѣненіе это произведено главой секты персомъ Мани, и

Digitized by Google

новонайденные тексты, несомнѣнно, писаны на чистомъ средне-персидскомъ или нигурійскомъ языкѣ. Это первые образцы исчезнувшей манихейской литературы, которые становятся извѣстными Европѣ. Почему эти рукописи попали въ Турфанъ, объясняется тѣмъ, что манихеянъ преслѣдовали одинаково ожесточенно и у маздеистовъ—персовъ, и у византійцевъ, и они должны были искать убѣжища въ китайскомъ Туркестанѣ. Подробный докладъ о рукописяхъ будетъ въ свое время опубликованъ баварскою академіей. *„Русс. Вѣд."*.

Статистика Японіи. Ганабуза, начальникъ японскаго статистическаго бюро, въ послѣднемъ изданномъ имъ ежегодникѣ о Японіи приводитъ слѣдующія статистическія данныя. Собственно Японія занимаетъ, безъ Формозы и острововъ Пескадоресъ, 382.416 кв. килом., т.-е. равняется $^7/_{10}$ Германской имперіи. На этомъ пространствѣ, согласно съ переписью, живутъ 43.763.855 чел., т.-е. 114,6 чел. на кв. килом. Больше всего жителей имѣетъ южный островъ Хоншіу (Ниппонъ)—32.980.918 чел., меньше всего сѣверный островъ Хокиаидо (608.040 чел.— 8 чел. на 1 кв. килом.). Если прибавить къ населенію собственно Японіи населеніе о-ва Формозы и о-овъ Пескадоресъ, то всѣхъ жителей имперіи Микадо оказывается 46.228.822 чел. Въ полномъ противорѣчіи съ распредѣленіемъ населенія въ Европѣ, у японцевъ городское населеніе преобладаетъ надъ сельскимъ: въ сельскихъ общинахъ живетъ 13,6% общаго количества, а въ городскихъ—86,4%. Объясняется это обстоятельство тѣмъ, что большинство городовъ Японіи не что иное, какъ большія деревни, гдѣ жители занимаются сельскимъ хозяйствомъ Мужское населеніе Японіи (22.074.242 чел.) преобладаетъ надъ женскимъ (21.689.613 чел.): 100 мужчинъ приходится на 98,3 женщинъ. Приростъ населенія наблюдается отъ 1,14 до 1, 36. Коэффиціентъ раждаемости составляетъ 3,27, причемъ онъ, въ противоположность Западной Европѣ, за послѣдніе годы увеличился; коэффиціентъ смертности—2,32 («Allg Zeit»). *„Прав. Вѣст."*

Къ изученію австралійцевъ. Въ засѣданіи королевскаго южно-австралійскаго Общества въ Аделаидѣ путешественникъ Гербертъ Базедовъ сдѣлалъ интересный докладъ о своихъ изслѣдованіяхъ въ центральной Австраліи.

Черное населеніе живетъ еще въ совершенно первобытныхъ условіяхъ въ области къ востоку отъ горъ Мусгрэва, Манна и Томкинсона. Они не видѣли бѣлаго до появленія среди нихъ Базедова. Ихъ оружіе самое простое: кромѣ палки и камня они знаютъ только копье;—даже бумерангъ имъ незнакомъ. Главное ихъ занятіе—охота. Чтобы поймать опоссума, туземецъ взбирается на гладкій стволъ эйкалиптоваго дерева въ сто метровъ высоты, продѣлывая для этого небольшіе зарубки на немъ при помощи камня. Туземецъ умѣетъ приручить динго и обнаруживаетъ необыкновенную изворотливость, когда ему приходится ловить птицъ, кроликовъ и змѣй. Женщины собираютъ личинки и ку-

Digitized by Google

колки всевозможныхъ насѣкомыхъ, жарятъ ихъ въ золѣ, и семья ѣстъ это блюдо съ большимъ аппетитомъ; яйца поѣдаются тоже очень охотно, свѣжія или насиженныя — все равно. Крупная дичь покрывается раскаленнымъ пескомъ или горячей золой и черезъ нѣкоторое время пожирается въ полусыромъ видѣ. Особеннымъ лакомствомъ являются для туземцевъ медоносные муравьи (Melophorus). Нѣкоторое количество особей этого вида въ каждомъ муравейникѣ снабжены въ задней части мѣшечками въ 1 сант. въ діаметрѣ, полными прозрачнаго меда. Изъ этихъ мѣшечковъ питается все муравьиное племя; за ними охотятся и туземцы. По внѣшнему виду это—сильные высокаго роста люди 2-хъ м. роста. Одежда имъ незнакома, точно также, какъ и жилища; только во время дождей они строятъ себѣ шалаши. Передъ мертвыми они питаютъ большой страхъ; ихъ хоронятъ въ землѣ и потомъ уже не произносятъ ихъ имени. Колдуны пользуются большой популярностью. Хотя болѣзни среди дикарей рѣдки, но къ помощи нангари (колдуна) приходится обращаться довольно часто. Главное лѣкарство, которое прописываютъ они,—человѣческая кровь и какъ внутреннее, и какъ наружное средство.

„Рус. Вѣд.“

Изъ Абиссиніи недавно вернулся въ Парижъ путешественникъ Гюгъ Леру, сдѣлавшій тамъ очень интересную находку. Въ старинномъ храмѣ на островѣ озера Зуэ онъ нашелъ рукопись, въ которой разсказывается о посѣщеніи царя Соломона царицей Савской. Рукопись переведена Леру на французскій языкъ. *„Рус. Вѣд.“*

Численность евреевъ. Общество еврейской статистики предприняло полный и основанный на надежныхъ документахъ подсчетъ еврейскаго населенія на земномъ шарѣ.

Изъ установленныхъ имъ цифръ видно, что наибольшее количеттво евреевъ живетъ въ Европейской Россіи, а именно 5,082,000 человѣкъ. Далѣе слѣдуетъ Австро-Венгрія съ 1,994,000 чел., за нею Соединенные Штаты съ 1,136,000 чел., потомъ Германія съ 590,000 чел., Румынія съ 269.000, Афганистанъ съ 184,000, Англія съ 179,000, Марокко съ 150,000, Нидерланды съ 104,000, Франція съ 86,000, Турція съ 82,000, чел., Палестина съ 78,000, Кавказъ съ 58,000, Алжиръ съ 57,000, Абиссинія съ 50,000, Италія съ 47,000, Тунисъ съ 45,000, Персія съ 35,000, Сибирь съ 34,000, Южная Африка съ 30,000, Болгарія съ 28,000, Египетъ съ 25,000, Индія съ 22,000, Аравія съ 20,000, Канада съ 16,000, Швейцарія съ 13,000, Бельгія съ 12,000, Греція съ 8,400; въ остальныхъ странахъ меньше. Всего количество евреевъ на земномъ шарѣ выражается въ круглой цифрѣ 11,000,000 человѣкъ. *„Рус. Вѣд.“*

Digitized by Google

Открыта подписка на 1905 годъ (годъ одиннадцатый)

НА ЖУРНАЛЪ

„ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ".

ИЗДАНІЕ ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ОТДѢЛЕНІЯ ПРОФ. *Д. Н. Анучина.*

Журналъ посвященъ изученію географическихъ вопросовъ, преимущественно Россіи, путешествіямъ, очеркамъ природы и населенія различныхъ странъ, обзору геогр. литературы и т. д.

Выходитъ въ Москвѣ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая около 10—12 печатныхъ листовъ съ приложеніемъ картъ, фототипій и рисунковъ въ текстѣ.

Подписная цѣна за годъ съ доставкою—**6** руб.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться по адресу: Географическое отдѣленіе Общества любителей естествознанія, Политехническій музей, Москва. Прежніе годы, 1895—1903, могутъ быть получены по **5** р. за годъ, а 1894 годъ безъ 1-й книжки (оставшейся въ немногихъ экземплярахъ)—за **3** р. Всѣ года (1894—1903), безъ 1-й книжки 1894 г., со всѣми приложеніями могутъ быть получены за **46** р., съ подпиской на 1904 г.—за **50** р., а съ 1-й книжкой 1894 г.—за **65** р.

Въ вышедшихъ книжкахъ „Землевѣдѣнія" помѣщены между прочимъ статьи: **Б. Ѳ. Адлеръ**: „Сѣверогерманская низменность"; **Н. М. Альбовъ**: „Въ заброшенныхъ углахъ Кавказа"—„Очерки растительности Колхиды",—„Природа Огненной Земли"; проф. **Н. И. Андрусовъ**: „Поѣздка въ Дагестанъ"; проф. **Д. Н. Анучинъ**: „Рельефъ поверхности Евр. Россіи въ послѣдовательномъ развитіи о немъ представленій", — „Суша" (краткія свѣдѣнія по орографіи), — „Озера области истоковъ Волги и верховьевъ Зап. Двины" — „И. В. Мушкетовъ и его научные труды", — „О преподаваніи географіи"; **В. В. Богдановъ**: „Мурманъ"; **Л. С. Бергъ**: „Аральское море"; **В. Г. Богоразъ**: „Ламуты"; **А. М. Беркенгеймъ**: „Природа и жизнь въ пампахъ Аргентины",—„Современное экономическое положеніе Сиріи и Палестины", — „Переселенческое дѣло"; **Н. В. Богоявленскій**: „Въ верховьяхъ Аму-Дарьи"; **Н. А. Бѣльскій**: „Тянь-шань",—„Петровскія озера Корчевск. у."; проф. **А. И. Воейковъ**: „Воздѣйствіе человѣка на природу"; **М. М. Воскобойниковъ**: „Изъ наблюденій на Памирѣ"; **А. Грачевъ**: „Объ озерахъ Костромской губ."; **Б. М. Житковъ** и **С. А. Бутурлинъ**: „По Сѣверу Россіи"; **А. А. Ивановскій**: „Истоки рѣки Москвы", — „Озеро Гокча", — „Араратъ"; **П. Г. Игнатовъ**: По южному Алтаю"; проф. **А. Н. Красновъ**: „Растительность горныхъ вершинъ Явы, Японіи и Сахалина"; проф. **П. И. Кротовъ**: „Вятскій увалъ",—„О постановкѣ преподаванія географіи въ средн. учебн. заведеніяхъ"; **А. А. Круберъ**: „О болотахъ Моск. и Ряз. губ.",—„Опыты раздѣленія Евр. Россіи на естеств. районы", — „О карстовыхъ явленіяхъ въ Россіи",—„Новая Гвинея"; **Г. И. Куликовскій**: „Зарастающія и періодически исчезающія озера Обонежскаго края"; **М. Л. Леваневскій**: „Очерки Киргизскихъ степей"; проф. **Э. Е. Лейстъ**: „Луна и погода"; **В. Н. Леоновъ**: „Озера въ области р. Пры, Рязанск г.",—„Озера Нижней Рачи, въ Закавказьѣ"; **Е. И. Луценко**: Поѣздка къ алтайскимъ теленгетамъ",—„Озера въ области истоковъ Дона"; **А. К. Ф. М.**: „Альпинизмъ"; **В. Г. Михайловскій**: „Горныя группы и ледники Центральнаго Кавказа", **М. В. Никольскій**: „Слѣды ассировавилонской культуры на Кавказѣ"; проф. **В. А. Обручевъ**: „Природа и жители Центральной Азіи"; проф. **А. П. Павловъ**: „О рельефѣ равнинъ и его измѣненіяхъ подъ вліяніемъ работы подземныхъ и поверхностныхъ водъ"; **С. К. Патакановъ**: „По Юкатану"; **Х. С. Г. Султановъ**: „Свящ. область мусульманъ въ Аравіи": пр.-доц. **Г. И. Танфильевъ**: „Донстор. степи Евр. Россіи",—„О торфяникахъ Моск. губ."; **Н. Тихоновичъ**: „Въ киргизскихъ степяхъ Семипалатинской обл."; пр.-доц. **Б. А. Федченко**: „Задачи ботанической географіи"; **А. Ѳ. Флеровъ**: „Ботанико-географич. очерки"; **Д. Чорчъ**: „Оч. физ. геогр. Южн. Америки"; **А. Яриловъ**: „Педологія или наука о почвѣ" и др. Кромѣ того мелкія извѣстія и библіографическія замѣтки. Приложеніями къ журналу вышли: 1) **Ф. Нансенъ**. Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи, 455 стр., съ рис. и карт.; 2) **Г. Н. Потанинъ**. Восточные мотивы въ средневѣковомъ эпосѣ, 894 стр.; 3) **Арт. Гейки**. О преподаваніи географіи. Совѣты учителямъ; 4) проф. **С. Гюнтеръ**. Исторія географ. открытій и успѣхи научнаго землевѣдѣнія въ XIX вѣкѣ. (Печатается и будетъ доставлена подписчикамъ на 1903 годъ).

Digitized by Google

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э.

Адресъ: Москва, Политехническій музей, въ редакцію „Этнографическаго Обозрѣнія".

1) Русскія былины старой и новой записи. Подъ ред. акад. *Н. С. Тихонравова* и проф. *Вс. Ѳ. Миллера.* М. 1894. 8°. VIII + 305 стр. Ц. 2 р. 50 к. (распродано).

2) Бѣломорскія былины, записанныя *А. Марковымъ,* съ предисловіемъ проф. *В. Ѳ. Миллера.* М. 1901. 8°. XV + 618 стр. Ц. 2 р. 75 к. (за границу 3 р. 50 к.). (Складъ въ Т-вѣ Скоропечатни А. А. Левенсонъ).

3) Юбилейный сборникъ въ честь *Вс. Ѳед. Миллера,* изданный его учениками и почитателями, съ портретомъ, подъ ред. Н. А. Янчука. М. 1900. 4°. XXII+368 стр. Ц. 3 р. (за границу 3 р. 75 к.).

4) *П. С. Ефименко.* Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи. Вып. I и II. М. 1877—78 гг. 4°. VII+221+X+276 стр. Ц., вмѣсто прежн. 6 руб.,—10 руб. (Изданіе почти распродано). (За границу 11 руб.).

5) Матеріалы по этнографіи латышскаго племени, подъ ред. *Ѳ. Я. Трейландъ.* М. 1881. 4°. X+224 стр. Ц. 3 р. 50 к. (за границу 4 р.).

6) Протоколы засѣданій Этнографическаго Отдѣла 1874—1877 гг. (статьи и матеріалы по этнографіи). М. 1877. 4°. 190 стр. Ц. 2 р. (за границу 2 р. 50 к.).

7) То же. 1877—1884 гг. М. 1886. 4°. 186+7 стр. Ц. 2 р. за границу 2 р. 50 к.).

8) То же 1885—1887 (статьи, а также полная программа: а) для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, б) для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ). М. 1888. 4°. VIII+217 стр. Ц. 2 р. (за границу 2 р. 50 к.).

9) Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. I, II и III. М. 1889, 1890 и 1891 гг. 4°. Ц. 6 р. (за границу 7 руб.).

10) *Н. Н. Харузинъ.* Русскіе лопари (очерки прошлаго и современнаго быта). М. 1890. II+472 стр. 3 фототип. и карт. Ц. 3 р. 50 к. (за границу 4 р. 50 к.).

11) *В. М. Михайловскій.* Шаманство (сравнительно-этнографическіе очерки). М. 1892. 4°. IV+115 стр. Ц. 1 р. 50 к. (за границу 2 руб.).

12) *И. А. Житецкій.* Очерки быта Астраханскихъ калмыковъ. М. 1893. 4°. II+73 стр. 12 табл. рисунк. Ц. 1 р. 25 к. (за границу 1 р. 60 к.).

Digitized by Google

Годъ X. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1905 г.** Годъ X.

на ежемѣсячный научно-популярный и педагогическій журналъ

„ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ГЕОГРАФІЯ“.

Выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюня—іюля), книжками въ 5—6 печатныхъ листовъ.

Журналъ **ОДОБРЕНЪ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ; Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ имуществъ ОДОБРЕНЪ** за всѣ годы существованія и допущенъ на будущее время въ библіотеки подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній.

Журналъ ставитъ себѣ задачей удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Въ журналѣ имѣются отдѣлы: 1) научно-популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія и географіи, статьи по вопросамъ преподаванія естествознанія теоретическаго и прикладного (садоводство, пчеловодство и т. п.) и географіи; 2) акваріумъ и террариумъ; 3) библіографія (обзоръ русской и иностранной литературы по естествознанію и географіи); 4) хроника; 5) смѣсь; 6) вопросы и отвѣты по предметамъ программы.

Весьма желательно установленіе живой связи между лицами, стоящими у дѣла преподаванія, и журналъ ставитъ себѣ цѣлью содѣйствовать этому. Редакція проситъ лицъ, завѣдующихъ учебными заведеніями, земскія управы и училищные совѣты высылать въ редакцію отчеты по училищному дѣлу.

Въ журналѣ были помѣщены статьи: **И. Я. Акинфіева, А. П. Артари, Л. И. Бородовскаго, проф. А. Ѳ. Брандта, В. В. Богданова, П. Вольногорскаго, Н. Н. Вакуловскаго, проф. С. П. Глазенапа, М. И. Голенкина, проф. А. С. Догеля, М. И. Демкова, Л. Н. Елагина, В. Е. Жадовскаго, Б. М. Житкова, проф. Н. Ю. Зографа, Н. Ф. Золотницкаго, проф. Н. Ѳ. Кащенка, проф. Н. И. Кузнецова, проф. И. А. Каблукова, проф. Н. М. Кулагина, Г. А. Кожевникова, М. А. Кожевниковой, проф. А. Н. Краснова, М. Э. Мендельсона, С. П. Меча, Г. А. Надсона, А. М. Никольскаго, К. Д. Носилова, проф. А. П. Павлова, А. Н. Рождественскаго, проф. В. В. Сапожникова, К. А. Сатунина, К. К. Сентъ-Илера, М. М. Сіязова, В. И. Таліева, проф. К. А. Тимирязева, проф. А. А. Тихомирова, П. Р. Фрейберга, проф. В. М. Шимкевича, П. Ю. Шмидта** и нѣкоторыя другія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкою и пересылкою **4** р. **50** коп., безъ доставки **4** руб.; на полгода съ пересылкою и доставкою **2** р. **50** к.; за границу **7** руб. За ту же цѣну можно получить журналъ за 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903 и 1904 гг. Книжки журнала въ отдѣльной продажѣ стоятъ 75 коп. каждая.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только **20** коп. съ каждаго годового полнаго экземпляра.

КОНТОРА РЕДАКЦІИ: Москва, Донская, домъ Даниловой.

Редакторъ-издатель **М. П. Варавва.**

Digitized by Google

Русскій Антропологическій Журнаъ,

издаваемый Антропологическимъ Отдѣломъ

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, подъ редакціей секретаря Отдѣла *А. А. Ивановскаго* (основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ, 30 марта 1900 г., предсѣдателя Отдѣла *проф. Д. Н. Анучина*); выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая 8—10 печатныхъ листовъ съ рисунками.

Цѣна годовому изданію **5** руб. съ доставкой и пересылкой, за границу **6** руб. Цѣна отдѣльной книжки **1** руб. **50** коп.

Принимается подписка на 1905 годъ.

Съ требованіями обращаться: Москва, Историческій Музей, Секретарю Антропологическаго Отдѣла А. А. Ивановскому.

Редакція

„ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОБОЭРѢНІЯ"

ПЕЧАТАЕТЪ ПЛАТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ ПОЗАДИ ТЕКСТА.

Цѣна одного объявленія на цѣлой страницѣ— **10** руб., на $^1/_2$ страницѣ — **5** р. **50** коп. и на $^1/_4$ страницѣ—**3** рубля.

Постороннія приложенія для разсылки при изданіи принимаются по особому соглашенію.

Конторамъ, доставляющимъ объявленія, дѣлается скидка: съ объявленій русскихъ 10%, съ объявленій заграничныхъ 20%.

Digitized by Google

Поступила въ продажу новая книга:

АРХАНГЕЛЬСКІЯ БЫЛИНЫ

и

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ,

собранныя **А. Д. Григорьевымъ** въ 1899—1901 гг.

Съ напѣвами, записанными посредствомъ фонографа.

Томъ I. Часть I: Поморье. Часть II: Пинега.

Изданіе Императорской Академіи Наукъ.

Сборникъ объемомъ въ 48 печатныхъ листовъ 8° и содержитъ въ себѣ, помимо текстовъ 212 поморскихъ и пинежскихъ былинъ и историческихъ пѣсенъ, еще 56 напѣвовъ къ нимъ, предисловіе ко всему изданію, свѣдѣнія объ эпической традиціи въ Поморьѣ и Пинежскомъ краѣ, біографіи пѣвцовъ и пѣвицъ, предисловіе къ напѣвамъ, алфавитные указатели и обзоръ варьянтовъ былинъ и историческихъ пѣсенъ.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ **Карбасникова** въ Москвѣ, Петербургѣ, Варшавѣ и Вильнѣ.

Можно получать также въ книжныхъ магазинахъ Суворина (въ Москвѣ, Петербургѣ и др. городахъ) и Вольфа, Путиловой, „Трудъ“ и др. въ Москвѣ.

Digitized by Google

Digitized by Google